

ФЕДЕРАЛИЗМ

Теория. Практика. История

4 (104), 2021, Т. 26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна**
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации,
заведующая Центром публично-правовых
исследований Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации
- ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич**
главный редактор, д.э.н., профессор,
руководитель Научно-исследовательского
объединения Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова
- БАХТИЗИН Альберт Рауфович**
член-корреспондент РАН, д.э.н.,
профессор РАН, директор Центрального
экономико-математического института РАН
- БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич**
заместитель главного редактора, д.э.н.,
профессор, заведующий Центром
федеративных отношений и регионального
развития Института экономики РАН
- ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович**
д.э.н., главный аудитор Банка России
- ГРИНБЕРГ Руслан Семенович**
член-корреспондент РАН, научный
руководитель Института экономики РАН
- ИЛЬИН Владимир Александрович**
член-корреспондент РАН, профессор,
научный руководитель
Вологодского научного центра РАН
- КУРБАНОВ Рашад Афатович**
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации,
директор Института правовых исследований
и региональной интеграции, заведующий
кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
- ЛОБАНОВ Иван Васильевич**
к.ю.н., ректор Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова
- ЛЫКОВА Людмила Никитична**
д.э.н., профессор,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН
- МАЕВСКИЙ Владимир Иванович**
академик РАН, заведующий Центром
эволюционной экономики
Института экономики РАН
- МАКАРОВ Валерий Леонидович**
академик РАН, научный руководитель
Центрального экономико-математического
института РАН
- МИНАКИР Павел Александрович**
академик РАН, научный руководитель
Института экономических исследований
Дальневосточного отделения РАН
- МИРОНОВ Сергей Михайлович**
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания РФ
- ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович**
академик РАН, д.э.н., профессор,
руководитель научного направления
“Математическая экономика”
Центрального экономико-математического
института РАН
- СТРОЕВ Егор Семенович**
академик РАН
- ТИХОМИРОВ Юрий Александрович**
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, член-корреспондент
Международной академии сравнительного
права, заместитель заведующего
Центром публично-правовых исследований
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
- ШАКИРОВА Диана Фаридовна**
ответственный секретарь
- ОДИНЦОВА Александра Владимировна**
ответственный редактор, д.э.н.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practics. History

4 (104), 2021, Vol. 26

EDITORIAL BOARD

- ANDRICHENKO Lyudmila V.**
Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Studies
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation
- VALENTEY Sergey D.**
Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor,
Head of the Research Association; Plekhanov
Russian University of Economics
- BAKHTIZIN Albert R.**
Corresponding Member of the RAS;
Professor of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Director at
the Central Economics and Mathematics Institute,
RAS
- BUKHVALD Eugeny M.**
Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Centre of Federal
Relations and Regional Development,
Institute of Economics, RAS
- GOREGLIAD Valeriy P.**
Dr. Sc. (Econ.), Chief Auditor of
the Bank of Russia
- GRINBERG Ruslan S.**
Corresponding Member of RAS;
Scientific Leader of the
Institute of Economics, RAS
- ILYIN Vladimir A.**
Corresponding Member of RAS;
Scientific Leader of the
Vologodskiy Scientific Center, RAS
- KURBANOV Rashad A.**
Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Director of the Institute
of Legal Research and Regional Integration;
Head of the Chair of Civil-Law Disciplines;
Plekhanov Russian University
of Economics
- LOBANOV Ivan V.**
Cand.Sc. (Law), Rector of Plekhanov Russian
University of Economics.
- LYKOVA Lyudmila N.**
Dr. Sc. (Econ.), Professor,
Chief Researcher,
Institute of Economics of the RAS
- MAEVSKIY Vladimir I.**
Academician of RAS,
Leader of the Centre of Evolutionary
Economics the Institute of Economics, RAS
- MAKAROV Valeriy L.**
Academician of RAS, Scientific Leader of the
Central Economics and Mathematical Institute,
RAS
- MINAKIR Pavel A.**
Academician, RAS,
Scientific Leader of the Economic Research Institute,
Far East Branch of RAS
- MIRONOV Sergey M.**
Deputy, State Duma,
Federal Assembly of the Russian Federation
- POLTEROVICH Victor M.**
Academician of RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Research "Mathematical
Economics" at the Central Economics and
Mathematics Institute, RAS
- STROEV Egor S.**
Academician of RAS
- TIKHOMIROV Yury A.**
Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Worker of Science
of the Russian Federation;
Member-Correspondent of the International
Academy of Comparative Law;
Deputy Head of the Center for Public
Law Studies of the Institute
of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation
- SHAKIROVA Diana F.**
Secretary of the Board
- ODINTSOVA Alexandra V.**
Executive Editor, Dr.Sc. (Econ.)

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
	ЛАЙКАМ К.Э., БИКБАЕВА А.Р., ПАВЛОВА Е.К.	
	Влияние пандемии коронавируса на рынок труда.....	5
	ГАГАРИНА Г.Ю., БОЛОТОВ Р.О.	
	Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла.....	20
○	ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
	КУЗНЕЦОВА О.В., БАБКИН Р.А.	
	Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития	35
	ВОРОШИЛОВ Н.В.	
	Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России.....	54
○	ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	
	КОРОТИНА Н.Ю.	
	Формирование теоретической модели экономического федерализма на основе двойственной сущности государства.....	75
○	НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
	ЧУФРИН Г.И.	
	Постсоветские государства Евразии в международных экономических отношениях	89
○	ДИАПАЗОНЫ БЕЗОПАСНОСТИ	
	БАДИНА С.В., БАБКИН Р.А., БЕРЕЗНЯЦКИЙ А.Н.	
	Перспективы применения данных сотовых операторов в исследованиях природного и техногенного риска.....	111
○	АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ	
	ВАЛЕНТЕЙ С.Д., БАХТИЗИН А.Р., БОРИСОВА А.В., КОЛЬЧУГИНА А.В., ЛЫКОВА Л.Н.	
	Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии ..	127
○	МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ	
	КАРПОВ Ю.А.	
	Организационно-экономические основы функционирования транспортных комплексов ЕС и КНР	171

CONTENTS

○	SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS	
	LAIKAM K.E., BIKBAEVA A.R., PAVLOVA E.K.	
	Impact of the Coronavirus Pandemic on Labor Market.....	5
	GAGARINA G.Y., BOLOTOV R.O.	
	Valuatio of Inequality in the Russian Federation and its Decomposition Using the Theil Index.....	20
○	ECONOMIC-GEOGRAPHICAL PROBLEMS	
	KUZNETSOVA O.V., BABKIN R.A.	
	Typology of Municipalities to Monitor Their Socio-Economic Development	35
	VOROSHILOV Nikolay V.	
	Development of Urban Agglomerations in the European North of Russia	54
○	QUESTIONS OF THEORY	
	KOROTINA N.Y.	
	Formation of the Economic Federalism Theoretical Model Based on the Dual State Nature.....	75
○	SUPRANATIONAL PROBLEMS	
	CHUFRIN G.I.	
	Post-Soviet States of Eurasia in International Economic Relations	89
○	RANGES OF SECURITY	
	BADINA S.V., BABKIN R.A., BEREZNYATSKY A.N.	
	Prospects for the Use of Mobile Operator Data in Studies of Natural and Man-Made Risk.....	111
○	ANALITICAL NOTES	
	VALENTEY S.D., BAKHTIZIN A.R., BORISOVA S.V., KOL'CHUGINA A.V., LYKOVA L.N.	
	Development Trends of Subjects of the Russian Federation During the Pandemic Period	127
○	YOUNG SCIENTISTS	
	KARPOV Y.A.	
	Organizational and Economic Basis of Functioning of Transportation Complexes of the EU And PRC.....	171

К.Э. ЛАЙКАМ, А.Р. БИКБАЕВА, Е.К. ПАВЛОВА

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА РЫНОК ТРУДА

Пандемия коронавируса затронула все сферы жизни общества, в т.ч. значительным образом повлияла на рынки труда. В статье представлен статистический анализ тенденций на российском рынке труда в условиях распространения коронавирусной инфекции в 2020 г. и в I полугодии 2021 г. В среднем за 2020 г. численность занятых в экономике сократилась почти на 2%, соответственно, численность безработных увеличилась на 25%. Внутри 2020 г. пик роста безработицы пришелся на III квартал 2020 г., когда снижение числа занятых достигло 1,9 млн чел., а прирост числа безработных — 1,5 млн чел. При этом уровень безработицы увеличился до 6,4%, т.е. почти наполовину по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. С IV квартала 2020 г. началось восстановление российского рынка труда. К июлю 2021 г. уровень безработицы снизился до 4,8%. Столь серьезные трансформации российского рынка труда потребовали проведения анализа динамики и структуры занятости в различных разрезах: по видам экономической деятельности, по субъектам Российской Федерации, по полу, по возрастным группам, по месту проживания. Наряду с этим авторами сопоставлены показатели уровня безработицы, рассчитанные по двум методикам, используемым в российской статистической практике. Проведено международное сопоставление уровня безработицы за 2020–2021 гг. Рассмотрены показатели, характеризующие недоиспользование рабочей силы, в т.ч. численность и уровень потенциальной рабочей силы. Рассмотрена динамика заработной платы в 2019–2021 гг. Особое внимание уделено анализу ситуации с заработной платой работников в наиболее острый момент кризиса — в апреле 2020 г.

Ключевые слова: рынок труда, пандемия коронавируса, численность занятых, численность безработных, уровень занятости, уровень безработицы, заработная плата, регионы, пол, возраст.

JEL: C10, E20, J11, J30, J64

Проблемы трансформации российского рынка труда в условиях пандемии все еще недостаточно полно отражены в научной литературе [1–6]. Этим и объясняется актуальность настоящей статьи.

Наиболее полным и надежным источником информации о ситуации на рынке труда является Выборочное обследование рабочей

силы (далее – ОРС). В статье «Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса» [5] упоминалось, что в условиях введенного режима самоизоляции в субъектах Российской Федерации стало невозможным проведение традиционной формы этого и других статистических обследований домохозяйств – личных опросов респондентов интервьюерами. В связи с этим в соответствии с рекомендациями Международной организации труда (далее – МОТ) [7] Росстатом был предпринят ряд изменений технологии проведения ОРС – в частности, обследования проводились посредством телефонных опросов респондентов на основе репрезентативной выборки. Данная практика получила применение и в рамках других обследований, требующих проведения интервью.

Первая волна пандемии

Анализ данных ОРС [8] о занятости и безработице по кварталам за 2019 г., 2020 и 2021 гг. (см. рис. 1) показал, что в среднем за 2020 г. численность занятых в экономике сократилась почти на 2%, численность безработных увеличилась на 25%.

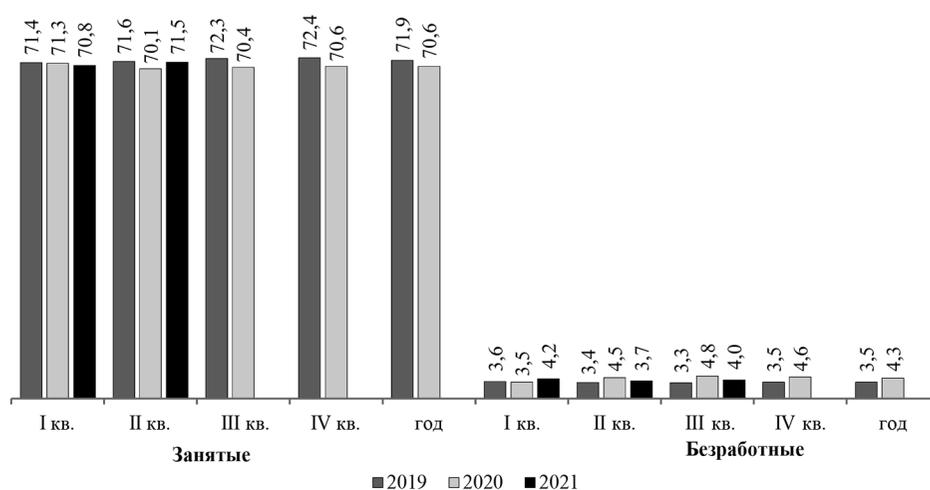

Рис. 1. Численность занятых и безработных в 2019–2021 гг., млн чел.

Источник: составлено авторами по [8].

Внутри 2020 г. пик роста безработицы пришелся на III квартал 2020 г.: снижение числа занятых достигло 1,9 млн чел., а прирост числа безработных – 1,5 млн чел. Уровень безработицы увеличился почти наполовину по сравнению с соответствующим периодом 2019 г.

Динамика занятости

Во II квартале 2020 г. по сравнению со II кварталом 2019 г. по большинству видов деятельности зафиксировано снижение числа занятых (кроме государственного управления и обеспечения военной безопасности; финансовой и страховой деятельности, деятельности по операциям с недвижимым имуществом; деятельности, связанной с коммунальными услугами; научной и технической деятельности). Наибольшее снижение числа занятых наблюдалось в секторах строительства (–11,3%), торговли, ремонта автотранспортных средств (–5,1%), обрабатывающих производств (–4,2%) и в образовании (–3,7%). Подробный список представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Динамика числа занятого населения в возрасте 15 лет и старше по видам экономической деятельности, прирост (снижение), в %

Источник: составлено авторами по [8].

В соответствии с международными статистическими стандартами [9] в категорию «занятость» включается неполная занятость. Наибольшее увеличение численности работников, находящихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, отмечалось во II квартале 2020 г. (см. рис. 3) — рост в 5,5 раз (на 775,1 тыс. чел.).

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. увеличилась доля занятого населения, временно отсутствующего на работе. Существенный прирост этого показателя имел место в тех видах деятельности, которые связаны с предоставлением услуг. В области культуры, спорта, организации досуга и развлечений этот прирост составил 13,4%, в образовании — 7,8%, среди работников гостиниц и предприятий общественного питания — 10,4%.

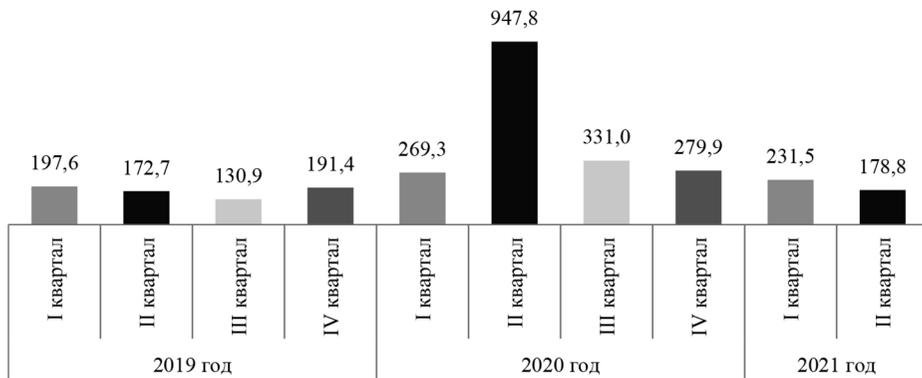

Рис. 3. Численность работников, находящихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, по кварталам за 2019–2021 гг., тыс. чел.

Источник: составлено авторами по [8].

Численность работников, работавших неполное рабочее время по соглашению между работником и работодателем, увеличилась во II квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. в 1,3 раза (с 848,1 тыс. чел. до 1 142,1 тыс. чел.), а по инициативе работодателя – увеличилась в 2 раза (до 84,8 тыс. чел.) (см. рис. 4).

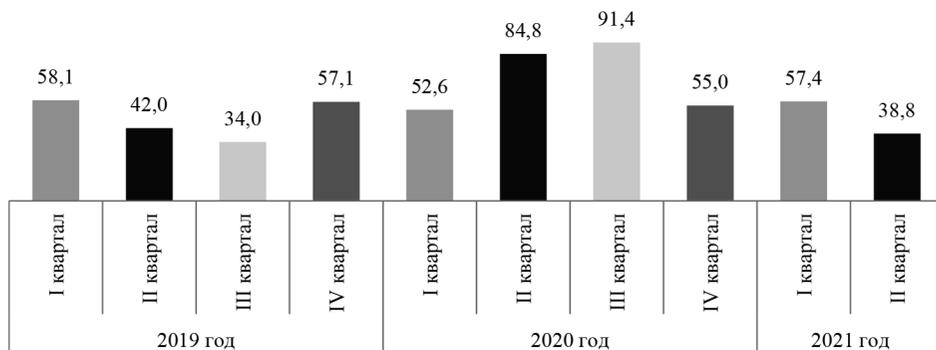

Рис. 4. Численность работников, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя в Российской Федерации

Источник: составлено авторами по [8].

В связи с резким ухудшением ситуации на рынке труда во II квартале 2020 г. в апреле 2020 г. правительством Российской Федерации был определен список отраслей, наиболее пострадавших в условиях пандемии¹. В него

¹ Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 29.10.2021).

вошли следующие отрасли: культура, организация досуга и развлечений; физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт; туризм; гостиничный бизнес; общественное питание; деятельность организаций дополнительного образования, негосударственных образовательных учреждений; деятельность по организации конференций и выставок; бытовые услуги; здравоохранение; розничная торговля непродовольственными товарами; средства массовой информации и производство печатной продукции.

Еще одним важным аспектом, характеризующим занятость, является размер заработных плат работников. В номинальном выражении в 2020 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций сохранила позитивную динамику, однако темпы роста по сравнению с 2019 г. сильно упали, особенно заметно снижение в апреле 2020 г. В 2021 г. динамика показателя в целом повторяет динамику 2019 г. Стоит отметить, что значение показателя в апреле 2021 г. показало рост по сравнению с предыдущими месяцами года (см. рис. 5).

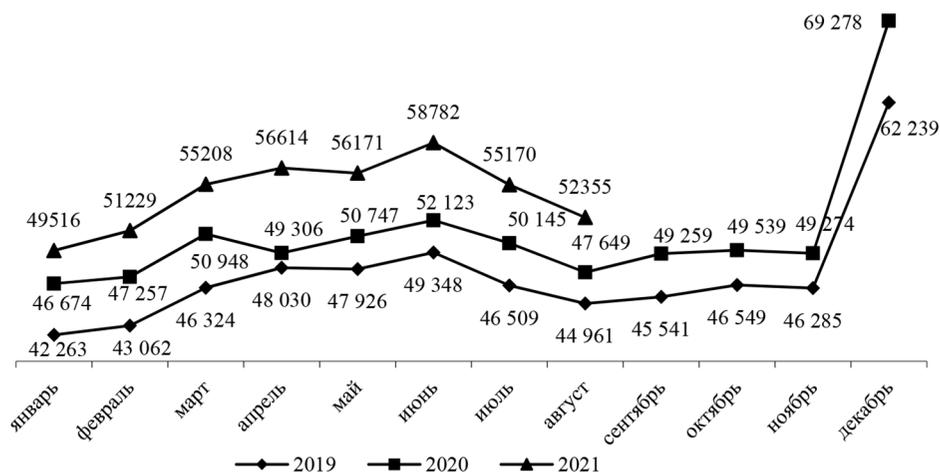

Рис. 5. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в целом по экономике Российской Федерации за 2019–2021 гг.

Источник: составлено авторами по [10].

Уровень безработицы

Среди субъектов Российской Федерации падение зарплат в апреле 2020 г. (по сравнению с апрелем 2019 г.) зафиксировано в Костромской области (почти на 13,4%), Московской и Астраханской областях, Ямало-Ненецком автономном округе (примерно по 5%), а также еще в 8 регионах.

Одним из важнейших показателей рынка труда является уровень безработицы, поэтому остановимся на рассмотрении его динамики и структуры подробнее.

В российской практике этот показатель рассчитывается по двум методологиям: Росстат опирается на определение безработицы по ме-

тодологии МОТ [11], Роструд рассчитывает показатель зарегистрированной безработицы². Из-за методологических особенностей учета значения и динамика данных показателей существенно различаются. В отдельные годы это различие достигало 5 раз. В 2020 г. их соотношение существенно изменилось (см. рис. 6).

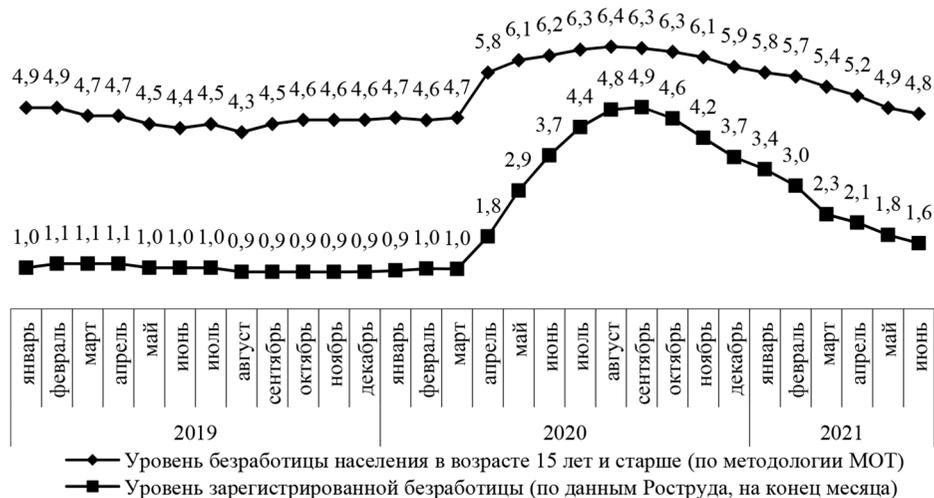

Рис. 6. Уровень безработицы по методологии МОТ и зарегистрированной безработицы в 2019–2021 гг., в %

Источник: составлено авторами по [8; 12].

Максимальное значение уровня зарегистрированной безработицы отмечалось в сентябре 2020 г. (4,9%), максимального значения уровня безработицы по методологии МОТ наблюдалось в августе (6,4%). С января по сентябрь 2020 г. зарегистрированный уровень безработицы увеличился в 5,4 раз, а рассчитанный по методологии МОТ – в 1,3 раза. В марте 2020 г. было увеличено пособие по безработице, предоставлялись выплаты на детей безработным родителям³, оказывалась поддержка потерявшим работу с 1 марта 2020 г. из-за сложившихся условий пандемии и вставшим на учет в качестве безработного, кроме того, с апреля введен упрощенный порядок регистрации в центрах занятости⁴. За 4 месяца

² Порядок регистрации граждан в качестве безработных утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2012 г. № 891. URL: <http://base.garant.ru/70225972/> (дата обращения: 28.10.2021).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 346 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год» с последующими изменениями. URL: <https://base.garant.ru/73816518/> (дата обращения: 28.10.2021).

⁴ «Временные правила регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными», утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 460, с последующими изменениями. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73768554/> (дата обращения: 28.10.2021).

с апреля 2020 г. данным способом регистрации в качестве безработного воспользовались более 1,5 млн чел.⁵

Динамика уровня безработицы по возрастным группам существенно различалась (см. рис. 7). Согласно данным ОРС, основной удар пандемии пришелся на молодое поколение. Во II квартале 2020 г. по сравнению со II кварталом 2019 г. уровень безработицы вырос среди лиц 15–29 лет – примерно на 30%, в возрастной когорте 30–39 лет – почти наполовину (следует отметить, что на особую уязвимость молодежи на рынке труда обращают внимание как российские [13], так и зарубежные исследователи [14–16]).

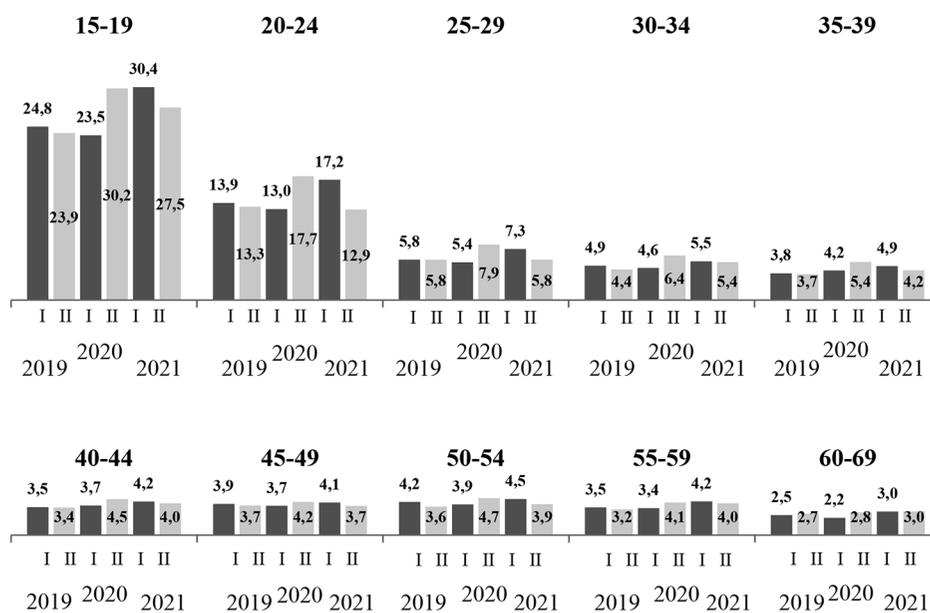

Рис. 7. Уровень безработицы по возрастным группам в I–II кварталах 2019–2021 гг., в %

Источник: составлено авторами по [8].

В гендерном разрезе уровень безработицы также претерпел существенные изменения. Традиционно уровень безработицы среди мужчин был выше, чем у женщин. В последние годы этот разрыв постепенно сокращался. В III квартале 2020 г. впервые за всю историю наблюдений в Российской Федерации «женская» безработица (6,4%) превысила «мужскую» (6,3%) (см. рис. 8).

Что касается уровня безработицы по типу поселения, то тенденция в сокращении разрыва в уровне безработицы между городом и селом, которую мы наблюдаем с 2007 г. (когда уровень безработицы в сельской местности превышал аналогичный показатель в городах более чем

⁵ Портал «Работа в России» открыл возможность дистанционного обращения в центры занятости. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/56> (дата обращения: 16.09.2021).

в 2 раза), продолжилась. В III квартале 2019 г. «сельский» уровень безработицы превышал аналогичный показатель по городу на 64,5%, а в III квартале 2020 г. – на 42,8%. Это произошло, поскольку за этот период «городской» уровень безработицы увеличился более чем наполовину, а «сельский» – на треть (см. рис. 9).

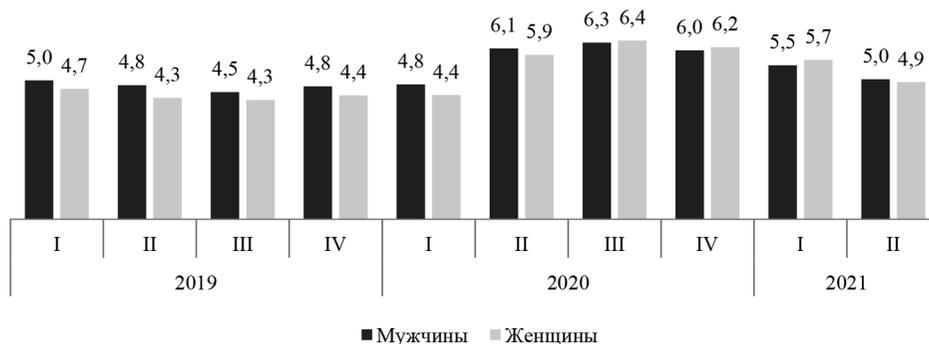

Рис. 8. Уровень безработицы населения по полу в 2019–2021 гг., в %

Источник: составлено авторами по [8].

Однако год спустя разрыв в уровне безработицы по месту поселения вновь почти достиг исторического максимума – 86,3%. На это повлияло то, что в городской местности уровень безработицы во II квартале 2021 г. в годовом выражении снизился на 17,5%, а в сельской местности – только на 4,3%.

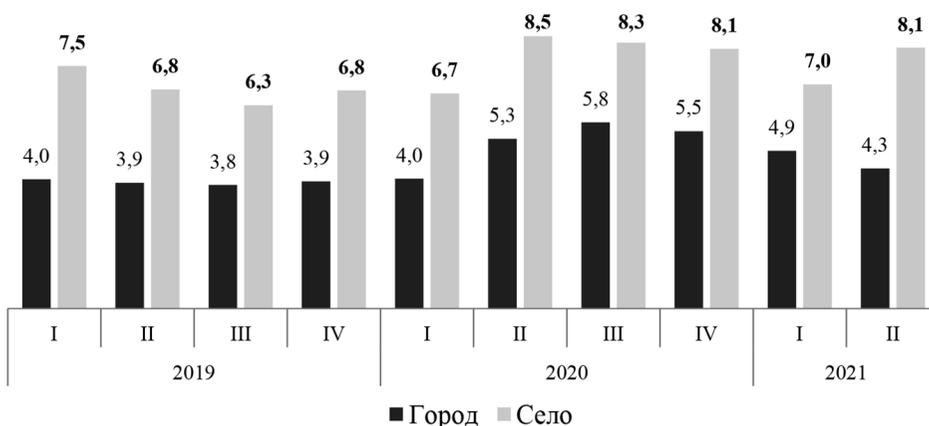

Рис. 9. Уровень безработицы населения по типу поселения в 2019–2021 гг., в %

Источник: составлено авторами по [8].

Значительная дифференциация как по уровню безработицы, так и по ее динамике отмечалась и региональном разрезе.

Наибольшее значение уровня безработицы в 2020 г. наблюдалось в Ингушетии – 29,8%, в Чеченской Республике – 18,5%,

Республике Тыве – 18,0%, Республике Дагестан – 15,7%, Республике Северная Осетия-Алания – 15,4%, а наименьшие значения в Ямало-Ненецком автономном округе – 2,4%, г. Москве – 2,6%, г. Санкт-Петербурге – 2,9%, Ханты-Мансийском авт. округе – Югре – 3,0%, Московской области и Республике Татарстан – по 3,0%.

При этом *наибольший прирост уровня безработицы* во II квартале 2020 г. по сравнению со II кварталом 2019 г. зафиксирован в г. Санкт-Петербурге (на 99,3%), Республике Хакасии (на 87,9%), Орловской области (на 79,8%), Новгородской области (на 79,6%) и Мурманской области (на 74,0%).

По федеральным округам прирост уровня безработицы во II квартале 2020 г. по сравнению со II кварталом 2019 г. также сильно различался: в Северо-Западном федеральном округе – 43,8%, в Уральском – 36,7%, в Центральном – 35,7%, в Сибирском – 35,4%, в Приволжском – 32,3%, в Северо-Кавказском – 29,2%, в Южном – 23,3%, в Дальневосточном – 13,1%.

В качестве дополнительного показателя для оценки масштабов недоиспользования рабочей силы применяется «численность потенциальной рабочей силы» (к потенциальной рабочей силе относятся незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе). Так, во II квартале 2020 г. этот показатель составил почти 2 млн чел., увеличившись за год почти на 340 тыс. чел.

Существенное влияние на рынок труда оказало и изменение динамики показателей естественного движения населения. Здесь отметим, что за 2020 г. *число умерших трудоспособного возраста составило 450,2 тыс. чел.*, превысив значение предыдущего года на 18,7%. При этом потери непосредственно от коронавирусной инфекции составили около 22 тыс. чел.

Восстановление рынка труда

Первые признаки восстановления российского рынка труда обнаружили в IV квартале 2020 г. До конца года численность занятых возросла на 200 тыс. чел., ровно настолько же сократилось число безработных. I квартал 2021 г. продемонстрировал еще более позитивную динамику: занятых увеличилось еще на 200 тыс. чел., а численность безработных сократилась сразу на 400 тыс. чел.

Кардинальное улучшение ситуации на российском рынке труда началось со II квартала 2021 г.: численность занятых за этот квартал возросла сразу на 700 тыс. чел., а число безработных сократилось на полмиллиона. В июне 2021 г. уровень безработицы по методологии МОТ снизился до 4,8%, а концу III квартала достиг доковидного уровня. По данным Роструда наблюдалось еще более резкое снижение: уровень зарегистрированной безработицы относительно пикового значения показателя в сентябре 2020 г. (4,9%) сократился к июню 2021 г. до 1,6%.

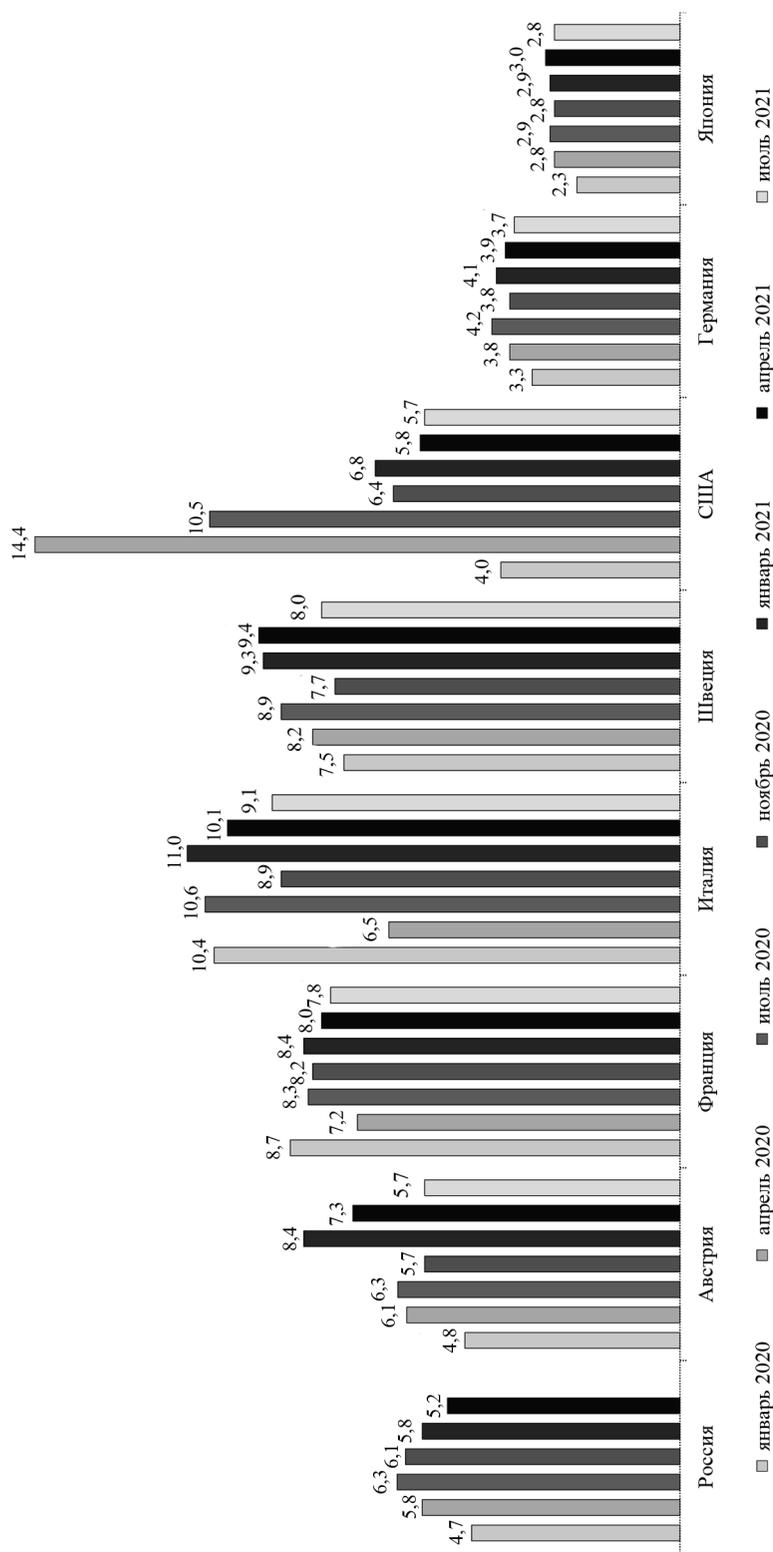

Рис. 10. Уровень безработицы в России и отдельных странах мира в 2020–2021 гг., в %

Источник: составлено авторами по [8; 17].

Во II квартале 2021 г. уровень безработицы среди молодежи снизился на 9% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, «мужская» безработица (5,0%) вновь превысила «женскую» (4,9%).

Во II квартале 2021 г. по всем федеральным округам наблюдается снижение показателя по сравнению со II кварталом 2020 г. По темпам снижения лидируют Уральский и Приволжский федеральные округа (примерно по 25%).

Численность потенциальной рабочей силы во II квартале 2021 г. составила 1,3 млн чел., также существенно снизившись за год — на 631 тыс. чел.

В 2021 г. существенно улучшилась и ситуация с неполной занятостью, практически все характеризующие ее показатели снизились до уровня доковидного 2019 г.

Значимым аспектом анализа выступает сравнение динамики показателей рынка труда в условиях пандемии в России и других странах. На *рисунке 10* показано, как изменялся в 2020–2021 гг. уровень безработицы в ряде стран.

Как показано на *рисунке 10*, во всех представленных странах уровень безработицы во II квартале 2021 г. не вернулся к показателям уровня 2019 г. Однако стоит отметить, что благодаря оказанным мерам поддержки бизнеса и граждан России (наряду с Японией и Германией) удалось лучше других стран стабилизировать свой рынок труда.

Список литературы

1. *Бондаренко Н.Е.* Российский рынок труда в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 7. С. 63–69.

2. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Карантинная экономика и рынок труда // *ЭКОНС – Экономический разговор*. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda/> (дата обращения: 24.10.2021).

3. Концептуальные аспекты развития экономики России: вызовы и приоритеты: монография / ред. Е.В. Устюжанина, М.В. Дубовик. М.: Русайнс, 2020. 234 с.

4. *Коронакризис – 2020: что будет и что делать?* Сценарии развития и меры экономической политики / под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2020. 45 с. URL: <https://liberal.ru/announcements/koronakrizis-2020-chto-budet-i-chto-delat> (дата обращения: 21.10.2021).

5. *Лайкам К.Э.* Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса // *Вопросы Статистики*. 2021. Т. 28. № 5. С. 49–57.

6. *Гайдаенко А.А., Хрипачева Е.В., Худов А.М.* Особенности рынка труда в период пандемии COVID-19 // *Инновации и инвестиции*. 2021. № 3. С. 126–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rynka-truda-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 24.10.2021).

7. COVID-19: Руководство по сбору данных статистики труда // Международная организации труда. URL: http://www.cisstat.com/covid-19/1_2_ILO%20Capturing%20impacts%20on%20employment%20and%20unpaid%20work_rus.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

8. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 28.10.2021).
9. Рекомендации XIX-ой Международной конференции статистиков труда в форме резолюции I «Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы», октябрь 2013 г. // International Labor Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
10. Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 28.10.2021).
11. Key Indicators of the Labour Market // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/research-and-databases/kilm/WCMS_422438/lang--en/index.htm (дата обращения: 28.10.2021).
12. Данные Федеральной службы по труду и занятости (Роструд) // Федеральная служба по труду и занятости (Роструд). URL: <https://rostrud.gov.ru/rostrud/dokumenty/> (дата обращения: 28.10.2021).
13. Особенности безработицы на российском рынке труда: информационный бюллетень / С.А. Солнцев, Н. Емелина, М.В. Лопатина; под науч. ред. С.А. Солнцева, С.Ю. Рошина. М.: ИД ВШЭ, 2021. 53 с.
14. Концептуальная записка Международной организации труда. Виртуальный глобальный саммит МОТ по COVID-19 и сфере труда. Обеспечение лучшего будущего сферы труда. 1–2, 7–9 июля 2020 г. // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/meetingdocument/wcms_747992.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
15. Энцо Вебер, Роман Нойперт. Динамика европейского рынка труда после начала кризиса Covid-19. Серия «Кризис COVID-19: последствия для рынка труда» // IAB-Forum (Das Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung). 16 апреля 2021 г. URL: <https://www.iab-forum.de/en/european-labour-market-dynamics-after-the-outbreak-of-the-covid-19-crisis/> (дата обращения: 01.11.2021).
16. Stephen Evans, Joe Dromey. Coronavirus and the Labour Market: Impacts and Challenges // Learning and Work Institute. April 2020. URL: <https://learningandwork.org.uk/resources/research-and-reports/1913/> (дата обращения: 01.11.2021).
17. Данные по уровню безработицы МОТ // ILOSTAR explorer. URL: <https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer46/> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Bondarenko N.E. Rossiiskii rynek truda v usloviakh pandemii novoi koronavirusnoi infektsii: tendentsii, vyzovy i gosudarstvennoe regulirovanie [Russian Labor Market in the Context of a New Coronavirus Infection Pandemic: Trends, Challenges and Government Regulation], *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2020, No. 7, pp. 63–69. (In Russ.).
2. Gimpel'son V.E., Kapeliushnikov R.I. Karantinaia ekonomika i rynek truda [Quarantine Economy and Labor Market], *EKONS – Ekonomicheskii razgovor* [ECONS – Economic Conversation]. (In Russ.). Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynek-truda/> (accessed 24 October 2021).
3. Kontseptual'nye aspekty razvitiia ekonomiki Rossii: vyzovy i priority: monografiia [Conceptual Aspects of the Development of the Russian Economy: Challenges and Priorities: Monograph], edited by E.V. Ustiuzhanina, M.V. Dubovik. Moscow, Rusains, 2020. 234 p. (In Russ.).

4. Koronakrizis – 2020: chto budet i chto delat'? Stsenarii razvitiia i mery ekonomicheskoi politiki [Coronacrisis – 2020: What Will Happen and What to Do? Development Scenarios and Economic Policy Measures], edited by K. Rogova. Moscow, Liberal'naia missiia, 2020. 45 p. (In Russ.). Available at: <https://liberal.ru/announcements/koronakrizis-2020-chto-budet-i-chto-delat> (accessed 21 October 2021).

5. Laikam K.E. Rossiiskii rynek truda v usloviakh pandemii koronavirusa [Russian Labor Market in the Context of the Coronavirus Pandemic], *Voprosy Statistiki* [Questions of Statistics], 2021, Vol. 28, No. 5, pp. 49–57. (In Russ.).

6. Gaidaenko A.A., Khripacheva E.V., Khudov A.M. Osobnosti rynka truda v period pandemii COVID-19 [Features of the Labor Market During the COVID-19 Pandemic], *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2021, No. 3, pp. 126–131. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-rynka-truda-v-period-pandemii-covid-19> (accessed 21 October 2021).

7. COVID-19: Rukovodstvo po sboru dannykh statistiki truda [COVID-19: Guidelines for the Collection of Labor Statistics], *Mezhdunarodnaia organizatsii truda* [International Labor Organization]. (In Russ.). Available at: http://www.cisstat.com/covid-19/1_2_ILO%20Capturing%20impacts%20on%20employment%20and%20unpaid%20work_rus.pdf (accessed 21 October 2021).

8. Itogi vyborochnogo obsledovaniia rabochei sily [Results of a Sample Survey of the Labor Force], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (accessed 21 October 2021).

9. Rekomendatsii XIX-oi Mezhdunarodnoi konferentsii statistikov truda v forme rezoliutsii I “Rezoliutsiia o statistike trudovoi deiatel'nosti, zaniatosti i nedoispol'zovaniia rabochei sily”, oktiabr' 2013 g. [Recommendations of the XIX International Conference of Labor Statisticians in the Form of Resolution I “Resolution on Statistics of Labor Activity, Employment and Labor Underutilization”, October 2013], *International Labor Organization* [International Labor Organization]. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (accessed 01 November 2021).

10. Rynek truda, zaniatost' i zarabotnaia plata [Labor Market, Employment and Wages], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed 28 October 2021).

11. Key Indicators of the Labour Market, International Labour Organization. Available at: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/research-and-databases/kilm/WCMS_422438/lang--en/index.htm (accessed 28 October 2021).

12. Dannye Federal'noi sluzhby po trudu i zaniatosti (Rostrud) [Data of the Federal Service for Labor and Employment (Rostrud)], *Federal'naia sluzhba po trudu i zaniatosti (Rostrud)* [Federal Service for Labor and Employment (Rostrud)]. (In Russ.). Available at: <https://rostrud.gov.ru/rostrud/dokumenty/> (accessed 28 October 2021).

13. Osobnosti bezrobotitsy na rossiiskom rynke truda: informatsionnyi biulleten' [Peculiarities of Unemployment in the Russian Labor Market: Information Bulletin], S.A. Solntsev, N. Emelina, M.V. Lopatina, under scientific. ed. S.A. Solntseva, S.Iu. Roshchina. Moscow, ID VShE, 2021. 53 p. (In Russ.).

14. Kontseptual'naia zapiska Mezhdunarodnoi organizatsii truda. Virtual'nyi global'nyi sammit MOT po COVID-19 i sfere truda. Obespechenie luchshego budushchego sfery truda. 1–2, 7–9 iulia 2020 g. [Concept Note of the International Labor Organization. ILO Virtual Global Summit on COVID-19 and the World of Work. Ensuring a Better Future for the World of Work. 1–2, 7–9 July 2020], *Mezhdunarodnaia organizatsiia truda* [International Labor Organization]. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/meetingdocument/wcms_747992.pdf (accessed 01 November 2021).

15. Entso Veber, Roman Noipert. Dinamika evropeiskogo rynka truda posle nachala krizisa Covid-19. Seriya «Krizis COVID-19: posledstviia dlia rynka truda» [European Labour Market Dynamics after the Outbreak of the Covid-19 Crisis], *IAB-Forum (Das Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung)*. 16 apreliia 2021 g. [IAB-Forum of April 16 2021]. Available at: <https://www.iab-forum.de/en/european-labour-market-dynamics-after-the-outbreak-of-the-covid-19-crisis/> (accessed 01 November 2021).

16. Stephen Evans, Joe Dromey. Coronavirus and the labour market: impacts and challenges [Coronavirus and the Labor Market: Impacts and Challenges], Learning and Work Institute. April 2020 [Learning and Work Institute]. Available at: <https://learningandwork.org.uk/resources/research-and-reports/1913/> (accessed 01 November 2021).

17. Dannye po urovniu bezrabotitsy MOT [Data on the Unemployment Rate of the ILO], *ILOSTAR explorer* [ILOSTAR explorer]. Available at: <https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer46/> (accessed 01 November 2021).

IMPACT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON LABOR MARKET

The coronavirus pandemic has affected all spheres of society, including a significant impact on labor markets. The article presents a statistical analysis of trends in the Russian labor market in the context of the spread of coronavirus infection in 2020 and in the first half of 2021. On average, in 2020, the number of people employed in the economy field decreased by almost 2%, respectively, the number of unemployed increased by 25%. Within 2020, the peak of unemployment growth occurred in the third quarter of 2020, when the decline in the number of employed reached 1,9 million people, and the increase in the number of unemployed – 1,5 million people. At the same time, the unemployment rate increased to 6,4%, i.e. by almost a half compared to the corresponding period of 2019. Starting from the fourth quarter of 2020, the recovery of the Russian labor market began. By July 2021, the unemployment rate had dropped to 4,8%. Such serious transformations of the Russian labor market required an analysis of the dynamics and structure of employment in various sections: by type of economic activity, by subjects of the Russian Federation, by gender, by age groups, by place of residence. Along with this, the authors compared the indicators of the unemployment rate, which was calculated using two methods used in Russian statistical practice. An international comparison of the unemployment rate for 2020–2021 was carried out. The indicators characterizing the underutilization of labor, including the number and level of potential labor, are considered. The dynamics of wages in 2019–2021 is considered. Special attention is paid to the analysis of the situation with workers' wages at the most acute moment of the crisis – in April 2020.

Key words: labor market, coronavirus pandemic, number of employed, number of unemployed, employment rate, unemployment rate, regions.

JEL: C10, E20, J11, J30, J64

Дата поступления – 26.11.2021 г.

ЛАЙКАМ Константин Эмильевич

доктор экономических наук, кандидат технических наук, заместитель руководителя;

Федеральная служба государственной статистики / ул. Мясницкая, д. 39, стр. 1, г. Москва, 107450.

e-mail: k.laykam@mail.ru

БИКБАЕВА Алина Руслановна

младший научный сотрудник научной лаборатории «Социально-демографической статистики»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997;

консультант отдела обследований бюджетов домашних хозяйств Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств; Федеральная служба государственной статистики / ул. Мясницкая, д. 39, стр. 1, г. Москва, 107450.

e-mail: alina_bikbaeva@inbox.ru

ПАВЛОВА Елена Константиновна

младший научный сотрудник научной лаборатории «Социально-демографической статистики»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

старший преподаватель кафедры «Биоэтики и международного медицинского права ЮНЕСКО»;

Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет им. Н.И. Пирогова / ул. Островитянова д. 1, г. Москва, 117997.

e-mail: pavlova.servis@gmail.com

LAIKAM Konstantin E.

Dr. Sc. (Econ.), Cand. Sc. (Tech.), Deputy Head;

Federal State Statistics Service / 39, Myasnitskaya St., bldg. 1, Moscow, 107450.

e-mail: k.laykam@mail.ru

БИКБАЕВА Алина Р.

Junior Researcher of Research Laboratory «Social-Demographic Statistics»; Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics» / 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997.

Consultant of the Household Budget Surveys Department of the Department of Living Standards Statistics and Household Surveys;

Federal State Statistics Service / 39, Myasnitskaya St., bldg. 1, Moscow, 107450.

e-mail: alina_bikbaeva@inbox.ru

PAVLOVA Elena K.

Junior Researcher of Research Laboratory «Social-Demographic Statistics»; Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics» / 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997.

Senior Lecturer of the Department of Bioethics and International Medical Law of UNESCO;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Pirogov Russian National Research Medical University» / 1, Ostrovityanov St., Moscow, 117997.

e-mail: pavlova.servis@gmail.com

Для цитирования:

Лайкам К.Э., Бикбаева А.Р., Павлова Е.К. Влияние пандемии коронавируса на рынок труда // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 5–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-5-19>

Г.Ю. ГАГАРИНА, Р.О. БОЛОТОВ

ОЦЕНКА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ДЕКОМПОЗИЦИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНДЕКСА ТЕЙЛА

Высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства является одной из основных проблем пространственного развития Российской Федерации, что закреплено в ряде государственных документов стратегического планирования. Подобная ситуация требует постоянного мониторинга данного неравенства и поиска решений этой проблемы. В статье анализируется текущее состояние межрегионального неравенства Российской Федерации по ряду основных показателей социально-экономического развития, а также оценивается динамика изменения неравенства субъектов Российской Федерации в период 2000–2019 гг. Осуществлена декомпозиция межрегионального неравенства при помощи индекса Тейла, и доказывается, что различия между федеральными округами объясняют относительно небольшую часть межрегиональной дифференциации, в то время как на различия между регионами внутри округов приходится более 80% всей региональной вариации.

Ключевые слова: регион, межрегиональная дифференциация, декомпозиция, социально-экономическое развитие, индекс Тейла, экономическое неравенство.

JEL: R13, R58

Формирование социально-экономического неравенства — естественный процесс развития территориальных систем, обусловленный концентрацией экономической деятельности в местах, обладающих большими конкурентными преимуществами, что в свою очередь является следствием концентрации капитала и человеческих ресурсов на этих территориях. В качестве результата действия сил притяжения мест локализации экономической деятельности выступает динамичное опережающее развитие данных территорий.

Вместе с тем сама по себе социально-экономическая дифференциация не является проблемой, т.к. невысокая и управляемая, она может являться драйвером развития экономики, в первую очередь для регионов

отстающего социально-экономического развития. Примером выступают теории «полюсов роста» (центров развития) Ф. Перру, или центры агломерационного развития, когда отстающие территории получают дополнительные стимулы для развития от более развитых территорий.

Однако существенные различия в социально-экономическом развитии территориальных систем – *проблема и препятствие для экономического роста*, формирующие социальное напряжение в обществе и создающие угрозу экономической безопасности страны.

Подобная поляризация в региональном развитии наблюдается и в Российской Федерации, где имеется четко выраженная группа экономически развитых регионов, определяющих общее развитие страны, к которым относятся преимущественно сырьевые регионы (Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ), города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург), а также ряд регионов, специализирующихся на производстве продукции топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии.

Сложившаяся ситуация требует постоянного мониторинга уровня межрегионального неравенства территорий страны для принятия своевременных решений органами государственной власти, а также изучения данного вопроса со стороны исследователей и ученых с целью поиска новых решений данной проблемы.

Подходы к оценке межрегионального социально-экономического неравенства

Оценка пространственного социально-экономического неравенства включает в себя два основных этапа: выбор индикаторов оценки межрегионального неравенства и выбор методов оценки.

В настоящее время существуют несколько базовых социально-экономических индикаторов, на основе которых оценивается уровень межрегиональной дифференциации.

В практике органов государственной власти, в т.ч. Министерства экономического развития Российской Федерации, используются следующие показатели: среднедушевые денежные доходы населения, доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта Российской Федерации, уровень безработицы, инвестиции в основной капитал на душу населения¹.

В научной среде основными оценочными показателями являются, как правило, валовой региональный продукт (далее – ВРП) и объем инвестиций в основной капитал. Все показатели могут оцениваться как в абсолютном выражении, так и в расчете на душу населения.

¹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 25 октября 2019 г. № 698 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы по разработке индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития».

С целью возможности применения результатов данного исследования в процессе совершенствования механизмов реализации государственной региональной политики, а также в целях сопоставления выводов работы с иными научными публикациями предлагается использование некоторых из указанных основных индикаторов для оценки динамики и текущего уровня социально-экономического неравенства субъектов Российской Федерации, что в свою очередь позволит сделать вывод об эффективности региональной политики, направленной на сглаживание излишней дифференциации уровня жизни населения в регионах [1].

В качестве методов оценки предлагается использовать широкий спектр статистических индикаторов пространственной дифференциации, в т.ч. коэффициент разрыва полярных значений, размах вариации, децильный коэффициент, коэффициент вариации, коэффициент осцилляции. Кроме того, в дополнение к указанным индикаторам в рамках работы будут использоваться индекс Тейла и индекс Аткинсона, которые в российской научной литературе для оценки межрегиональной дифференциации применяются относительно редко.

Наиболее простыми индикаторами оценки межрегиональной дифференциации являются коэффициент разрыва полярных значений и размах вариации. Указанные индикаторы дают информацию о том, насколько сильный разрыв по тому или иному показателю наблюдается между двумя крайними регионами – наиболее и наименее развитыми.

Представленные коэффициенты рассчитываются по следующим формулам:

$$K_1 = \frac{X_{\max}}{X_{\min}}, \quad (1)$$

$$K_2 = X_{\max} - X_{\min}, \quad (2)$$

где K_1 – коэффициент разрыва полярных значений;

K_2 – размах вариации;

X_{\max} – значение показателя наиболее развитого региона;

X_{\min} – значение показателя наименее развитого региона.

Основной недостаток данных методов состоит в том, что они дают только общее представление о вариации значений в совокупности и не отражают дифференциации всего многообразия ряда данных, т.к. опираются только на крайние значения и не содержат информации о дифференциации внутри интервала между максимальным и минимальным значениями [2].

Данный недостаток устраняет следующая группа индикаторов: децильный коэффициент, коэффициент вариации и коэффициент осцилляции.

Децильный коэффициент представляет собой вариацию коэффициента полярных значений, однако учитывает не крайние значения, а сумму 10% верхних и 10% нижних значений. Иными словами, показывает разрыв между крайними децилями в наблюдаемой выборке.

Как правило, его используют при анализе дифференциации доходов населения наравне с коэффициентами Джинни и Лоренца. Однако и в иных областях он является достаточно информативным. Данный показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$K_3 = \frac{D9}{D1}, \quad (3)$$

где K_3 – децильный коэффициент;

$D9$ – дециль, характеризующий последнюю десятую часть совокупности;

$D1$ – дециль, характеризующий первую десятую часть совокупности.

В отличие от коэффициента полярных значений, децильный коэффициент является гораздо более стабильным, менее подвержен статистическим выбросам, а также охватывает большее количество наблюдений и позволяет сформировать более полную картину межрегиональной дифференциации [2].

Коэффициент вариации (относительное среднеквадратическое отклонение) является наиболее употребляемым из всех относительных индикаторов вариации, т.к. подходит для сравнения различных совокупностей и динамических сопоставлений. Он показывает, сколько процентов от среднего составляет стандартное отклонение или, иными словами, каковы колебания значений признака в процентах от среднего значения. В статистике принято считать, что значение коэффициента вариации выше 33% свидетельствует о том, что исследуемая совокупность не является однородной.

Коэффициент вариации рассчитывается следующим образом:

$$K_4 = \frac{\sigma}{\mu} \quad (4)$$

где K_4 – коэффициент вариации;

σ – среднеквадратическое отклонение;

μ – среднее значение.

Достоинством данного показателя является учет всех наблюдений исследуемой совокупности.

Коэффициент осцилляции дополняет анализ межрегиональной дифференциации с использованием коэффициента вариации и показывает долю размаха вариации случайной величины в средней величине. Коэффициент осцилляции рассчитывается следующим образом:

$$K_5 = \frac{X_{\max} - X_{\min}}{\bar{X}}, \quad (5)$$

где K_5 – коэффициент осцилляции;

X_{\max} – значение показателя наиболее развитого региона;

X_{\min} – значение показателя наименее развитого региона;

\bar{X} – среднее значение.

Кроме отмеченных выше традиционно используемых при анализе индикаторов дифференциации и концентрации, в последние годы стали все больше использоваться индикаторы общей энтропии, к которым относится, например, индекс Тейла. Его основным достоинством является разложимость на внутригрупповую и межгрупповую компоненты. Иными словами, если вся совокупность разбита на несколько групп, то общий для совокупности индекс Тейла есть сумма индекса Тейла, характеризующего различия между группами (как целыми объектами), и соответствующим образом взвешенных индексов Тейла, характеризующих неравенство внутри групп.

Существует несколько вариаций индекса Тейла. Базовая версия рассчитывается по следующей формуле [3]:

$$K_6 = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{X_i}{\bar{X}} \ln \frac{X_i}{\bar{X}}, \quad (6)$$

где K_6 – коэффициент Тейла;
 N – количество наблюдений в выборке;
 X_i – сумма i -ого наблюдения;
 \bar{X} – среднее значение.

Основным недостатком индекса Тейла является то, что он изменяется в диапазоне от 0 до ∞ , где максимальное значение равно $\ln(N)$ и где 0 свидетельствует о полном равенстве в исследуемой совокупности. Данный недостаток устраняет индекс Аткинсона, который по своей сути является нормированным показателем индекса Тейла, изменяющимся в диапазоне от 0 до 1.

Индекс Аткинсона рассчитывается по следующей формуле:

$$K_7 = 1 - e^{-\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{X_i}{\bar{X}} \ln \frac{X_i}{\bar{X}}}, \quad (7)$$

где K_7 – индекс Аткинсона;
 e^i – число e в степени отрицательного коэффициента Тейла.

С применением указанных показателей анализ был основан на статистической информации Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации в период 2000–2019 гг., а именно на данных приложения к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели».

Результаты анализа пространственной поляризации

В первую очередь приведем результаты оценки межрегионального неравенства на примере ВРП, который является наиболее общим показателем, характеризующим уровень регионального развития.

ВРП, как и ряд других индикаторов, в денежном выражении оценивается в текущих ценах, что может давать некоторую погрешность в результатах оценки, связанную с различным уровнем цен в субъек-

тах Российской Федерации. Подобные ценовые различия могут быть учтены через стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, однако преобразование значений номинального ВРП в реальные величины требует учета структуры ВРП и пересчета всех его компонентов в отдельности с применением региональных индексов цен с последующим их агрегированием. Имеются и другие методические проблемы пересчета номинального ВРП, решение которых сопряжено со сложными расчетами и отсутствием некоторой официальной статистической информации. По этой причине значения ВРП и ряда иных показателей в текущих ценах не пересчитывались.

В абсолютном выражении ВРП субъектов Российской Федерации различается в сотни раз. Как видно из *рисунка 1*, в 2000–2019 гг. разрыв показателя ВРП между крайними субъектами варьировал в диапазоне 321–582 раза. Пик полярных значений пришелся на период 2002–2006 гг. Вместе с тем значительная часть данного разрыва (более 90%) объясняется наличием в составе Российской Федерации 5% крайних субъектов.

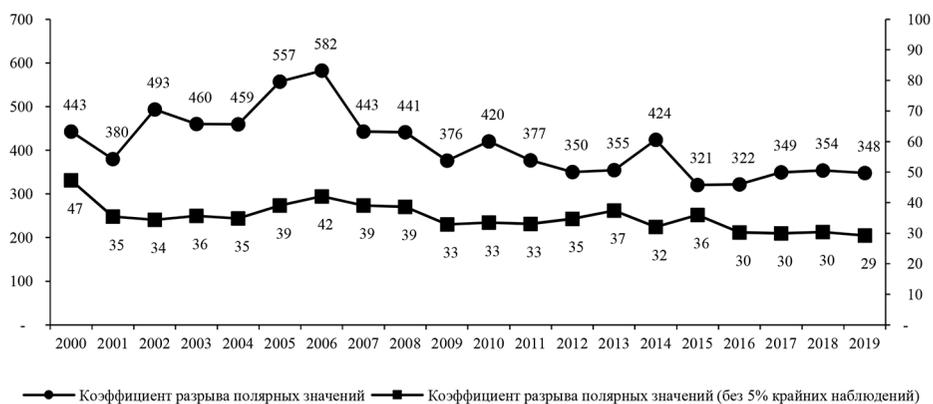

Рис. 1. Коэффициент разрыва полярных значений субъектов Российской Федерации по показателю ВРП, 2000–2019 гг.

Источник: рассчитано авторами по [8].

К таким регионам относятся города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург) и топливно-сырьевые регионы (например, Тюменская область). Так, ВРП г. Москвы в 2019 г. *аккумулировал около 26% общего ВВП* Российской Федерации. С другой стороны, крайние нижние 5% субъектов Российской Федерации, представлены либо наименее заселенными регионами страны (например, субъекты СФО), либо регионами со слабо развитой экономикой (некоторые субъекты СФО, ДФО, СКФО).

Без учета данных регионов абсолютный разрыв между субъектами Федерации сокращается до 30–40 раз, что в свою очередь объясняется неоднородностью расселения (более 80% вариации), т.к. в расчете ВРП на душу населения без учета крайних 5% регионов разрыв между крайними значениями сокращается до 4–6 раз в период 2000–2019 гг.

Вместе с тем даже по показателю ВРП на душу населения в регионах сохраняется существенная дифференциация, что видно из *рисунка 2*, где представлена динамика показателей ВРП на душу населения (с учетом всех субъектов Федерации): децильный коэффициент, коэффициент осцилляции, коэффициент вариации.

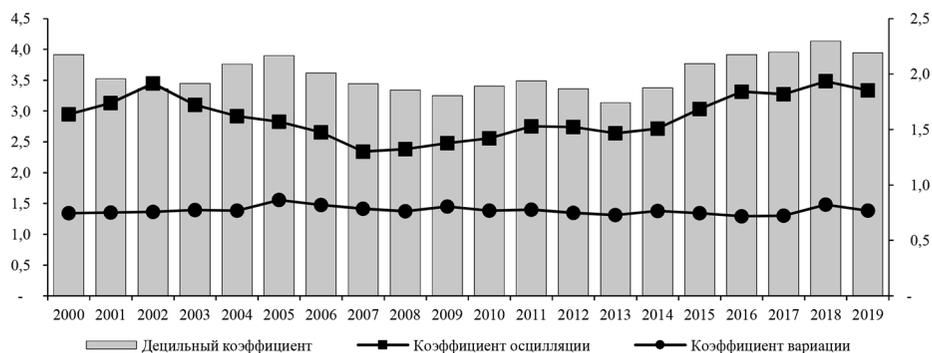

Рис. 2. Децильный коэффициент, коэффициент осцилляции, коэффициент вариации по субъектам Российской Федерации по показателю ВРП на душу населения, 2000–2019 гг.

Источник: рассчитано авторами по [8].

На *рисунке 2* показано, что децильный коэффициент (измеряется по левой оси) в анализируемом периоде изменялся в диапазоне от 3 до 4, что свидетельствует о том, что в наиболее развитых 10% регионах ВРП на душу населения был в среднем в 3–4 раза выше, чем в 10% наименее развитых регионах.

Для сравнения, согласно проведенным ранее исследованиям [4], в Германии децильный коэффициент по показателю ВРП на душу населения в период 2000–2010 гг. равнялся примерно 1,8, во Франции – 1,4, в Италии – 2. Таким образом, можно заключить, что уровень межрегиональной дифференциации в Российской Федерации по показателю ВРП на душу населения в среднем в 1,5–2 раза выше, чем в развитых странах Европейского союза.

Коэффициент осцилляции (измеряется по правой оси) в анализируемом периоде имел смешанную динамику: тенденция к снижению наблюдалась в период с 2002 по 2013 г., после 2014 г. заметен его существенный рост. Иными словами, коэффициент осцилляции показывает, что, начиная с 2014 г., в Российской Федерации происходил процесс поляризации регионального развития, т.к. значение ВРП на душу населения все большего количества регионов удалялось от среднего значения.

Коэффициент вариации (на *рисунке 2* измеряется по правой оси) в период 2000–2019 гг. был относительно стабильным. В связи с тем, что значение коэффициента вариации (около 0,7) превышало нормативное значение в 0,33, генеральную совокупность можно признать неоднородной, и, как следствие, межрегиональную дифференциацию – существенной.

Подводя итог, можно заключить, что в период 2000–2019 гг. в Российской Федерации *не произошло существенных изменений* в процессе сглаживания регионального развития по показателю ВРП на душу населения.

Немаловажной группой показателей, отражающей уровень социально-экономического развития субъектов, являются показатели, характеризующие уровень доходов населения. [5] В целях оценки в рамках статьи был выбран показатель среднедушевых денежных доходов населения, т.к. именно он оценивается в рамках планирования государственной региональной политики на уровне Министерства экономического развития Российской Федерации.

По данному показателю, в отличие от предыдущего, наблюдалась положительная динамика в сокращении уровня межрегиональной поляризации, что можно проследить на примере аналогичных показателей.

На *рисунке 3* видно, что все представленные показатели имели тенденцию к снижению в период 2000–2015 гг. Так, коэффициент осцилляции сократился более чем вдвое (с 3,9 в 2000 г. до 1,8 в 2015 г.), как и децильный коэффициент, что позволяет сделать вывод о *двукратном сокращении неравенства субъектов Российской Федерации* по среднедушевым денежным доходам населения в данный период. Тем не менее основной период сокращения неравенства приходится на 2000–2008 гг., в то время как позднее уровень дифференциации остался относительно стабильным.

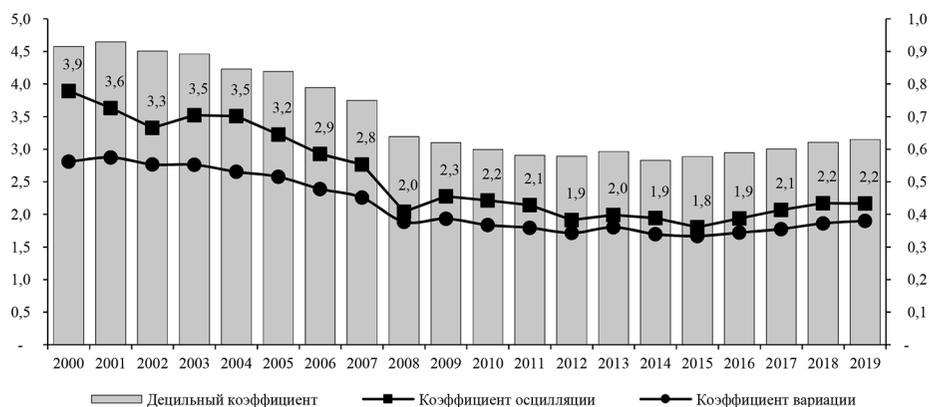

Рис. 3. Децильный коэффициент, коэффициент осцилляции, коэффициент вариации по субъектам Российской Федерации по показателю среднедушевых денежных доходов населения, 2000–2019 гг.

Источник: рассчитано авторами по [8].

Коэффициент вариации в период 2000–2019 гг. снизился с 0,6 до 0,4. Несмотря на то, что исследуемую совокупность регионов все еще можно признать крайне неоднородной по данному показателю, пороговая граница коэффициента вариации в 33%, после которой порог неоднородности снижается, была почти достигнута в анализируемом периоде.

Необходимо также отметить, что и коэффициент полярных значений по показателю среднедушевых денежных доходов населения сократился с 14 в 2000 г. до 5 в 2019 г., что свидетельствует о большем относительном росте доходов в наименее развитых регионах, чем в регионах-лидерах — иными словами, наблюдался эффект конвергенции регионального развития.

Данную динамику можно отследить на интервальном распределении регионов. В целях более корректного отображения интервального распределения из выборки были удалены 5% крайних регионов. Интервальное распределение было построено на основе семи интервалов (в соответствии с правилом определения количества интервалов Стурджеса) с равной шириной. Результаты интервального распределения в процентном отношении представлены на *рисунке 4*.

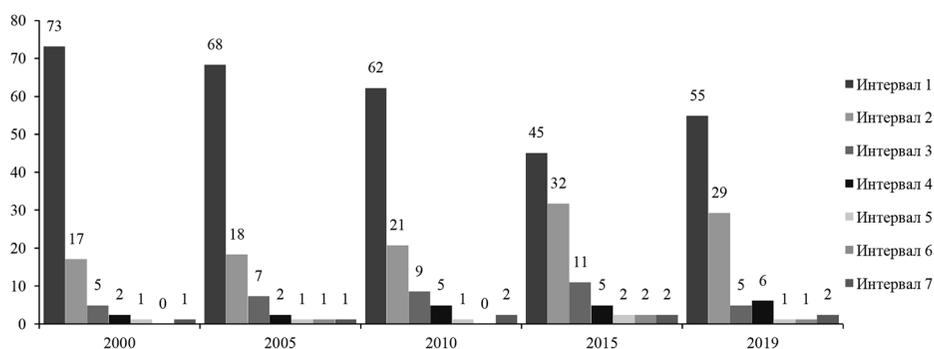

Рис. 4. Интервальное распределение субъектов Российской Федерации по показателю среднедушевых денежных доходов населения в 2019 г., в % к итогу

Источник: рассчитано авторами по [8].

Здесь можно увидеть, что количество регионов в интервале 1 с наименьшим уровнем среднедушевых денежных доходов активно сокращалось в период 2000–2015 гг., в то время как росло количество регионов в интервалах 2 и 3 с более высоким уровнем доходов. Кроме того, в анализируемом периоде росло также и количество субъектов с уровнем доходов выше среднего. После 2015 г. данная динамика прервалась, как уже было отмечено ранее.

Таким образом, можно сделать вывод, что государственная региональная политика в области сокращения межрегиональной дифференциации по уровню доходов населения *была относительно успешной в период 2000–2019 гг.* Более точно успех данной политики может быть определен в сравнении с целями, которые были поставлены на данный период по сокращению поляризации регионов.

Немаловажной сферой регионального развития является процесс привлечения инвестиций. С целью оценки дифференциации субъектов Российской Федерации был проанализирован показатель

«Инвестиции в основной капитал на душу населения». По результатам анализа можно заключить, что дифференциация регионов по уровню инвестиций в основной капитал сокращалась в период 2000–2019 гг.

На рисунке 5 представлена динамика показателей, используемых ранее в исследовании для оценки дифференциации социально-экономического развития, для отражения динамики дифференциации по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения. Дополнительно на рисунке 5 представлена динамика индекса Тейла. Можно заметить, что его динамика схожа с динамикой иных показателей. Это свидетельствует о том, что его использование позволяет адекватно оценивать уровень межрегиональной дифференциации.

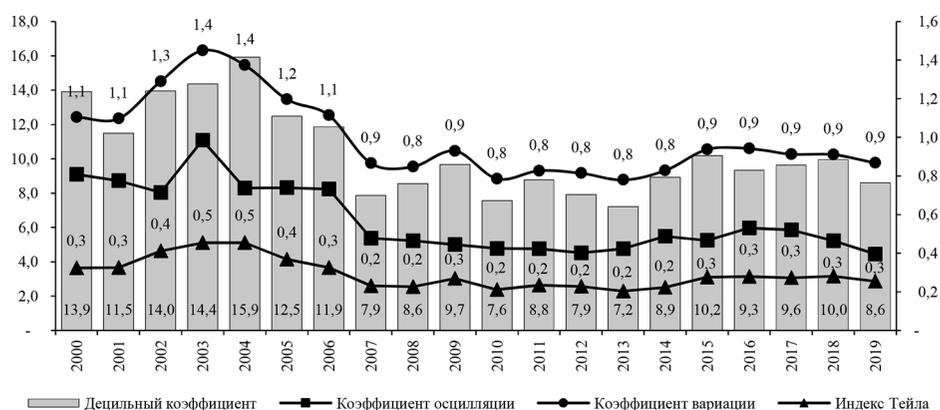

Рис. 5. Децильный коэффициент, коэффициент осцилляции, коэффициент вариации, индекс Тейла по субъектам Российской Федерации по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения, 2000–2019 гг.

Источник: рассчитано авторами по [8].

Декомпозиция межрегиональной дифференциации

Как было отмечено ранее, достоинством индекса Тейла является его разложимость на компоненты – возможность выделить внутригрупповую и межгрупповую часть общей дифференциации. В связи с этим авторами была осуществлена декомпозиция межрегионального неравенства при помощи индекса Тейла по рассмотренному выше показателю объема ВРП как наиболее общего индикатора регионального развития.

Разложение индекса Тейла осуществляется по формуле:

$$K_6 = \sum_{i=1}^N a_i K_i + \sum_{i=1}^N a_i \ln \frac{X_i}{X} = K_{\text{внут.}} + K_{\text{меж.}} \quad (8)$$

где K_6 – коэффициент Тейла;

$K_{\text{внут.}}$ – внутригрупповая часть коэффициента Тейла;

$K_{\text{меж.}}$ – межгрупповая часть коэффициента Тейла;

a_i – вес группы;

K_i – внутригрупповой коэффициент Тейла.

Использование приведенной выше формулы позволяет дать ответ на вопрос о том, за счет чего в большей степени формируется российская межрегиональная дифференциация: за счет различий между федеральными округами или за счет различий между регионами внутри федеральных округов?

В состав Российской Федерации входит 85 субъектов Федерации, объединенных в 8 федеральных округов. Однако при расчете не будут учитываться автономные округа. Таким образом, $N = 82$. Восемь федеральных округов образуют восемь макрорегионов, т.е. все субъекты разделены на восемь региональных групп, соответственно, $m = 8$.

На первом этапе были рассчитаны отдельные слагаемые индекса Тейла для каждого субъекта Российской Федерации. Например, для Астраханской области значение индекса Тейла составляет:

$$K_6 = \frac{X_i}{\bar{X}} \ln \frac{X_i}{\bar{X}} = \frac{602307}{1156477} * \ln \left(\frac{602307}{1156477} \right) = -0,34. \quad (9)$$

Стоит отметить, что значения индекса Тейла для отдельных наблюдений могут быть как положительными (например, для г. Москвы или Московской области), так и отрицательными, но общее значение индекса всегда остается положительным.

На втором этапе на основе среднего значения отдельных слагаемых субъектов Российской Федерации был определен общий индекс Тейла, который в 2019 г. составил 0,86.

На третьем этапе как среднее значение частных региональных элементов были рассчитаны значения индекса Тейла внутри федеральных округов. Результаты расчетов представлены в *таблице 1*.

Т а б л и ц а 1

Исходные данные и промежуточные расчеты для декомпозиции индекса Тейла

Федеральный округ	Число регионов в ФО	Среднее по ФО значение ВРП, млн руб.	Доля ВРП ФО в ВВП страны, %	Индекс Тейла внутри округов
ЦФО	19	1 766 728	35	1,276
ПФО	14	1 006 986	15	0,262
УФО	4	3 306 922	14	0,482
СЗФО	10	1 061 093	11	0,54
СФО	10	917 854	10	0,35
ЮФО	8	824 834	7	0,46
ДФО	11	542 863	6	0,30
СКФО	6	263 027	2	0,37

Источник: рассчитано авторами.

Произведенные расчеты позволяют оценить внутрирегиональную и межрегиональную компоненты индекса Тейла.

Расчет внутрирегиональной компоненты индекса Тейла осуществлялся на основе данных *таблицы 1*.

$$K_{\text{внут.}} = \sum_{i=1}^8 a_i K_i = 0,35 * 1,276 + 0,15 * 0,262 + \dots + 0,02 * 0,37 = 0,71. \quad (10)$$

Межгрупповая часть индекса Тейла рассчитывалась на основе средних значений ВРП по округам, что также представлено в *таблице 1*.

$$K_{\text{меж.}} = \sum_{i=1}^8 a_i \ln \frac{X_i}{\bar{X}} = 0,35 * \ln \left(\frac{1766728}{1156477} \right) + \dots + 0,02 * \ln \left(\frac{263027}{1156477} \right) = 0,15. \quad (11)$$

В результате можно сделать вывод, что внутригрупповая компонента индекса составила 0,71, а межгрупповая – 0,15. Сумма компонентов равна 0,86, что соответствует общему индексу Тейла, рассчитанному по совокупности отдельных субъектов Российской Федерации, что подтверждает верность проведенных расчетов.

Если разделить значение каждого компонента на общее значение индекса Тейла, то получится, что *различия между федеральными округами объясняют относительно небольшую часть межрегиональной дифференциации*, в то время как на различия между регионами внутри округов приходится более 80% всей региональной вариации.

Кроме того, для оценки региональной дифференциации индекс Тейла может быть нормализован и преобразован в индекс Аткинсона, который изменяется в диапазоне от 0 до 1. Если провести данные преобразования индекса Тейла по размеру ВРП, то индекс Аткинсона составит 0,58 (выше среднего в доступном диапазоне значений).

Выводы декомпозиции индекса Тейла могут служить основанием для *смены методов государственного регулирования* социально-экономической дифференциации регионального развития, поскольку в настоящее время основными инструментами сглаживания региональной поляризации являются государственные программы, направленные на стимулирование развития отдельных федеральных округов, например, «Развитие Северо-Кавказского федерального округа», «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа». Однако, как свидетельствует разложение индекса Тейла, государственная региональная политика должна быть направлена не на выравнивание уровня развития федеральных округов, а на выравнивание развития субъектов внутри конкретного федерального округа.

Таким образом, в представленной статье был проанализирован уровень дифференциации регионального развития Российской Федерации по следующим показателям: ВРП, ВРП на душу населения, среднедушевые денежные доходы населения, инвестиции в основной капитал на душу населения. В результате проведенных расчетов авторы пришли

к выводу, что *общий уровень межрегионального неравенства существенно не изменился в период 2000–2019 гг.* по показателю ВРП на душу населения, являющемуся основным для оценки социально-экономического развития регионов. Вместе с тем в анализируемый период произошло существенное сокращение поляризации регионального развития по уровню среднедушевых доходов и инвестиций в основной капитал на душу населения.

Декомпозиция индекса Тейла показала, что текущий уровень региональной дифференциации в Российской Федерации обуславливается главным образом различиями регионов внутри федеральных округов, в то время как различия между федеральными округами объясняют относительно небольшую часть межрегиональной вариации.

Список литературы

1. Малкина М.Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. № 1. С. 49–62.
2. Бровкина А.В. Совершенствование подходов к статистическому анализу социально-экономического неравенства и конвергенции регионов России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 2. С. 113–117.
3. Bellu L., Liberati P. Describing Income Inequality: Theil Index and Entropy Class Indexes. URL: <https://www.fao.org/3/am343e/am343e.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Николаев И.А., Точилкина И.А. Экономическая дифференциация регионов: оценка, динамика, сравнения. Аналитический доклад ФБК. 2011. URL: https://www.fbk.ru/upload/images/regions_doklad.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
5. Архипова Л.С., Гагарина Г.Ю. Пространственная дифференциация регионов и их конкурентоспособность // Вестник Удмуртского Университета. 2015. Т. 25. № 4. С. 22–27.
6. Маслихина В.Ю. Количественная оценка экономического и социального пространственного неравенства в Приволжском федеральном округе // Науковедение. 2016. № 4. С. 9–18.
7. Леонтьев Е.Д. Методика оценки межрегиональной дифференциации экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 3. С. 93–103.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Malkina M.Iu. Sotsial'noe blagopoluchie regionov Rossiiskoi Federatsii [Social Welfare of the Regions of the Russian Federation], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2017, No. 1, pp. 49–62. (In Russ.).
2. Brovkina A.V. Sovershenstvovanie podkhodov k statisticheskomu analizu sotsial'no-ekonomicheskogo neravenstva i konvergentsii regionov Rossii [Improving

Approaches to Statistical Analysis of Socio-Economic Inequality and Convergence of Russian Regions], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University], 2014, No. 2, pp. 113–117. (In Russ.).

3. Bellu L., Liberati P. Describing Income Inequality: Theil Index and Entropy Class Indexes. Available at: <https://www.fao.org/3/am343e/am343e.pdf> (access 01 November 2021).

4. Nikolaev I.A., Tochilkina I.A. Ekonomicheskaja differentsiatsiia regionov: otsenka, dinamika, sravneniia. Analiticheskii doklad FBK [Economic Differentiation of Regions: Assessment, Dynamics, Comparisons. Analytical Report of FBK], 2011. Available at: https://www.fbk.ru/upload/images/regions_doklad.pdf (access 01 November 2021). (In Russ.).

5. Arkhipova L.S., Gagarina G.Iu. Prostranstvennaia differentsiatsiia regionov i ikh konkurentosposobnost' [Spatial Differentiation of Regions and Their Competitiveness], *Vestnik Udmurtskogo Universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2015, Vol. 25, No. 4, pp. 22–27. (In Russ.).

6. Maslikhina V.Iu. Kolichestvennaia otsenka ekonomicheskogo i sotsial'nogo prostranstvennogo neravenstva v Privolzhskom federal'nom okruge [A Quantitative Assessment of Economic and Social Spatial Inequality in the Volga Federal District], *Naukovedenie* [Science Science], 2016, No. 4, pp. 9–18. (In Russ.).

7. Leont'ev E.D. Metodika otsenki mezhhregional'noi differentsiatsii ekonomicheskogo prostranstva [Methodology for Assessing Interregional Differentiation Of Economic Space], *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universitet* [News of the South-West State University], 2017, No. 3, pp. 93–103. (In Russ.).

8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (access 01 November 2021).

VALUATIO OF INEQUALITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS DECOMPOSITION USING THE THEIL INDEX

The high level of interregional socio-economic inequality is one of the main problems of spatial development of the Russian Federation, which is enshrined in several state strategic planning documents. Such a situation requires constant monitoring of this inequality and the search for solutions to this problem. The article analyzes the current situation of interregional inequality in the Russian Federation according to a few key indicators of socio-economic development and assesses the dynamics of changes in inequality of the subjects of the Russian Federation in the period 2000–2019. In addition, the article decomposes interregional inequality using the Theil index and proves that differences between federal districts explain a relatively small part of interregional differentiation, while differences between regions within districts account for more than 80% of all regional variation.

Keywords: region, interregional differentiation, decomposition, socio-economic development, Theil index, economic inequality.

JEL: R13, R58

Дата поступления – 13.12.2021 г.

ГАГАРИНА Галина Юрьевна

доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой Национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, Москва, 117997.

e-mail: Gagarina.GYu@rea.ru

БОЛОТОВ Роман Олегович

аспирант кафедры Национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, Москва, 117997.

e-mail: bolotov.roman@gmail.com

GAGARINA Galina Y.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of National and Regional Economics;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: Gagarina.GYu@rea.ru

BOLOTOV Roman O.

Postgraduate Student of the Department of National and Regional Economics; Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: bolotov.roman@gmail.com

Для цитирования:

Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 20–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-20-34>

О.В. КУЗНЕЦОВА, Р.А. БАБКИН

ТИПОЛОГИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ *

Одной из актуальных задач государственной политики пространственного развития является внедрение постоянно действующей системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований (хотя бы на уровне муниципальных районов и городских/муниципальных округов), для чего, как утверждается в статье, необходима разработка типологий муниципальных образований. Обобщение и анализ статистической информации по муниципальным образованиям целесообразно проводить на основе ее автоматической обработки по разным типам территорий. В статье анализируется существующий опыт ЕС и ОЭСР по типологии регионов, сопоставимых с российскими районами/округами, а также обобщается накопленный в России опыт типологизации территорий – муниципальных образований в целом, городов. Показывается, что базовая типология может и должна основываться на оценке системы расселения – соотношении городского и сельского населения, плотности населения, наличии крупного городского центра или близости к нему. Дополнительно важно также учитывать природно-климатические условия, географическое положение, устойчивую экономическую специализацию, административный статус.

Ключевые слова: муниципалитет, система расселения, географическое положение, природно-климатические условия, экономическая специализация, административный статус.

JEL: R12, J21

Постановка проблемы

В последние годы, особенно с обсуждением и утверждением в начале 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации, началось довольно активное обсуждение вопросов территориальных диспропорций не только в разрезе регионов (субъектов Федерации), но и бо-

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» на тему: «Формирование аналитической системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований Российской Федерации».

лее дробных территориальных единиц — муниципальных образований, населенных пунктов и т.д. Однако оказалось, что рост значимости данной проблематики *крайне слабо подкреплён информацией* о закономерностях социально-экономического развития разных типов территорий: городской и сельской местности, городов разной людности и статуса (в т.ч. административных центров субъектов Российской Федерации и вторых-третьих городов регионов), территорий с разным положением по отношению к ключевым городам и разной степенью периферийности (например, малых городов в составе крупнейших городских агломераций и малых городов в периферийных районах). Конечно, в научных исследованиях их авторы многократно обращались к изучению таких закономерностей, но регулярно проводимый мониторинг муниципального развития с общеизвестными и общепризнанными результатами так и не появился.

На наш взгляд, одна из важнейших причин отсутствия мониторинга пространственного развития на уровне муниципальных образований — *нехватка* необходимой для него *методологической и методической основы*. Даже если исключить из рассмотрения низовой уровень местного самоуправления (городские/сельские поселения и внутригородские территории/районы), то все равно массив данных по более чем 2,3 тыс. территориальных единиц — муниципальных районов и муниципальных/городских округов¹ — априори сложно интерпретируем. Возможный вариант решения проблемы — автоматическое обобщение статистических данных по заранее определенным типам территорий. Именно такой подход реализуется в рамках сбора и обработки статданных в экономически развитых странах.

Следовательно, необходима разработка совокупности типологий российских муниципальных образований (на уровне муниципальных районов и муниципальных/городских округов), позволяющих автоматизировать процесс обработки статистических данных в рамках мониторинга пространственного социально-экономического развития и получать аналитические выводы по закономерностям и трендам развития разных типов муниципалитетов. В данной статье предлагаются подходы к разработке таких типологий на основе обобщения и анализа существующего зарубежного и российского опыта проведения типологий территориальных единиц. Под зарубежным опытом имеется в виду опыт ЕС и ОЭСР, где региональной проблематике уделяется повышенное внимание и, соответственно, накоплен интересующий нас опыт.

Деление территорий на типы, как хорошо известно, может проводиться по самым разным основаниям. С точки зрения поставленной нами задачи принципиально важно, что такими основаниями могут быть как показатели социально-экономического положения и его динамики, отличающиеся значимыми ежегодными (или даже еще более кратко-

¹ На 1 января 2021 г. в России было 1 606 муниципальных районов, 100 муниципальных округов и 633 городских округа, всего 2 339 муниципальных образований, условно, «верхнего» уровня.

срочными) изменениями, так и относительно стабильные параметры — характеристики территорий, не меняющиеся на протяжении многих лет.

В первом случае типологии территорий отражают результаты социально-экономического развития территорий, часто для их составления используются сложные методы (расчеты интегральных показателей, кластеризация). Поэтому в качестве основы для мониторинга муниципального развития они не подходят и в данной статье не рассматриваются. Для мониторинга нужны типологии, которые отражают не результаты, а факторы социально-экономического развития территорий (муниципальных образований) и при этом составлены на основе простых и потому прозрачных процедур (что важно для обеспечения объективности результатов мониторинга). В ряде исследований сочетаются оба подхода (например, одновременно анализируется соотношение городского/сельского населения и показатели динамики производства). Для нас такие типологии интересны только в части предлагаемых стабильных характеристик территорий.

Типологии территориальных единиц, используемые за рубежом

Разработка типологий территориальных единиц в значительной степени зависит от их размеров (например, очевидно, что типология субъектов Российской Федерации будет отличаться от типологии муниципальных образований). Поэтому обратимся прежде всего к сопоставлению масштабов регионов — объектов типологий в ЕС и ОЭСР и российских муниципальных образований (муниципалитетов) — муниципальных районов/округов и городских округов. В России средняя численность муниципалитетов этого уровня составляет в среднем порядка 55 тыс. чел.²

В ЕС основной анализ пространственных данных ведется в разрезе регионов NUTS 3, которых в настоящее время (с 1 января 2021 г.) насчитывается 1 166³. Численность населения в регионе NUTS 3 может варьировать от 150 тыс. до 800 тыс. чел.⁴ (учитывая численность населения ЕС, в среднем на один регион приходится более 380 тыс. чел.). Вместе с тем в ЕС есть и типологии местных административных единиц, сетки которых, в отличие от сетки NUTS 3, не унифицированы по странам.

В ОЭСР основным объектом пространственных исследований являются регионы TL3, количество которых составляет 2 296⁵, т.е. это еще более крупные территориальные единицы (в среднем более 550 тыс. чел.),

² Численность населения России за вычетом населения городов федерального значения, где особая система местного самоуправления, деленная на общее число районов/округов (уже указанные 2 339).

³ Background // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/nuts/background> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ Principles and Characteristics // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/nuts/principles-and-characteristics> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ OECD Territorial Grids // OECD. URL: <https://www.oecd.org/regional/regional-statistics/territorial-grid.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

но в ЕС они соответствуют NUTS 3. В Германии, отличающейся наибольшей проработанностью региональной политики и часто приводимой в качестве примера для России, регионов TL3 402, т.е. их средняя численность ниже – немногим более 200 тыс. жителей. Таким образом, регионы NUTS 3 и TL3 крупнее российских муниципальных образований, но все-таки ближе по численности населения именно к ним, а не к субъектам Российской Федерации⁶. Но дробность российской сетки муниципалитетов делает их типологию еще более актуальной.

Базовые типологии территориальных единиц в ЕС, и ОЭСР (а также *ESPON, DG Regio* [1]) связаны с оценкой соотношения городского и сельского населения и системы расселения, что актуально и для России, где основная дискуссия по проблемам пространственного развития разворачивается как раз вокруг возможной роли в экономике и системе расселения, перспектив развития сельской местности и малых городов, удаленных территорий с низкой плотностью населения и т.п.

Важнейшая особенность типологии ЕС/ОЭСР – деление регионов не просто на городские и сельские, а на гораздо более сложные три типа: преимущественно городские, промежуточные и преимущественно сельские. В основе этого деления – доля населения, проживающего в сельских/городских локальных районах или кластерах, и численность населения в городских центрах (см. рис. 1). Различие между типологиями ЕС и ОЭСР состоит в том, что в ЕС оценка ведется по кластерам – ячейкам площадью 1 кв. км⁷, а в ОЭСР – по локальным административно-территориальным единицам [2]. Подход ЕС более качественный, однако технически гораздо более сложно реализуемый, для России более реалистичен подход ОЭСР. Причем для нее опыт такого деления на три типа важен тем, что позволяет формализовать сравнение муниципальных образований субъектов Российской Федерации, где использовались разные подходы к формированию территориальных основ местного самоуправления (в разных регионах, как известно, по-разному относились к выбору соотношения между муниципальными районами и городскими округами и т.д.). Вторая значимая компонента в базовой классификации регионов ОЭСР, которая также важна для России, – оценка их удаленности от городских центров (см. рис. 1).

Другая важна особенность зарубежной, точнее, европейской статистики, – наличие еще целого ряда типологий территорий, проведенных по разным основаниям. Статистика публикуется отдельно по каждой из типологий, что позволяет исследователям анализировать значимые для них закономерности пространственного развития. По сути, эти типологии представляют собой выделение какого-то особого типа регионов (как будет показано ниже – приграничного, приморского и др.) и отнесение всех остальных регионов к прочим.

⁶ Кроме того, для России мы привели данные без учета городов федерального значения, в ЕС и ОЭСР из регионов NUTS 3 и TL3 крупнейшие города не исключаются.

⁷ Territorial Typologies Manual // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Territorial_typologies_manual (дата обращения: 16.11.2021).

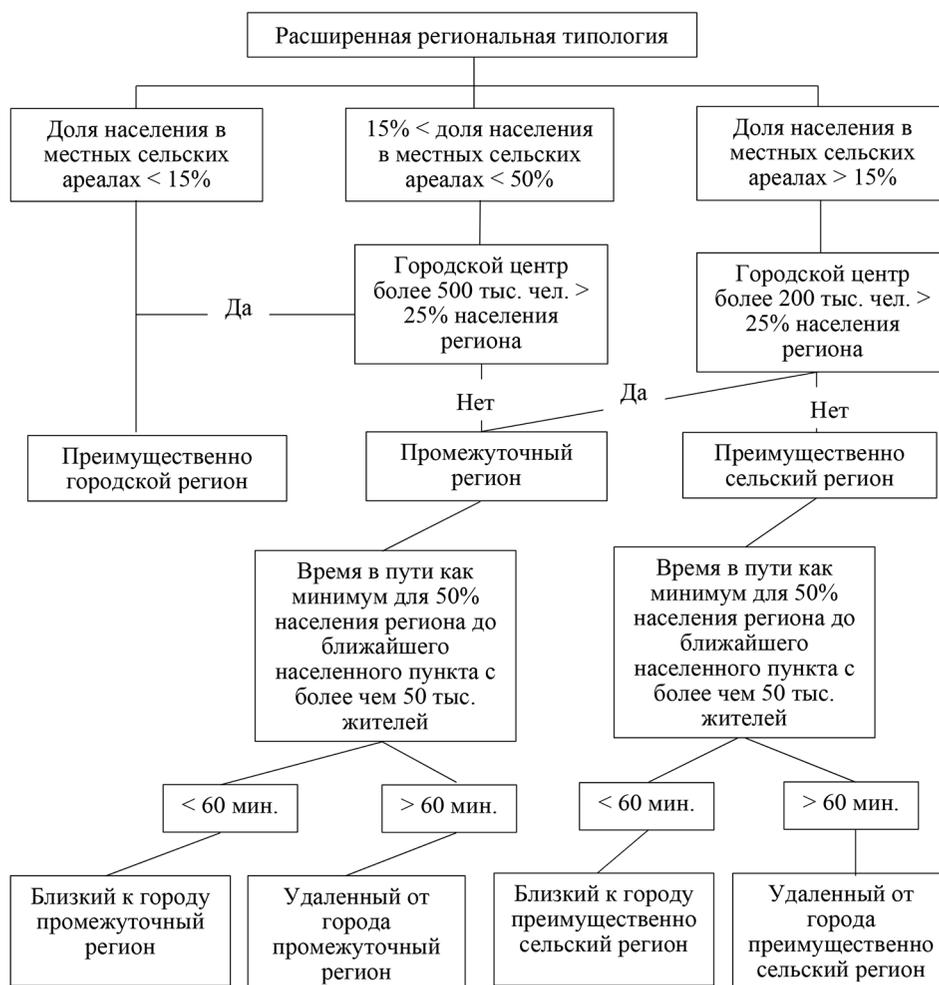

Рис. 1. Схема базовой классификации регионов ОЭСР

Источник: [2].

Одна из таких типологий опять-таки связана с системой расселения – это деление регионов NUTS 3 на метрополитенские и неметрополитенские регионы. В российской терминологии метрополитенские регионы – это фактически *городские агломерации*.

В статистике ЕС метрополитенские территории – это регионы, в которых не менее 50% населения проживает в т.н. функциональной городской зоне (городе и пригородах) с населением не менее 250 тыс. чел. Город, в свою очередь, должен являться местной административной единицей, где большая часть населения живет в городском центре с численностью населения по меньшей мере 50 тыс. жителей. Зона пригородов (т.н. коммунитирующая зона, в российской терминологии – зона маятниковых миграций) включает территории, где по крайней мере 15% работающих жителей работают в центральном городе агломерации.

Как мы уже сказали, в Евростате имеется деление территорий (также на уровне NUTS 3) на приграничные и неприграничные. Приграничными считаются регионы, где более половины населения проживает в пределах 25 км от сухопутной границы. Для ЕС актуально также следующее деление:

- внутренние приграничные регионы – регионы, расположенные на границах между странами-членами ЕС и /или странами ЕАСТ;
- внешние приграничные регионы – регионы, расположенные на границах между государствами – членами ЕС и странами, не входящими в него (за пределами ЕАСТ).

Для России такое деление напрямую использоваться, конечно, не может, но важен сам по себе подход – деление приграничных регионов на типы в зависимости от характера отношений со странами-соседями. Этот фактор, а также уровень экономики соседних стран, как хорошо известно, имеют немаловажное значение для развития приграничных регионов.

В ЕС дополнительно предлагается также выделять регионы с морскими или сухопутными, или одновременно сухопутными и морскими границами. Есть и еще одно деление территорий, но уже не в разрезе регионов NUTS 3, а на локальном уровне, – на прибрежные и неприбрежные районы; прибрежными считаются районы, граничащие с береговой линией, площадь территории которых составляет не менее 50% в пределах 10 км от береговой линии (неприбрежные – все остальные). Это единственная типология, в основе которой лежит анализ именно площади территории, а не численности населения региона. Однако есть и вариация этой типологии для регионов уровня NUTS 3, где прибрежными считаются регионы, более половины населения которых проживает в пределах 50 км от береговой линии.

Еще одна типология, также связанная с географическим положением, – деление регионов на островные и неостровные. Островные – это регионы (уровня NUTS 3), полностью состоящие из одного или нескольких островов. В данном случае острова определяются как территории, имеющие минимальную площадь в 1 км²; минимальное расстояние между островом и материком в 1 км; постоянное население более 50 жителей; не имеющие постоянной связи (например, моста, туннеля или дамбы) между островом (островами) и материком. Кроме того, выделяются пять различных подкатегорий островных регионов в зависимости от численности их населения.

Исходя из природных характеристик территорий предлагается деление регионов на горные и негорные, причем с выделением трех категорий горных регионов: где более 50% поверхности покрыто топографическими горными районами; в которых более 50% населения области проживает в горно-топографических районах; где более 50% поверхности покрыто топографическими горными районами и где более 50% населения региона проживает в этих горных районах.

Логика всех рассмотренных типологий *может быть положена в основу типологизации муниципальных образований в России*, но потребует

учета российской специфики и дополнения новыми основаниями. Например, очевидно, что для России гораздо большее значение будет иметь типология, связанная с природно-климатическими условиями, во многом связанными с ними особенностями транспортной доступности.

Наряду с рассмотренными выше официальными типологиями, которые лежат в основе работы Евростата, за рубежом существует целый ряд научных исследований, в которых предлагаются собственные типологии территориальных единиц. Нередко они идут в развитие официальных подходов и публикуются в качестве аналитических докладов ОЭСР [3; 4].

Наряду с общими типологиями регионов (т.е. охватывающими все регионы) за рубежом существуют еще и типологии отдельных типов территорий, особенно проблемных (отстающих по уровню своего социально-экономического развития) – малых и средних городов [5], сельской местности [6; 7]. Детально мы их рассматривать не будем, поскольку общие подходы в них примерно соответствуют описанным, а детали связаны с особенностями доступной за рубежом статистики, поэтому обратимся далее к существующему российскому опыту типологизации муниципальных образований.

Типологии российских муниципальных образований

В России есть немало число научных исследований, в которых проводится типология муниципальных образований. Однако, несмотря на то, что многие муниципалитеты из регионов в разных концах страны более походят друг на друга, нежели на своих географических соседей, в чистом виде типологии муниципальных образований, используемые для всей страны в целом, встречаются редко. Одним из подобных примеров можно назвать типологию, разработанную А.А. Ромашинной [8]. Предложенный ею подход определяет тип муниципалитета только по двум параметрам: *месту в системе расселения и специализации*. Типологически муниципалитеты подразделяются на аграрные и лесопромышленные, добывающие, индустриальные, транспортные, социальные, туристские и диверсифицированные. Оба используемых основания для типологии достаточно инертны и могут применяться для решения поставленной нами задачи. Кроме того, одним из важных достижений методики стало четкое разделение муниципалитетов на входящие в состав агломераций и расположенные вне их границ.

Опыт типологизации муниципальных образований имеется у Фонда «Институт экономики города» [9]. Эта типология создавалась на основе возможных вариантов комбинации трех основных характеристик муниципальных образований: *административного статуса, численности населения и диверсификации экономической базы*.

Подход, основанный на выявлении типов районов в зависимости от их вклада в валовую добавленную стоимость страны, предло-

жен в статье «Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне» [10]. С его помощью авторами были выделены муниципалитеты, входящие в *крупноагломерационные, агропромышленные и минерально-сырьевые центры роста*. Близкое по замыслу исследование с выделением муниципалитетов-центров роста выполнено А.А. Побединым применительно к Свердловской области [11].

В определенной мере близок идеологии нашего исследования подход к типологии территорий в рамках системы расселения, ориентированный на ее зависимость от собственной структуры и внутренних свойств [12]. Основанный на гипотезе о том, что именно строение системы расселения в значительной степени предопределяет вероятный вектор направлений ее развития, этот подход позволяет получать устойчивые на протяжении долгого времени типы районов. Для разделения территории автор применяет три комплексных фактора, представляющие собой линейные комбинации тесно коррелированных параметров: *заселенность территории, ее положение относительно крупных центров расселения, сложности состава сельско-городской сети*. Их совокупность, по замыслу автора, отражает глубинный признак объекта. В результате в зависимости от выраженности этих параметров выделяются по три типа урбанизированных и аграрных территорий, а также отдельный тип – слабозаселенные территории. Данный подход в некотором роде – продолжение традиции, заложенной еще в 50-60-е гг. XX в., когда для анализа расселения С.А. Ковалев предложил три типобразующих показателя: *плотность заселения района* (общий показатель суммарной плотности населения на 1 км², который нужно дополнить указанием на большую или меньшую неравномерность заселения), *относительную равномерность или очаговость заселения, соотношение между городским и сельским расселением и их сочетание* [13].

Если комплексных и охватывающих страну целиком типологий немного, то для отдельных частей страны (чаще для элементов расселения) их значительно больше. Основная часть российских исследований в этой области изначально посвящена отдельным, укрупненным типам территории, связанным общим генезисом и рассматриваемым авторами сообразно их научным интересам, – городам и агломерациям, сельской местности, приморским и/или приграничным, северным территориям. В рамках таких типологий используются разные основания для деления, представляющие определенный интерес и для нашего исследования.

Города и агломерации. Города служат драйверами социально-экономического развития территории и ключевыми элементами системы расселения, поэтому логично, что наибольшую комплексность имеют типологии, касающиеся именно их. Классификации и типологии городов – традиционно популярное направление исследований в экономической географии. Критериальный подход к типологии городов в нашей стране впервые применил В.П. Семёнов-Тян-Шанский в своем фундаментальном труде «Город и деревня в европейской России:

очерк по экономической географии», написанном еще в 1910 г. [14]. Хотя ученый стремился определить «истинность» городов, а разделение их на типы было второстепенной задачей, он выделил 35 различных признаков города, которые имели сравнительно-сопоставительные функции (людность, характер застройки, бойкость торгово-промышленного оборота, наличие культурных учреждений и т.д.). При этом во главу угла В.П. Семёнов-Тян-Шанский ставил физико-географические и культурно-исторические факторы развития. Многие из этих признаков укоренились и в последующих типологиях населенных пунктов (например, критерий численности населения).

Развитие городов в советский период привело к двум ключевым общепризнанным основаниям для построения их типологий: *численности населения и специализации*, иногда дополняемым еще несколькими параметрами [13; 15; 16]. Одним из следствий этого стало появление таких полюбившихся исследователям, переходящих из типологии в типологию типов, как *наукограды, моногорода, города-курорты* и т.д.

В.Г. Давидович при помощи экономических расчетов разработал популярное поныне разделение на *малые, средние и крупные города*, с выделенными для каждого границами численности населения [17]. В дальнейшем своеобразной «игрой» с границами классов городов занимались многие выдающиеся советские географы и градостроители — С.А. Ковалев, Б.С. Хорев, Ф.М. Листенгурт, И.М. Смоляр и др.

К настоящему времени в России на нормативно-правовом уровне закреплена классификация, разделяющая города на *малые* (до 50 тыс. чел.), *средние* (50–100 тыс. чел.), *большие* (100–250 тыс. чел.), *крупные* (с двумя подгруппами в 250–500 тыс. чел. и 500–1000 тыс. чел.) и *крупнейшие* (свыше 1 млн чел.)⁸.

Современные типологии городов отличаются, с одной стороны, сложившимся упором на геодемографические и экономические характеристики, с другой — попыткой (зачастую при помощи качественных методов) выйти за пределы ограничений, накладываемых описательными классификациями, характеризующими лишь отдельные компоненты городского развития (людность, экономический профиль и т.д.).

Выход на комплексность может проявляться, к примеру, в виде многофакторной кластеризации. Так, в работе Л.Э. Лимонова и М.В. Несена производится кластеризация российских крупных городов на основе *структуры их экономики* [18]. В результате авторы получили 20 кластеров (без Москвы и Санкт-Петербурга), весьма органично связанных не только с функциональной ролью городов, но и с их *административным статусом и географическим положением*.

Другим вариантом может стать расширение числа оснований для классификации. Так, по ряду признаков города типологизируются в статье И.В. Манаевой. Это *численность населения, отношение к государственной границе, удаленность от города-миллионера (главного го-*

⁸ СНиП 2.07.01-89 Планировка и застройка городских и сельских поселений, 2016.

рода), плотность населения, вид экономики (моно- или полипрофильная), функции городов (промышленная, портовая и т.д.) [19]. Правда, при таком избытии показателей в единой типологии, на наш взгляд, теряется ценность отдельных характеристик, которая в ряде случаев может перекрывать роль остальных параметров (из-за проблемы определения веса каждого из показателей).

Среди других работ по типологизации городов стоит упомянуть статью И.А. Секушиной и Т.В. Усковой, успешно применивших уже упомянутый подход А.А. Ромашинной (в т.ч. анализ положения в составе агломераций) к малым и средним городам Европейского Севера [20].

Рассмотрение муниципального уровня через призму агломераций, с нашей точки зрения, – верное направление развития классификационных подходов. Существование населенного пункта в теле агломерации формирует для него особую среду со своими возможностями и вызовами, которую нельзя не учитывать при разработке типологии. Подобием рассмотрения через призму агломераций можно считать типологию региональных систем расселения по двум характеристикам городского населения: численности населения крупнейшего города и коэффициенту концентрации, одновременно показывающим масштаб и развитость агломерационной структуры, а также неравномерность распределения населения [21].

Сельские территории. Сельские территории существенно различаются между собой по природно-географическим, демографическим и экономическим характеристикам. Кроме того, сельское хозяйство является ведущей отраслью далеко не во всех из них. Вследствие этого создание отдельных типологий для сельских территорий также стало одним из популярных направлений работы исследователей.

Еще в советский период предлагались типологии сельских поселений, учитывающие их разнообразные социально-экономические характеристики. Здесь можно отметить труд коллектива авторов под руководством Т.И. Заславской и И.Б. Мучника, построивших типологию на основе перспективности дальнейшего экономического и демографического развития сельских территорий [22].

В работе А.Я. Троцкого и его соавторов предлагается типология сельских районов с различным *центро-периферийным положением* (выделяются *ближняя, средняя и дальняя периферии*) [23]. В.Н. Ворошилов предлагает типологию сельских территорий по критериям *периферийности* и *экономической специализации* (хотя в части специализации типология сочетает учет и постоянных, и динамично изменяющихся параметров) [24].

В целях разработки дифференцированного подхода к управлению различными типами сельских муниципалитетов О.В. Дармограй классифицировала сельские муниципальные образования по группам с *высоким, удовлетворительным уровнем и с неудовлетворительным уровнем социально-экономического развития* [25]. Для этого автором применялись такие показатели как *доля селян, работающих на территории*

своего муниципалитета, уровень безработицы, доля трудоспособного населения, а также обеспеченность сельского поселения объектами социальной инфраструктуры.

Еще одна типологизация сельских муниципалитетов Вологодской области при помощи методологии ОЭСР представлена в работе М.М. Панова [26]. Основаниями для делимитации в ней стали *доля городского населения и длительность поездки до ближайшего города с численностью населения свыше 50 тыс. чел.* В результате автор разделил всю территорию региона на городские, смешанные и сельские муниципалитеты, а в число последней группы дополнительно ввел классы в зависимости от их периферийности.

Географическое положение. Объективно существующие между территориями различия природно-климатического и экономико-географического плана предопределяют наличие типологий, основывающихся на размежевании географически обычных и особых муниципалитетов.

Первым вариантом особенности стоит обозначить приграничное положение. Типологии, преимущественно с качественным делением на типы, активно используются, например, в исследованиях некоторых дальневосточных ученых [27]. Как правило, основанием для выделения типов является *наличие или отсутствие государственной границы* в муниципалитете или же расстояние до нее. Дополнительными факторами часто выступают, как правило, текущие характеристики социально-экономического положения, а из относительно стабильных показателей — *плотность населения*.

Другой детерминантой уникальности служит приморское положение. При наличии значительного числа типологий приморских регионов, выхода непосредственно на уровень муниципалитетов не так много. Наиболее значимой работой последних лет в этом направлении стоит назвать предложенную А.Г. Дружининым и А.В. Лялиной типологию морских муниципалитетов с экспертным выделением (по схожим с обозначенными для приграничных муниципалитетов основаниям) собственно *приморских районов*, муниципальных образований, *тяготеющих к морю и обладающих «морскими» функциями*, а также *тяготеющих к приморским городским агломерациям* [28].

Арктическая зона в последние годы стала, пожалуй, самой популярной у исследователей. На основе анализа центрo-периферийного положения и *отраслевой специализации* проводится типологизация северных территорий в работе В.Н. Лаженцева [29].

Интересна работа по *типологии населенных пунктов российской Арктики по характеру взаимосвязи с окружающей территорией* [30]. В ней авторы выделили 8 типов арктических населенных пунктов, также выделенных в духе центрo-периферийной модели.

Во-первых, это опорные населенные пункты, выполняющие функции центров обслуживания арктических территорий разного масштаба — арктические столицы и арктические субцентры. В их зоне влияния выделяются населенные пункты субпериферии и привилегированной

периферии, они обладают относительно хорошей транспортной доступностью и насыщенной сферой услуг.

Во-вторых, районы «обделенной» периферии, а в удаленных и преимущественно бездорожных районах Арктики находятся удаленные субрегиональные центры, представляющие собой небольшие по численности населения города и поселки (с минимально необходимым набором услуг).

Наконец, в-третьих, авторами отдельно выделены поселки-изоляты в районах реализации ресурсных проектов и автономные поселки-изоляты.

Еще одним основанием, которое в российских реалиях играет повышенную роль, является **административный статус муниципалитета** [31; 32]. Административная рента вкупе с людностью зачастую выступает определяющим фактором успешного социально-экономического развития муниципалитета. Именно крупные города первыми входят в инновационные и трансформационные процессы, служат акцепторами нововведений извне и ретрансляторами их на подчиненную территорию. В российской традиции структура административно-территориального деления, за редкими исключениями, строится на принципах сосредоточения всех центральных функций в крупнейшем городе. Туда же традиционно стягиваются и экономические силы региона. Даже в тех немногих регионах, которые имеют в противовес региональной столице другие крупные города (выступающие, как правило, промышленными центрами общестранового уровня), наблюдается процесс постепенного увеличения роли административных центров.

Так, в 2016 г. Кемерово перерос Новокузнецк, бывший до этого на протяжении всей истории существования Кемеровской области ее крупнейшим городом. Аналогичным образом в ближайшие годы население Вологды превысит население Череповца. Уменьшается роль крупных городов и в других субъектах федерации. Положительную динамику среди крупных не столичных центров сегодня испытывают только города в нефтегазодобывающих субъектах (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой и т.д.), в составе столичных агломераций (Мытищи, Химки, Балашиха, Гатчина и т.д.), а также города-курорты (Сочи, Пятигорск, Кисловодск и т.д.).

Подводя итог рассмотрению российских типологий муниципальных образований, можно сказать, что значительная их часть, как и за рубежом, так или иначе связана с оценкой особенностей расселения и географическим положением, но повышенное внимание в России уделяется экономической специализации муниципалитетов. Как и за рубежом, существует немало типологий отдельных типов российских муниципальных образований, но характерной именно для России особенностью является проведение отдельных исследований по северным или арктическим территориям (ранее речь шла о районах Крайнего Севера, а с появлением официально выделенной Арктической зоны Российской Федерации имеются в виду арктические территории).

* * *

Как показано в статье, к настоящему времени накоплен определенный опыт типологии муниципальных образований в России и близких к ним территориальных единиц в ЕС и ОЭСР (регионов NUTS 3 и TL3 соответственно). Однако, если в ЕС/ОЭСР такие типологии используются на постоянной основе для сбора и анализа данных по закономерностям пространственного развития, то в России речь идет о сугубо научных исследованиях, неизбежно носящих разовый характер. На наш взгляд, такую ситуацию *нельзя назвать оправданной*. В России вполне реально разработать прозрачную систему типологий муниципальных образований (муниципальных районов и городских/муниципальных округов), позволяющую осуществлять на постоянной (именно на постоянной) основе мониторинг их социально-экономического развития. Напрямую заимствовать для этих целей что-то из существующих типологий нельзя (зарубежные требуют адаптации под российские реалии, в т.ч. статистики, российские требуют обобщения и корректировки под цели мониторинга), но опираться на накопленный опыт необходимо.

Как и в экономически развитых странах, базовая типология муниципальных образований в России может основываться на оценке системы расселения: плотности населения муниципалитета, людности его крупнейшего населенного пункта, удаленности от крупного города. Отдельно может также анализироваться ситуация в крупных и крупнейших городских агломерациях, для чего можно воспользоваться существующими в научной литературе наработками по выделению таких агломераций (в т.ч. взятых за основу при разработке Стратегии пространственного развития Российской Федерации) [33].

Кроме того, как и в ЕС/ОЭСР, базовая типология по системе расселения и отдельно по городским агломерациям может дополняться другими типологиями, вернее сказать, выделением особых типов территорий, которые имеют очевидно специфичные факторы своего социально-экономического развития. Как и за рубежом, это приграничные регионы с разным характером соседства; приморские муниципалитеты (как вариант — муниципалитеты, имеющие морские порты).

Вместе с тем важно учитывать и сугубо российские условия. В частности, значимо выделение в отдельный тип административных центров субъектов Российской Федерации. В том или ином варианте может учитываться особая специализация муниципалитетов — вхождение их в число наукоградов, моногородов, городов-курортов и т.д.

Но важнейшая особенность России в рассматриваемом контексте — огромный контраст между территориями в природно-климатических условиях, ведущий к формированию совершенно разных условий для развития инфраструктуры (и транспортной доступности), отдельных видов экономической деятельности, жизнедеятельности в целом. Поэтому в России мало просто выделить островные регионы, необходим более сложный подход к типологии муниципалитетов. На наш

взгляд, это может быть отказ от простого деления на близкие и удаленные от крупных городов территории (как в типологии ЕС/ОЭСР) и *разработка более сложной типологии*, как минимум с выделением отдельного типа муниципалитетов, изолированных в транспортном отношении. Кроме того, возможна разработка отдельной типологии муниципалитетов для Арктической зоны Российской Федерации как имеющей совершенно особые условия жизни и хозяйствования и при этом являющейся геостратегически важной российской территорией.

Количественные параметры разделения муниципальных образований на типы базово могут заимствоваться из зарубежного опыта, но будут уточняться непосредственно при проведении типологизации, в т.ч. исходя из естественных разрывов и других выявляемых особенностей.

Список литературы

1. *Fertner C.* Downscaling European Urban-Rural Typologies // *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*. 2012. Vol. 112. No. 1. P. 77–83.
2. *OECD Regional Typology* // OECD. URL: https://www.oecd.org/cfe/regionaldevelopment/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf (дата обращения: 16.11.2021).
3. *Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V.* OECD Extended Regional Typology: The Economic Performance of Remote Rural Regions // *OECD Regional Development Working Papers* 2011/06. 21 p.
4. *Fadic M., Garcilazo J.E., Monroy A.M., Veneri P.* Classifying Small (TL3) Regions Based on Metropolitan Population, Low Density and Remoteness // *OECD Regional Development Working Papers* 2019/06. 29 p.
5. *Russo A.P., Giné D.S., Albert M.Y.P., Brandajs F.* Identifying and Classifying Small and Medium Sized Towns in Europe // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2017. Vol. 107. No. 4. P. 380–402.
6. *Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S.* A Typology of Rural Areas in Serbia // *Ekonomski Anali*. 2008. No. 53 (177). P. 7–29.
7. *Klufová R.* Current Delimitation and Typology of the Czech Countryside and Its Importance for Rural Development // *Eastern European Countryside*. 2016. No. 22. P. 229–251.
8. *Ромашина А.А.* Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // *Региональные исследования*. 2019. № 3. С. 42–52.
9. *Ветров Г.Ю., Визгалов Д.В., Шанин А.А., Шевырова Н.И.* Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований. М.: Фонд «Институт экономики города», 2002. 65 с.
10. *Чистяков П.А., Ромашина А.А., Петросян А.Н. Шевчук Е.И., Бабурин В.Л.* Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2020. № 4. С. 58–68.
11. *Победин А.А.* Территории опережающего социально-экономического развития Свердловской области // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2015. № 4 (13). С. 14–29.
12. *Фукс Л.П.* Региональное расселение как система: самоорганизация и принципы управления: дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. СПб., 2007. 390 с.

13. Ковалев С.А. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2003. 438 с.
14. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб., 1910. 212 с.
15. Константинов О.А. О классификации городов экономической географии // Вопросы географии. 1957. Сб. 41. С. 37–67.
16. Хорев Б.С., Смидович С.Г. Расселение населения. Основные понятия и методология. М.: Финансы и статистика, 1981. 192 с.
17. Давидович В.Г. Величина городских поселений СССР // Вопросы географии. 1962. Сб. 56. С. 5–30.
18. Лимонов Л.Э., Несена М.В. Структурно-экономическая типология крупных российских городов // Известия РГО. 2015. Т. 147. Вып. 6. С. 59–77.
19. Манаева И.В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1235–1249.
20. Секушина И.А., Ускова Т.В. Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения // Север и рынок. 2020. № 1. С. 4–17.
21. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Опыт типологии региональных систем городского расселения России // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 4–15.
22. Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / Под редакцией Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1977. 296 с.
23. Троцкий А.Я., Мищенко И.В., Мищенко О.А. Пространственное развитие сельской периферии: методология и основные результаты исследования // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 5 (372). С. 2–16.
24. Ворошилов Н.В. Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 42–58.
25. Дармограй О.В. Методика оценки социально-экономического развития сельских муниципальных образований // АПК: Экономика, управление. 2009. № 6. С. 3–4.
26. Панов М.М. Внутрирегиональная типология сельских территорий (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 159–173.
27. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2004. № 4. С. 27–34.
28. Дружинин А.Г., Лялина А.В. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 2. С. 20–35.
29. Лаженцев В.Н. Социально-экономическая география и региональная политика: северный аспект // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3 (27). С. 103–110.
30. Гончаров Р.В., Данькин М.А., Замятина Н.Ю., Молодцова В.А. Соборы в пустыне или опорные базы? Типология населенных пунктов российской Арктики по характеру взаимосвязи с окружающей территорией // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 33–56.
31. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Российское экспортное обозрение. 2006. № 2 (16). С. 19–22.
32. Лексин В.Н. «Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 84–93.
33. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднагломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45.

References

1. Fertner S. Downscaling European Urban-Rural Typologies, *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*, 2012, Vol. 112, No. 1, pp. 77–83.
2. OECD Regional Typology, *OECD*. Available at: https://www.oecd.org/cfe/regionaldevelopment/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf (accessed 16 November 2021).
3. Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V. OECD Extended Regional Typology: The Economic Performance of Remote Rural Regions, *OECD Regional Development Working Papers 2011/06*, 21 p.
4. Fadic M., Garcilazo J.E., Monroy A.M., Veneri P. Classifying Small (TL3) Regions Based on Metropolitan Population, Low Density and Remoteness, *OECD Regional Development Working Papers 2019/06*, 29 p.
5. Russo A.P., Giné D.S., Albert M.Y.P., Brandajs F. Identifying and Classifying Small and Medium Sized Towns in Europe, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 2017, Vol. 107, No. 4, pp. 380–402.
6. Bogdanov N., Meredith D., Efstroglou S. A Typology of Rural Areas in Serbia, *Ekonomski Anali*, 2008, No. 53 (177), pp. 7–29.
7. Klufová R. Current Delimitation and Typology of the Czech Countryside and Its Importance for Rural Development, *Eastern European Countryside*, 2016, No. 22, pp. 229–251.
8. Romashina A.A. Tipologiya munitsipal'nykh obrazovaniy Rossii po spetsializatsii ekonomiki i polozheniiu v sisteme rasseleniya [Typology of Russian Municipalities by Specialization of Economy and Position in the Settlement System], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2019, No. 3, pp. 42–52. (In Russ.).
9. Vetrov G.Iu., Vizgalov D.V., Shanin A.A., Shevyrova N.I. Indikatory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy [Indicators of Socio-Economic Development of Municipalities]. Moscow, Fond «Institut ekonomiki goroda», 2002, 65 p. (In Russ.).
10. Chistiakov P.A., Romashina A.A., Petrosian A.N. Shevchuk E.I., Baburin V.L. Tsentry ekonomicheskogo rosta Rossiiskoi Federatsii na munitsipal'nom urovne [Centers of Economic Growth of the Russian Federation at the Municipal Level], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography], 2020, No. 4, pp. 58–68. (In Russ.).
11. Pobedin A.A. Territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sverdlovskoi oblasti [Territories of Advanced Socio-Economic Development of the Sverdlovsk Region], *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: Economics and Management], 2015, No. 4 (13), pp. 14–29. (In Russ.).
12. Fuks L.P. Regional'noe rasselenie kak sistema: samoorganizatsiya i printsipy upravleniya. Dis. doct. geogr. nauk [Regional Settlement as a System: Self-Organization and Management Principles. Dr. geographical sci. diss.], Saint-Petersburg, 2007, 390 p. (In Russ.).
13. Kovalev S.A. Izbrannye trudy [Selected Works]. Smolensk, Oikumena, 2003, 438 p. (In Russ.).
14. Semenov-Tian-Shanskii V.P. Gorod i derevnia v evropeiskoi Rossii: ocherk po ekonomicheskoi geografii [City and Village in European Russia: an Essay on Economic Geography]. Saint-Petersburg, 1910, 212 p. (In Russ.).
15. Konstantinov O.A. O klassifikatsii gorodov ekonomicheskoi geografii [On the Classification of Cities in Economic Geography], *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 1957, Collection 41, pp. 37–67. (In Russ.).
16. Khorev B.S., Smidovich S.G. Rasselenie naseleniya. Osnovnye ponyatiya i metodologiya [Settlement of the Population. Basic Concepts and Methodology]. Moscow, Finansy i statistika, 1981, 192 p. (In Russ.).

17. Davidovich V.G. Velichina gorodskikh poselenii SSSR [The Size of Urban Settlements of the USSR], *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 1962, Collection 56, pp. 5–30. (In Russ.).

18. Limonov L.E., Nesena M.V. Strukturno-ekonomicheskaiia tipologiia krupnykh rossiiskikh gorodov [Structural and Economic Typology of Large Russian Cities], *Izvestiia RGO* [Izvestiya RGO], 2015, Vol. 147, Issue 6, pp. 59–77. (In Russ.).

19. Manaeva I.V. Goroda Rossii: klassifikatsiia i tipologiia [Cities of Russia: Classification and Typology], *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2018, Vol. 16, No. 7, pp. 1235–1249. (In Russ.).

20. Sekushina I.A., Uskova T.V. Tipologiia malykh i srednikh gorodov po ekonomicheskomu profilu i polozheniiu v sisteme rasseleniia [Typology of Small and Medium-Sized Cities by Economic Profile and Position in the Settlement System], *Sever i rynek* [North and Market], 2020, No. 1, pp. 4–17. (In Russ.).

21. Kirillov P.L., Makhrova A.G. Opyt tipologii regional'nykh sistem gorodskogo rasseleniia Rossii [Experience of Typology of Regional Urban Settlement Systems in Russia], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Studies], 2020, No. 1, pp. 4–15. (In Russ.).

22. Razvitie sel'skikh poselenii (lingvisticheskii metod tipologicheskogo analiza sotsial'nykh ob'ektov) [Development of Rural Settlements (Linguistic Method of Typological Analysis of Social Objects)], edited by T.I. Zaslavskoi i I.B. Muchnika. Moscow, Statistika, 1977, 296 p. (In Russ.).

23. Trotskovskii A.Ia., Mishchenko I.V., Mishchenko O.A. Prostranstvennoe razvitie sel'skoi periferii: metodologiia i osnovnye rezul'taty issledovaniia [Spatial Development of Rural Periphery: Methodology and Main Research Results], *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2014, No. 45 (372), pp. 2–16. (In Russ.).

24. Voroshilov N.V. Tipologiia, problemy i perspektivy razvitiia sel'skikh territorii [Typology, Problems and Prospects of Rural Territories Development], *Problemy razvitiia territorii* [Problems of Territory Development], 2018, No. 4 (96), pp. 42–58. (In Russ.).

25. Darmograi O.V. Metodika otsenki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia sel'skikh munitsipal'nykh obrazovaniy [Methodology for Assessing the Socio-Economic Development of Rural Municipalities], *APK: Ekonomika, upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics, Management], 2009, No. 6, pp. 3–4. (In Russ.).

26. Panov M.M. Vnutreregional'naia tipologiia sel'skikh territorii (na primere Vologodskoi oblasti) [Intraregional Typology of Rural Territories (on the Example of the Vologda Oblast)], *Problemy razvitiia territorii* [Problems of Territory Development], 2015, No. 2(76), pp. 159–173. (In Russ.).

27. Baklanov P.Ia., Ganzei S.S. Prigranichnye i transgranichnye territorii kak ob'ekt geograficheskikh issledovaniy [Border and Cross-Border Territories as an Object of Geographical Research], *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaiia* [Izvestia of the Russian Academy of Sciences. The Series is Geographical], 2004, No. 4, pp. 27–34. (In Russ.).

28. Druzhinin A.G., Lialina A.V. Primorskie munitsipaliteti Rossii: kontseptualizatsiia, identifikatsiia, tipologizatsiia [Primorsky Municipalities of Russia: Conceptualization, Identification, Typologization], *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions], 2020, Vol. 6 (16), Issue 2, pp. 20–35. (In Russ.).

29. Lazhentsev V.N. Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia i regional'naia politika: severnyi aspekt [Socio-Economic Geography and Regional Policy: The Northern Aspect], *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2016, No. 3 (27), pp. 103–110. (In Russ.).

30. Goncharov R.V., Dan'kin M.A., Zamiatina N.Iu., Molodtsova V.A. Sobory v pustyne ili opornye bazy? Tipologiya naselennykh punktov rossiiskoi Arktiki po kharakteru vzaimosviazi s okruzhaiushchei territoriei [Cathedrals in the Desert or Support Bases? Typology of Settlements in the Russian Arctic by the Nature of the Relationship With the Surrounding Area], *Gorodskie issledovaniia i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2020, Vol. 5, No. 1, pp. 33–56. (In Russ.).

31. Zubarevich N.V. Rossiiskie goroda kak tsentry rosta [Russian Cities as Growth Centers], *Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie* [Russian Expert Review], 2006, No. 2 (16), pp. 19–22. (In Russ.).

32. Leksin V.N. “Regional’nye stolitsy” v ekonomike i sotsial’noi zhizni Rossii [“Regional Capitals” in the Economy and Social Life of Russia], *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2006, No. 7, pp. 84–93. (In Russ.).

33. Antonov E.V., Makhrova A.G. Krupneishie gorodskie aglomeratsii i formy rasseleniia nadaglomeratsionnogo urovnia v Rossii [The Largest Urban Agglomerations and Forms of Settlement of the Supra-Agglomeration Level in Russia], *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Izvestia of the Russian Academy of Sciences. The Series is Geographical], 2019, No. 4, pp. 31–45. (In Russ.).

TPOLOGY OF MUNICIPALITIES TO MONITOR THEIR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

One of the urgent tasks of the state policy of spatial development is the introduction of a permanent system for monitoring the socio-economic development of municipalities (at least at the level of municipal and districts), for which, as stated in the article, it is necessary to develop typologies of municipalities. It is advisable to generalize and analyze statistical information on municipalities on the basis of its automatic processing for different types of territories. The article analyzes the existing experience of the EU and the OECD in the typology of regions comparable to Russian municipal districts, and also summarizes the experience accumulated in Russia in the typologization of territories – municipalities in general, cities. It is shown that the basic typology can and should be based on an assessment of the settlement system – the ratio of urban and rural population, population density, the presence of a large urban center or proximity to it. Additionally, it is also important to take into account natural and climatic conditions, geographical location, sustainable economic specialization, and administrative status.

Key words: municipality, settlement system, geographical location, natural and climatic conditions, economic specialization, administrative status.

JEL: R12, J21

Дата поступления – 14.12.2021 г.

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

доктор экономических наук, профессор, заведующая научной лабораторией «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

БАБКИН Роман Александрович

кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Research Laboratory «Regional Policy and Regional Investment Processes»;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

БАБКИН Роман А.

Cand. Sc. (Geography), Chief Researcher of the Research Laboratory «Regional Policy and Regional Investment Processes»;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

Для цитирования:

Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 35–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-35-53>

Н.В. ВОРОШИЛОВ

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ*

Развитие городских агломераций обозначено в качестве одного из приоритетов пространственного развития России. Вместе с тем пока отсутствует единое понимание того, сколько агломераций в России, какой их состав; не сформировались и единые подходы к организации системы управления развитием агломераций. Основная идея статьи состоит в обосновании, что не только крупнейшие и крупные агломерации (с числом жителей более 500 тыс. чел. — они обозначены в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.), но и агломерации с численностью населения менее 500 тыс. чел. играют важную роль в развитии регионов и страны, а потому требуют государственной поддержки и формирования системы управления их развитием, что увеличит положительные агломерационные эффекты. Представлен методический подход к анализу и оценке основных параметров развития городских агломераций (предложена формула для расчета показателя экономической мощности агломерации и методика оценки уровня социально-экономического развития агломераций). На основе данного подхода обосновано выделение на территории Европейского Севера России 10 агломераций. Расчет коэффициента развитости агломераций показал, что 9 агломераций (Апатитская, Архангельская, Вологодская, Воркутинская, Котласская, Петрозаводская, Сыктывкарская, Ухтинская, Череповецкая) относятся к наименее развитым (формирующимся или перспективным), а Мурманская — к категории слаборазвитых. С учетом анализа успешного зарубежного и отечественного опыта обоснованы ключевые элементы механизма управления развитием городской агломерации. Полученные результаты будут интересны и полезны органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления при разработке управленческих решений в сфере реализации региональной и местной социально-экономической политики, а также могут послужить основой для дальнейших исследований по данной тематике.

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Ключевые слова: городские агломерации, Европейский Север России, социально-экономическое развитие, пространственное развитие, регион.

JEL: O18, P25, R12

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р) *городские агломерации обозначены как один из ключевых приоритетов пространственного развития страны*: в качестве перспективных крупных центров экономического роста страны и субъектов Российской Федерации указана 41 крупнейшая (с числом жителей более 1 млн чел.) и крупная (от 0,5 до 1,0 млн жителей) агломерация. Однако мировой и российской практикой, а также исследованиями российских [1-11; 13-16] и зарубежных [17-22] ученых показано и доказано наличие агломерационных процессов, эффектов от агломераций с численностью населения менее 500 тыс. чел.

Агломерации как форма пространственной организации населения и хозяйства имеют как ряд объективных *положительных эффектов* (повышение эффективности производства и сервисных услуг на основе функциональной специализации; снижение издержек на производство; реализация крупных проектов развития на основе расширения рынков и ресурсов в масштабах агломерации; продвижение товаров и услуг за пределы агломерации на основе зонтичного бренда территории; создание и распространение инноваций; повышение эффективности затрат муниципальных бюджетов на ЖКХ, транспорт, охрану окружающей среды и др.; рост мобильности рабочей силы; расширение спектра рабочих мест; формирование скоординированных систем предоставления социальных услуг; повышение связанности и эффективности использования объектов инфраструктуры и др.), так и ряд *возможных негативных (отрицательных) эффектов* (отток населения из периферийных территорий региона, ухудшение экологической ситуации на территории агломерации, перегруженность транспортной системы и т.д.).

В настоящее время в России не сформирована нормативно-правовая база регулирования процесса развития агломераций. Имеются трудности и в проведении объективного и комплексного анализа агломерационных процессов. Все это порождает отсутствие единого понимания того, сколько в стране потенциальных агломераций, а также каковы границы уже существующих агломераций (в разных источниках можно обнаружить до трех различных составов агломерации с одним названием).

Методические аспекты исследования агломераций

Переходя к описанию методического подхода, нужно вначале определиться с терминологией объекта исследования. На наш взгляд, классическое определение *городской агломерации* было дано док-

тором географических наук, профессором Г.М. Лаппо, под которой он понимает «компактную территориальную группировку городских и сельских поселений, объединенных в динамичную локальную систему многообразными интенсивными связями: производственными, деловыми, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и прочими, а также совместным использованием ресурсов агломерационного ареала» [7, с. 92]. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. под городской агломерацией понимается совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними (с общей численностью населения 0,5–1,0 млн чел. для *крупной городской агломерации* и более 1,0 млн чел. для *крупнейшей городской агломерации*), связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в т.ч. трудовыми, и социальными связями.

Далее необходимо понять, как выявлять территории, для которых характерны агломерационные эффекты, определять состав и границы агломераций, оценивать основные параметры и особенности их развития.

В мировой и российской практике используется довольно широкий перечень критериев выделения городских агломераций: «наличие города-центра определенной людности; плотность городского населения; непрерывность застройки; интенсивность и дальность трудовых и культурно-бытовых поездок между городом-центром и другими поселениями агломерации; удельный вес несельскохозяйственных рабочих; доля работающих вне места жительства; количество городов-спутников и интенсивность их связанности с городом центром; число телефонных разговоров с центром; наличие экономико-производственных связей; единые инфраструктурные системы и другие» [4, с. 43].

Советскими и российскими учеными [1; 2; 5; 8; 9; 13; 14] для *общей оценки развитости и проведения типологизации агломераций* обосновано применение следующих показателей (критериев): «численность населения агломерации и ее ядра, коэффициент и индекс агломеративности, коэффициент развитости агломерации, коэффициент динамичности (темпы роста городского населения за 20 лет), количество ядер агломерации. При этом в данном случае рассматриваются лишь параметры демографического развития муниципалитетов, входящих в агломерацию, а также особенности системы расселения» [4, с. 44].

Для оценки параметров развития каждой агломерации в данном исследовании использовалось четыре показателя:

1. Численность населения агломерации (чел.).
2. Коэффициент развитости агломерации (рассчитывался по методике Института географии РАН [8]), учитывающий конфигурацию системы городских населенных пунктов агломерации (численность населения агломерации, число городов, поселков городского типа в агломерации; доля численности населения городов и поселков городского типа в численности населения агломерации); Исходя из значения коэффициента развитости определяют классы развитости агломерации:

«более 50 – наиболее развитые; от 10 до 50 – сильно развитые; от 5 до 10 – развитые; от 2,5 до 5 – слабо развитые; менее 2,5 – наименее развитые, потенциальные» [8, с. 47].

3. Показатель гравитации (экономической мощности) агломерации (млн руб./км) (предложен в наших предыдущих публикациях [3; 4] на основе совершенствования методического подхода, представленного в публикациях ряда российских ученых [6; 10]), который является синтетической величиной, учитывающей экономический потенциал (объем отгрузки товаров и услуг), и расстояние между ядром агломерации и центрами муниципальных образований, входящих в нее, т.е. потенциал взаимодействия между экономиками муниципалитетов, входящих в агломерацию.

4. Суммарный объем отгрузки продукции в муниципалитетах агломерации в расчете на 1 жителя (тыс. руб.).

Для оценки общего уровня социально-экономического развития агломераций и их группировки по уровню развития нами также разработана специальная методика (состоящая из четырех этапов). Ее сущность состоит в расчете интегрального показателя уровня социально-экономического развития агломерации, агрегирующего исходные статистические показатели по муниципалитетам агломерации, и выделении на его основе пяти групп агломераций.

На первом этапе на основе имеющейся официальной статистической информации формируется перечень показателей, отражающих различные стороны социально-экономического развития территорий (см. табл. 1). Данный перечень был определен, исходя из имеющейся официальной статистической информации по всем муниципалитетам России, представленной в Базе данных показателей муниципальных образований¹, которая формируется Федеральной службой государственной статистики с 2006 г.

Значения всех стоимостных показателей, входящих в методику, вначале приводятся к единым среднероссийским ценам по следующей формуле:

$$P_{\text{прив}} ik = P_{\text{исх}} ik \times \frac{C_{\text{РФ}}}{C_k}, \quad (1)$$

где $P_{\text{прив}} ik$ – значение i -го показателя муниципального образования агломерации, входящей в k -й субъект Российской Федерации, в соответствующем году, скорректированное на стоимость фиксированного набора товаров и услуг (межрегиональные различия уровня цен);

$P_{\text{ик}}$ – исходное значение i -го показателя муниципального образования агломерации, входящей в k -й субъект Российской Федерации;

СРФ – среднегодовая стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в среднем по России на конец соответствующего года;

¹ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/>

Ск – среднегодовая стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в к-м регионе на конец соответствующего года.

Т а б л и ц а 1

Перечень показателей, используемых для оценки уровня социально-экономического развития городских агломераций

Обозначение показателя	Наименование показателя
Инв.*	Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на 1 жителя, тыс. руб. (+**)
Дох.	Налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов на душу населения, тыс. руб. (+)
Кр	Коэффициент рождаемости, промилле (+)
Ксм	Коэффициент смертности, промилле (–)
Зарплата	Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), руб. (+)
ОНЖ	Общая площадь жилых помещений в расчете на 1 жителя, тыс. м ² (+)
ВЖ	Ввод в действие жилых домов на территории муниципального образования, м ² (+)
Отгрузка	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), средняя численность работников которых превышает 15 чел., по основному виду экономической деятельности в расчете на 1 жителя, тыс. руб. (+)
ОРТ	Оборот розничной торговли (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на 1 жителя, тыс. руб. (+)

Источник: составлено автором.

* Примечание 1. Перед названием каждого показателя указано его условное обозначение, применяемое в данном исследовании.

** Примечание 2. Символом «+» обозначен прямой показатель; символом «–» – обратный показатель.

Далее рассчитывается значение каждого из 10 показателей, применяемых в методике (x_{ij}), для каждой j-й агломерации как среднее арифметическое взвешенное из соответствующих значений показателей муниципальных образований, входящих в агломерацию.

На **втором этапе** показатели стандартизируются относительно средних значений:

$$k_{ij} = x_{ij} / x_{срi} \quad (2)$$

$$k_i = x_{срj} / x_j, \quad (3)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 2 для прямых показателей, а для обратных – в соответствии с формулой 3;

x_i – значение i-го показателя в j-й агломерации;

x_{срi} – среднее значение i-го показателя по всем анализируемым агломерациям.

На **третьем этапе** рассчитывается интегральный показатель уровня социально-экономического развития агломерации (I):

$$I = \left(\sum_{i=1}^n k_{ij} \right) / n, \quad (4)$$

где n – число показателей, применяемых в методике.

На **четвертом этапе** осуществляется группировка агломераций по уровню социально-экономического развития, который определяется следующими интервальными оценками интегрального показателя I: высокий ($I \geq 1,15$), выше среднего ($1,05 \leq I < 1,15$), средний ($0,95 \leq I < 1,05$), ниже среднего ($0,85 \leq I < 0,95$), низкий ($I < 0,85$).

**Текущее состояние и проблемы формирования и развития
городских агломераций на территории
Европейского Севера России**

Европейский Север России (далее – ЕСП) – это самый большой экономический район европейской части России. Его площадь – 1 466 тыс. км², что составляет 9% от площади всей страны. В состав этого региона входят: Республика Карелия (административный центр – г. Петрозаводск), Республика Коми (г. Сыктывкар), Архангельская область (г. Архангельск), Ненецкий автономный округ (г. Нарьян-Мар), Вологодская (г. Вологда) и Мурманская (г. Мурманск) области.

Исследование агломераций необходимо начинать с определения их количества, состава (муниципальных образований, входящих в нее) и границ. Так, известный российский ученый-урбанист, градовед А.М. Лола выделяет на территории России 146 крупногородских агломераций, в т.ч. 9 агломераций на территории Европейского Севера России: «Архангельская, Вологодская, Воркутинская, Котласская, Мурманская, Петрозаводская, Сыктывкарская, Ухтинская, Череповецкая агломерации» [9, с. 279].

В исследовании, результаты которого представлены в данной статье, на территории ЕСП обосновано выделение 10 формирующихся и развивающихся агломераций (см. табл. 2). Конкретный состав агломераций на территории ЕСП определялся исходя из наличия ядра агломерации с численностью населения не менее 100 тыс. чел. (50 тыс. чел. – для Воркутинской и Котласской агломераций), а также 1,5–2 часовой временной доступности от окраин до центра агломерации [4].

На основе расчетов определено, что до подавляющего большинства городских и сельских поселений обеспечивается 1,5–2-часовая транспортная доступность от центра (ядра) агломерации. Это подтверждает обоснованность выделения 10 агломераций на территории Европейского Севера России в составе вышеперечисленного перечня муниципальных образований.

Т а б л и ц а 2

Перечень и состав агломераций на территории Европейского Севера России

Агломерация	Перечень муниципальных образований, входящих в состав агломерации
Апатитская (Апатиты – Кировск – Мончегорск)	Городской округ г. Апатиты, городской округ г. Кировск, городской округ г. Мончегорск, городской округ г. Оленегорск, городской округ г. Полярные Зори
Архангельская	Городской округ Архангельск, городской округ Новодвинск, городской округ Северодвинск», Приморский муниципальный район
Вологодская	Городской округ «Город Вологда», Вологодский, Грязовецкий, Сокольский муниципальные районы
Воркутинская	Городской округ Воркута
Котласская	Городской округ Котлас, городской округ Коржма, Котласский муниципальный район
Мурманская	Городской округ г. Мурманск, городской округ Александровск, городской округ п. Видяево, городской округ г. Заозерск, городской округ г. Североморск, Кольский муниципальный район
Петрозаводская	Городской округ г. Петрозаводск, Кондопожский, Прионежский, Пряжинский муниципальные районы
Сыктывкарская	Городской округ Сыктывкар, Кортекросский, Сыктывдинский, Сысольский, Усть-Вымский муниципальные районы
Ухтинская	Городской округ Ухта, муниципальный район Сосногорск
Череповецкая	Городской округ «Город Череповец», Кадуйский, Череповецкий, Шекснинский муниципальные районы

Источник: составлено автором по [4].

В *таблице 3* представлены результаты расчета четырех ключевых показателей, характеризующих развитость агломераций: численность населения, коэффициент развитости агломерации, показатель мощности экономического взаимодействия между муниципалитетами агломерации и объем отгрузки продукции в расчете на 1 жителя.

Согласно данным *таблицы 3*, наиболее населенной является Архангельская агломерация с числом жителей на конец 2020 г. 596 тыс. чел., наименее населенной – Воркутинская агломерация (72,4 тыс. чел.). Вместе с тем в советский период численность населения территории нынешнего городского округа Воркута составляла более 100 тыс. чел. В период рыночных трансформаций численность населения города Воркуты и поселков городского типа заметно сократилась, ряд из них (пгт Мульда, пгт Октябрьский и пгт Промышленный) полностью обезлюдели. При сохранении данных негативных тенденций на дальнейшую перспективу можно будет говорить об отсутствии агломерации на данной территории.

Т а б л и ц а 3

**Ключевые показатели развитости агломераций на территории
Европейского Севера России в 2020 г.**

Название агломерации	Численность населения, чел		Коэффициент развитости агломерации		Показатель гравитации (экономической мощности) агломерации (скорр.*), млн руб./км		Объем отгрузки продукции в расчете на 1 жителя, тыс. руб.	
	Знач.	Место	Знач.	Место	Знач.	Место	Знач.	Место
Архангельская	596 227	1	1,69	2	3 662,3	5	492,1	7
Мурманская	448 403	2	3,03	1	7 787,0	2	867,5	4
Вологодская	446 425	3	1,46	3	4 876,6	3	389,6	9
Череповецкая	400 345	4	0,41	8	8 298,0	1	1 599,5	3
Петрозаводская	351 212	5	0,62	5	2 507,7	6	335,8	10
Сыктывкарская	338 188	6	0,59	6	1 379,7	7	478,4	8
Апатитская	172 291	7	0,77	4	770,2	9	4 567,5	1
Ухтинская	154 485	8	0,41	7	4 247,9	4	2 337,8	2
Котласская	128 247	9	0,35	9	942,2	8	551,8	6
Воркутинская	72 423	10	0,15	10	—	—	602,0	5

Источник: рассчитано автором на основе официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики.

* Примечание. Представлено скорректированное, приведенное к единым среднероссийским ценам значение показателя (с учетом соотношения стоимости фиксированного набора товаров и услуг в субъекте Российской Федерации, в который входит соответствующая агломерация со среднероссийским значением данного индикатора).

Согласно *коэффициенту развитости*, на территории ЕСР лишь одна агломерация (Мурманская) относится к категории слаборазвитых, остальные девять агломераций – к наименее развитым (формирующимся, перспективным). Что касается коэффициента экономической мощности взаимодействия муниципалитетов агломерации, то лидерами здесь являются Череповецкая, Мурманская и Вологодская агломерации. Наименьшее значение данного показателя отмечается в Апатитской и Котласской агломерациях, что во многом объяснимо тем, что они является одними из самых малонаселенных агломераций.

По показателю *объема отгрузки продукции на душу населения* лидируют Апатитская, Ухтинская и Череповецкая агломерации. Менее развитыми агломерациями на территории ЕСР являются Вологодская и Петрозаводская в связи с относительно невысоким уровнем развития крупного и капиталоемкого промышленного производства в горо-

дах-ядрах данных агломераций и выполнении ими преимущественно административных, логистических, рекреационных функций в экономике региона [4].

Ключевым показателем развития агломераций является динамика численности населения. За 2010–2020 гг. выросло число жителей лишь Петрозаводской и Сыктывкарской агломераций (см. табл. 4). В остальных агломерациях сокращение данного показателя составило 0,2–24%, но это заметно меньше, чем в среднем по всем муниципалитетам соответствующего региона (за исключением Воркутинской агломерации). Большинство населения регионов Европейского Севера России живет в агломерациях. В Республике Карелии в Петрозаводской агломерации проживает 57,7% населения региона, в Республике Коми в трех агломерациях – 69,5%, в Архангельской области в двух агломерациях – 66,9%, в Вологодской области в двух агломерациях – 73,6%, в Мурманской области в двух агломерациях – 67,6%. При этом за семь лет концентрация населения в агломерациях выросла во всех субъектах Российской Федерации, относящихся к Европейскому Северу России (за исключением Воркутинской агломерации).

Т а б л и ц а 4

Динамика численности постоянного населения в агломерациях на территории Европейского Севера России в 2010–2020 гг., на конец года, тыс. чел.

Субъект Российской Федерации, агломерация	2010	2015	2018	2019	2020	2020 к 2010, %
1	2	3	4	5	6	7
Республика Карелия	642,6	629,9	618,0	614,1	609,1	94,8
Петрозаводская агломерация	339,2	351,4	352,5	352,6	351,2	103,5
Доля Петрозаводской агломерации	52,8	55,8	57,0	57,4	57,7	+4,9 п.п.
Республика Коми	899,2	856,8	830,2	820,5	813,6	90,5
Сыктывкарская агломерация	337,0	342,0	340,7	339,7	338,2	100,4
Доля Сыктывкарской агломерации	37,5	39,9	41,0	41,4	41,6	+4,1 п.п.
Ухтинская агломерация	168,6	164,0	159,2	156,3	154,5	91,6
Доля Ухтинской агломерации	18,7	19,1	19,2	19,1	19,0	+0,2 п.п.
Воркутинская агломерация	95,2	81,4	74,8	73,1	72,4	76,1
Доля Воркутинской агломерации	10,6	9,5	9,0	8,9	8,9	–1,7 п.п.
Архангельская область	1182,8	1130,2	1100,3	1092,4	1082,7	91,5
Архангельская агломерация	615,6	609,1	601,9	599,9	596,2	96,9
Доля Архангельской агломерации	52,0	53,9	54,7	54,9	55,1	+3,0 п.п.

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3	4	5	6	7
Котласская агломерация	133,9	131,4	129,4	128,6	128,2	95,8
Доля Котласской агломерации	11,3	11,6	11,8	11,8	11,8	+0,5 п.п.
Вологодская область	1201,2	1187,7	1167,7	1160,4	1151,0	95,8
Вологодская агломерация	447,4	455,5	451,5	449,2	446,4	99,8
Доля Вологодской агломерации	37,2	38,4	38,7	38,7	38,8	+1,5 п.п.
Череповецкая агломерация	403,9	408,4	405,2	403,4	400,3	99,1
Доля Череповецкой агломерации	33,6	34,4	34,7	34,8	34,8	+1,2 п.п.
Мурманская область	794,1	762,2	748,1	741,4	732,9	92,3
Мурманская агломерация*	351,8	343,2	333,0	328,4	323,1	91,9
Доля Мурманской агломерации*	44,3	45,0	44,5	44,3	44,1	-0,2 п.п.
Апатитская агломерация	186,2	179,0	175,2	173,9	172,3	92,6
Доля Апатитской агломерации	23,4	23,5	23,4	23,5	23,5	+0,1 п.п.
Мурманская агломерация**	—	463,3	456,7	452,7	448,4	94,2
Доля Мурманской агломерации**	—	60,8	61,0	61,1	61,2	+0,8 п.п.

Источник: рассчитано автором на основе официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики.

* Примечание 1. Мурманская агломерация в данном случае рассматривается в составе г. Мурманска и Кольского района.

** Примечание 2. Мурманская агломерация в данном случае рассматривается в составе г. Мурманска, Кольского района, городских округов Александровск, п. Видяево, г. Заозерска, г. Североморска (данные городские округа не могут в полной мере участвовать в развитии агломерации, т.к. являются закрытыми административно-территориальными единицами).

Далее рассмотрим общую социально-экономическую ситуацию на уровне отдельных агломераций на основе результатов расчета *интегрального показателя уровня развития агломераций* в соответствии с описанной выше методикой. В *таблице 5* представлены значения стандартизированных коэффициентов и интегрального показателя уровня социально-экономического развития агломераций. Высокий уровень развития характерен для Апатитской, Череповецкой и Мурманской агломераций (они являются лидерами по объему отгрузки и инвестиций, уровню жизни населения), выше среднего — для Ухтинской, ниже среднего — для Сыктывкарской, Вологодской, Архангельской, Петрозаводской, низкий — для Воркутинской и Котласской.

Данные *таблицы 5* также позволяют определить наиболее проблемные сферы развития каждой агломерации, отставание по показателям которых от средних значений может выступать негативным фактором

их дальнейшего развития, сохранения и преумножения человеческого капитала. Так, Апатитская агломерация заметно отстает от других по вводу в действие жилых домов и доходной базе местного бюджета. Для Череповецкой агломерации наиболее проблемной также является ситуация с местным бюджетом, относительной высокой смертностью населения и относительно низким уровнем развития сферы торговли. Для Вологодской агломерации проблемными сферами являются местный бюджет и инвестиционная деятельность, невысокий уровень жизни и экономического потенциала в целом.

Т а б л и ц а 5

Уровень социально-экономического развития агломераций на территории Европейского Севера России по итогам 2020 г.

Агломерация	Показатель*									
	Инв.	Дох.	Кр	Ксм	Зарп-лага	ОНЖ	ВЖ	Отгрузка	ОРТ	Интегр.
Апатитская	1,163	1,394	0,888	0,935	1,138	1,012	0,076	4,310	0,965	1,320
Череповецкая	2,081	0,862	0,997	0,985	1,032	1,048	1,444	1,775	0,653	1,208
Мурманская	2,368	1,741	0,993	0,948	1,198	0,923	0,195	0,819	1,337	1,169
Ухтинская	1,514	0,691	0,919	1,089	1,127	0,952	0,152	2,386	0,917	1,083
Сыктывкарская	0,509	0,786	1,100	1,087	0,886	1,001	1,333	0,488	1,023	0,913
Вологодская	0,565	0,703	1,179	0,951	0,805	1,119	1,249	0,432	1,082	0,898
Архангельская	0,492	0,967	0,888	1,049	1,009	0,916	1,084	0,501	1,006	0,879
Петрозаводская	0,304	0,601	0,998	0,962	0,885	0,964	1,466	0,351	1,204	0,859
Воркутинская	0,809	0,800	0,979	1,245	1,335	1,224	0,000	0,614	0,565	0,841
Котласская	0,521	0,661	0,929	0,935	0,827	1,035	1,061	0,562	0,696	0,803

Источник: рассчитано автором на основе официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики.

* Примечание. Условные обозначения частных показателей соответствуют их обозначениям, указанным в *таблице 1*.

В *таблице 6* представлены основные данные, свидетельствующие о роли двух агломераций в развитии Вологодской области (доля агломераций в соответствующих параметрах развития региона).

Согласно данным *таблицы 6* можно сделать вывод о продолжающейся концентрации населения и производства в двух агломерациях Вологодской области, формирующихся вокруг Вологды и Череповца. Так, по итогам 2020 г. в муниципалитетах агломераций проживало 73,6% населения области, размещалось 96,2% основных производственных

фондов, производилось 93,8% промышленной и 66,3% сельскохозяйственной продукции; на них же приходилось 88,9% объема инвестиций в основной капитал и 79,5% оборота розничной торговли. Данные факты свидетельствуют о том, что Вологодская агломерация больше специализируется на сельском хозяйстве и торговле, Череповецкая – на промышленном производстве (она же является стабильным лидером по объему привлеченных инвестиций).

Т а б л и ц а 6

Доля муниципальных районов и городских округов, входящих в Вологодскую и Череповецкую агломерации, в значениях ключевых параметров социально-экономического развития Вологодской области, %

Агломерация	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2020 к 2000, п.п.
<i>Доля в численности постоянного населения на конец года</i>							
Вологодская агломерация	35,6	35,9	37,2	38,4	38,7	38,8	3,2
Череповецкая агломерация	31,9	32,5	33,6	34,4	34,8	34,8	2,9
<i>Доля в величине основных фондов коммерческих организаций*</i>							
Вологодская агломерация	35,4	61,3	67,3	71,3	70,1	–	34,7***
Череповецкая агломерация	51,5	31,6	27,8	23,8	26,1	–	–25,4***
<i>Доля в объеме отгрузки продукции и объеме производства промышленной продукции**</i>							
Вологодская агломерация	10,5	12,9	13,0	18,3	19,2	20,0	–
Череповецкая агломерация	84,1	84,0	83,8	76,1	74,9	73,8	–
<i>Доля в объеме производства сельскохозяйственной продукции</i>							
Вологодская агломерация	33,9	38,7	40,6	43,3	47,0	–	13,1***
Череповецкая агломерация	21,7	25,8	25,4	22,9	19,3	–	–2,4***
<i>Доля в объеме инвестиций в основной капитал*</i>							
Вологодская агломерация	26,9	14,3	40,2	20,2	25,9	20,7	–6,2
Череповецкая агломерация	50,7	69,0	45,4	71,0	57,3	68,2	17,5
<i>Доля в объеме оборота розничной торговли</i>							
Вологодская агломерация	40,7	42,0	40,9	43,3	42,5	42,5	1,8
Череповецкая агломерация	31,9	35,3	36,5	35,7	36,8	37,0	5,1

Источник: рассчитано автором по [12].

* Примечание 1. Без субъектов малого предпринимательства.

** Примечание 2. В 2000, 2005, 2010 гг. доля агломерации по показателю «Объем производства промышленной продукции», в 2015, 2019, 2020 гг. – доля по показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)».

*** Примечание 3. 2019 г. к 2000 г.

Как показывает успешная мировая и российская практика, эффективное развитие агломераций и использование преимуществ агломерационных эффектов для развития региона в целом возможно лишь при целенаправленном содействии данным процессам со стороны органов государственной власти и местных органов власти. Первым шагом к управлению формированием и развитием агломерациями является определение и закрепление их роли в пространственном развитии региона (субъект Российской Федерации) в соответствующих документах стратегического (Стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плане мероприятий по ее реализации, разрабатываемых в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации») и территориального планирования (Схеме территориального планирования субъекта Российской Федерации, разрабатываемой в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ). Кроме того, в Стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований, входящих в городскую агломерацию (в соответствии с федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ по решению органов местного самоуправления могут разрабатываться, утверждаться/одобряться и реализовываться стратегия социально-экономического развития муниципального образования и план мероприятий по ее реализации) целесообразно также отразить перспективы и направления участия соответствующего муниципалитета в развитии агломерации.

По результатам проведенного анализа документов стратегического планирования регионов и муниципалитетов, относящихся к Европейскому Северу России, до 2025–2030 гг. можно сделать следующие выводы.

1. В Стратегиях всех регионов ЕСР упоминаются городские агломерации. Наиболее малонаселенные агломерации (Воркутинская, Апатитская, Котласская) не нашли своего отражения в данных документах в силу меньшего или совсем незначительного проявления в них агломерационных процессов. При этом границы и конкретный состав агломераций (перечень муниципальных образований) не указан ни в одном из анализируемых документов регионов ЕСР. В стратегиях социально-экономического развития Петрозаводска, Архангельска, Вологды и Череповца обозначены отдельные положения, касающиеся роли данных городов в развитии соответствующих агломераций.

2. Роль агломерации в пространственном развитии региона, а также основные направления ее развития во взаимосвязке со стратегическими целями и задачами соответствующего субъекта Российской Федерации детально отражены лишь в Стратегии социально-экономического развития Республики Карелии на период до 2030 г. для Петрозаводской агломерации. В стратегических документах Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Республики Коми агломерации только лишь упоминаются в соответствующих разделах и/или обозначены в качестве

основных полюсов, центров экономического развития региона. Не отражены также и какие-либо цифровые параметры развития агломераций. В Стратегии Вологодской области развитие агломераций обозначено одним из направлений пространственного развития региона. Однако по тексту документа говорится то про две агломерации (Вологодская и Череповецкая), то про одну двухъядерную агломерацию («Вологда – Череповец»). Наиболее подробно роль города в развитии агломерации и роль агломерации в развитии города представлена в Стратегии социально-экономического развития Петрозаводского городского округа на период до 2025 г.

3. Ключевым направлением развития агломераций является определение роли в развитии региона и основных параметров развития агломераций в документах территориального планирования, ключевым из которых выступает Схема территориального планирования соответствующего субъекта Российской Федерации. В Схематерриториального планирования Вологодской (рассмотрена наиболее подробно) и Мурманской областей, а также Республики Карелии агломерации рассматриваются в качестве элемента пространственного и градостроительного развития региона.

Перспективы управления развитием агломераций в России

В условиях отсутствия в России официального закрепления в нормативно-правовых актах федерального уровня подходов к механизмам управления развитием агломераций в регионах страны *складывались различные формы регулирования развития агломераций* (соглашения между муниципалитетами по совместному развитию агломераций, разработка и утверждение Схемы территориального планирования агломерации или специального раздела Схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации, принятие стратегий и программ развития агломераций, разработка и реализация внутриагломерационных проектов, формирование соответствующих координационных органов управления агломерациями на региональном и/или межмуниципальном уровне).

Министерство экономического развития Российской Федерации разработало и 4 сентября 2020 г. разместило на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов пакет законопроектов, направленных на правовое регулирование развития городских агломераций (проект Федерального закона «О городских агломерациях»)² и совершенствование правовых механизмов межмуниципального сотрудничества. Вместе с тем уже по истечении года данные проекты нормативных актов так и не вынесены на рассмотрение Государственной думы. В проекте Федерального закона «О городских агломерациях» обозначены основные *механизмы управления агломерациями*:

² Проект Федерального закона «О городских агломерациях» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=107906>

- межмуниципальное соглашение о совместном решении вопросов местного значения на территории городской агломерации, которое заключают представительные органы местного самоуправления муниципальных образований, входящих в состав территории агломерации;
- межмуниципальный координационный совет по развитию городской агломерации, который формируют представительные органы муниципальных образований, входящих в состав агломерации;
- межмуниципальные предприятия и/или межмуниципальные компании (эти новые организационно-правовые формы юридических лиц планируется ввести соответствующими изменениями в Гражданский кодекс Российской Федерации, что создаст хорошие возможности межмуниципального сотрудничества муниципалитетов агломерации практически по любым вопросам), которые могут учреждать муниципальные образования, входящие в состав городской агломерации, в целях совместного осуществления на территории городской агломерации управленческих, хозяйственных, социально-культурных и иных функций по вопросам местного значения;
- комплексный план развития городской агломерации, который разрабатывается и утверждается в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития агломераций;
- межбюджетные трансферты из федерального бюджета, предоставляемые бюджетам субъектов Российской Федерации, на территории которых располагаются городские агломерации, для предоставления их соответствующим местным бюджетам в порядке, установленном правительством Российской Федерации; межбюджетные трансферты из бюджета субъекта Федерации, которые могут предоставляться бюджетам муниципальных образований, входящим в состав городской агломерации, в порядке, определенном высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Федерации ³.

С учетом имеющегося зарубежного и российского опыта формирования и функционирования агломераций предлагаем следующие *рекомендации* органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления *по развитию городских агломераций*.

1. Для целей организации управления развитием каждой конкретной городской агломерации целесообразно подписать соглашение о создании и совместном развитии агломерации между муниципальными образованиями, которые будут входить в агломерацию; разра-

³ Данные трансферты предоставляются для реализации следующих мероприятий: 1) развитие транспортной, производственной, коммунальной, социальной инфраструктуры, способствующей развитию агломерационных связей; 2) поддержка занятости населения, привлечение на территорию городской агломерации высококвалифицированной рабочей силы; 3) содействие развитию малого и среднего предпринимательства; 4) обеспечение охраны окружающей среды; 5) иные мероприятия.

ботать стратегию (концепцию) развития агломерации; сформировать координационный совет по развитию агломерации, в который войдут представители органов государственной власти региона, органов местного самоуправления, бизнес-структур, общественных и научных организаций; возможно учреждение органами государственной власти специального государственного бюджетного учреждения «Институт развития агломерации» или учреждение муниципальными образованиями автономной некоммерческой организации, которая будет координировать вопросы развития агломераций, разрабатывать проекты, заявки для получения финансирования в рамках государственных программ Российской Федерации и субъекта Федерации, национальных проектов.

2. В целях обеспечения эффективного управления агломерациями необходимо провести комплексное зонирование территорий агломерации, предполагающее выделение и прогрессивное развитие рекреационных и селитебных зон, деловых и промышленных центров, реализуемых посредством единого документа территориального планирования (Схема территориального планирования городской агломерации) или же отдельного раздела Схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации и внесения соответствующих изменений в Схемы территориального планирования муниципальных районов и Генеральные планы городских округов (организация данной деятельности может быть осуществлена соответствующим органом государственной исполнительной власти субъекта Федерации за счет средств регионального бюджета); путем создания гибкой системы планирования и координации размещения производительных сил и расселенческого каркаса на территории агломерации и их оптимального обеспечения качественной и современной инфраструктурой, в т.ч. с опережающим развитием.

3. Важно разработать совместные агломерационные, межмуниципальные проекты, которые могут быть заявлены в федеральные или региональные проекты по развитию агломераций (приоритетными направлениями для данных проектов могут быть такие сферы, как обмен опытом по решению вопросов и проблем местного значения; проведение единой градостроительной политики; согласованное развитие транспортной инфраструктуры в муниципалитетах агломерации; создание транспортно-логистического узла на территории агломерации; формирование единого рынка сбыта продукции; развитие культуры, туризма и рекреации; совместное использование и развитие коммунальной инфраструктуры на территории агломерации, в т.ч. путем учреждения межмуниципальных организаций и др.);

4. Необходимо развивать механизмы межмуниципального сотрудничества между муниципалитетами агломерации, в т.ч. путем создания совместных межмуниципальных предприятий (в организационно-правовых формах НАО, ООО, АНО и фондов) и предоставления муниципальными образованиями друг другу «горизонтальных» субсидий;

5. В целях стимулирования экономической деятельности и получения выгод от агломерационных эффектов целесообразно прорабо-

тать меры по государственной поддержке ключевых для каждой агломерации видов деятельности путем активизации кооперации предприятий, создания/использования индустриальных парков, кластерных опорных центров, создания в пригородных территориях развитой экономической и социальной инфраструктуры, формирования жилых, промышленных и коммунальных зон.

6. Необходимо также развивать внутриагломерационную транспортную инфраструктуру, сквозное планирование развития транспорта и дорожной сети городов и смежных населенных пунктов⁴.

В свою очередь ключевой рекомендацией федеральным органам власти является скорейшее принятие уже разработанных проектов Федерального закона «О городских агломерациях» и совершенствования правовых механизмов межмуниципального сотрудничества, а также разработки специальной государственной программы Российской Федерации (или подпрограммы существующей госпрограммы) по поддержке проектов развития агломераций (финансирование таких проектов может осуществляться преимущественно за счет средств федерального бюджета при софинансировании за счет региональных и местных бюджетов). При этом важную роль в обеспечении сбалансированного пространственного развития страны объективно могут и должны играть не только сорок одна обозначенная в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. крупная и крупнейшая городская агломерация, но и другие формирующиеся и развивающиеся агломерации.

Список литературы

1. Волчкова И.В., Данилова М.Н., Подопригора Ю.В. [и др.]. Оценка интенсивности социально-экономических взаимодействий на территории агломерации в аспекте связанности социально-экономического пространства // Вопросы управления. 2014. № 4 (41). С. 182–195.

2. Волчкова И.В., Минаев Н.В. Теория и практика управления развитием агломераций: монография. Томск: Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2014. 234 с.

⁴ Например, в настоящее время в рамках Национального проекта «Безопасные качественные дороги» осуществляется разработка и внедрение интеллектуальных транспортных систем во многих городских агломерациях России), в т.ч. сквозных транспортных маршрутов. Также целесообразно стандартизировать благоустройство на территориях городов и смежных населенных пунктов; обеспечить доступность и единство принципов медицинского обслуживания и образования жителей вне зависимости от места проживания; организовать событийное пополнение и синхронизацию планирования единой культурной политики; внедрять стандарты по реализации цифровой трансформации и отдельных решений «Умного города» (например, в части развития аппаратно-программных комплексов «Безопасный город») в муниципалитетах агломерации. Данные мероприятия по развитию каждой конкретной агломерации могут быть реализованы на основе эффективного сотрудничества органов государственной власти субъекта Федерации, органов местного самоуправления муниципалитетов агломерации, органов управления агломерацией, бизнес-сообщества (в т.ч. в рамках механизмов государственно-частного и муниципально-частного партнерства).

3. *Ворошилов Н.В.* Актуальные вопросы развития агломераций в России // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4. № 9. С. 19–31.
4. *Ворошилов Н.В.* Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 40–54.
5. *Гринчель Б.М., Антонова А.А.* Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5 (23). С. 79–90.
6. *Козлова О.А., Макарова М.Н.* Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14513>
7. *Лаппо Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
8. *Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т.* Агломерации России в XXI в. // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.
9. *Лола А.М.* Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать. М.: КАНОН+, 2013. 292 с.
10. *Миргородская Е.О.* Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2017. № 4 (41). С. 6–20.
11. *Мищенко В.В., Мищенко И.В.* Городские агломерации: формирование и перспективы развития (на примере Барнаульской агломерации) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 5. С. 68–79.
12. Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели: статистический сборник / Вологдастат. Вологда, 2020. 274 с.
13. *Пивоваров Ю.Л.* Основы георбанистики: урбанизация и городские системы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. 232 с.
14. *Пузанов А., Попов Р.* Подходы к оценке развитости городских агломераций. М.: Институт экономики города, 2017. 32 с. URL: http://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/iue_press.pdf
15. Развитие городских агломераций: аналитический обзор. Выпуск 2. / Министерство регионального развития Российской Федерации; ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития. М., 2014. 71 с.
16. *Швецов А.Н.* Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 19–30.
17. *Prakash, M., Teksoz, K. Espey, J. etc.* Achieving A Sustainable Urban America. The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index 2017. URL: <http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf>
18. *Pütz T.* Empirische Zusammenschau der europäischen Metropolregionen in Deutschland // Informationen zur Raumentwicklung. 2016. No 5. P. 543–553.
19. *Rastvortseva S.* Agglomeration Economics in Regions: the Case in the Russian Industry // Regional Science Inquiry. 2017. Vol. IX. Issue 2. P. 45–54.
20. *Rigatti D.* Measuring Conurbation In: Proceedings of the 7th International Space Syntax Symposium. Stockholm, 2009. URL: http://www.sss7.org/Proceedings/05%20Spatial%20Morphology%20and%20Urban%20Growth/093_Rigatti.pdf
21. *Tripathi S.* Determinants of Employment Situation in Large Agglomerations in India: A Cross-Sectional Study // Regional Science Inquiry. 2018. Vol. X. Issue 2. P. 61–75.

22. Uchida H., Nelson A. Agglomeration Index: Towards a New Measure of Urban Concentration. World Institute for Development Economics Research. Working paper. 2010. No. 29. 18 p. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf>

References

1. Volchkova I.V., Danilova M.N., Podoprigora Iu.V. [and others]. Otsenka intensivnosti sotsial'no-ekonomicheskikh vzaimodeistvii na territorii aglomeratsii v aspekte svyazannosti sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva [Assessment of the Intensity of Socio-Economic Interactions on the Territory of the Agglomeration in the Aspect of the Connectedness of the Socio-Economic Space], *Voprosy upravleniia* [Management Issues], 2014, No. 4 (41), pp. 182–195. (In Russ.).
2. Volchkova I.V., Minaev N.V. Teoriia i praktika upravleniia razvitiem aglomeratsii: monografiia [Theory and Practice of Managing the Development of Agglomerations: Monograph]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 2014, 234 p. (In Russ.).
3. Voroshilov N.V. Aktual'nye voprosy razvitiia aglomeratsii v Rossii [Topical Issues of the Development of Agglomerations in Russia], *Zhurnal ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of Economic Research], 2018, Vol. 4, No. 9, pp. 19–31. (In Russ.).
4. Voroshilov N.V. Podkhody k otsenke razvitosti aglomeratsii na territorii Rossii [Approaches to Assessing the Development of Agglomerations on the Territory of Russia], *Problemy razvitiia territorii* [Problems of territory development], 2019, No. 4 (102), pp. 40–54. (In Russ.).
5. Grinchel' B.M., Antonova A.A. Izmerenie dinamiki aglomeratsionnykh protsessov v regional'noi ekonomike [Measuring the Dynamics of Agglomeration Processes in the Regional Economy], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, No. 5 (23), pp. 79–90. (In Russ.).
6. Kozlova O.A., Makarova M.N. Metodicheskii instrumentarii otsenki vliianiia prostranstvennoi lokalizatsii na migratsionnye protsessy v regione [Methodological Tools for Assessing the Impact of Spatial Localization on Migration Processes in the Region], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern Problems of Science and Education], 2014, No. 5. (In Russ.). Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14513>
7. Lappo G.M. Goroda Rossii. Vzgliad geografa [Cities of Russia. Geographer's view]. Moscow: Novyi khronograf, 2012, 504 p. (In Russ.).
8. Lappo G., Polian P., Selivanova T. Aglomeratsii Rossii v XXI v. [Agglomerations of Russia in the XXI Century], *Vestnik Fonda regional'nogo razvitiia Irkutskoi oblasti* [Bulletin of the Regional Development Fund of the Irkutsk Region], 2007, No. 1, pp. 45–52. (In Russ.).
9. Lola A.M. Gorodskoe i aglomeratsionnoe upravlenie v Rossii: sostoianie i chto delat' [City and Agglomeration Administration in Russia: State and What to Do]. Moscow: KANON+, 2013, 292 p. (In Russ.).
10. Mirgorodskaiia E.O. Otsenka territorial'no-ekonomicheskoi svyazannosti gorodov v aglomeratsii (na primere Bol'shogo Rostova) [Assessment of the Territorial and Economic Connectivity of Cities in the Agglomeration (on the Example of Bolshoi Rostov)], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 3. Ekonomika. Ekologiia* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 3. Economy. Ecology], 2017, No. 4 (41), pp. 6–20. (In Russ.).
11. Mishchenko V.V., Mishchenko I.V. Gorodskie aglomeratsii: formirovanie i perspektivy razvitiia (na primere Barnaul'skoi aglomeratsii) [Urban Agglomerations:

Formation and Development Prospects (on the Example of the Barnaul Agglomeration)], *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and State Management Design], 2015, No. 5, pp. 68–79. (In Russ.).

12. Munitsipal'nye raiony i gorodskie okruga Vologodskoi oblasti. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: statisticheskii sbornik [Municipal Districts and Urban Districts of the Vologda Region. Socio-Economic Indicators, Statistical Collection], Vologdastat. Vologda, 2020, 274 p. (In Russ.).

13. Pivovarov Iu.L. Osnovy geourbanistiki: urbanizatsiia i gorodskie sistemy: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenii [Fundamentals of Geo-Urban Studies: Urbanization and Urban Systems: textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Gumanitarnyi izdatel'skii centr VLADOS, 1999, 232 p. (In Russ.).

14. Puzanov A., Popov R. Podkhody k otsenke razvitosti gorodskikh aglomeratsii [Approaches to Assessing the Development of Urban Agglomerations]. Moscow: Institut ekonomiki goroda, 2017, 32 p. (In Russ.). Available at: http://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/iue_press.pdf

15. Razvitie gorodskikh aglomeratsii: analiticheskii obzor. Iss. 2. [Development of Urban Agglomerations: an Analytical Review. Issue 2.], Ministerstvo regional'nogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii; OAO «Rossiiskii institut gradostroitel'stva i investitsionnogo razvitiia [Ministry of Regional Development of the Russian Federation; JSC Russian Institute of Urban Planning and Investment Development]. Moscow, 2014, 71 p. (In Russ.).

16. Shvetsov A.N. Upravlenie gorodskimi aglomeratsiiami: organizatsionno-pravovye variant [Management of Urban Agglomerations: Organizational and Legal Options], *Regionalistika* [Regionalistics], 2018, Vol. 5, No. 1, pp. 19–30. (In Russ.).

17. Prakash, M., Teksoz, K. Espey, J. etc. Achieving A Sustainable Urban America. The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index 2017. Available at: <http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf>

18. Pütz T. Empirische Zusammenschau der europäischen Metropolregionen in Deutschland. *Informationen zur Raumentwicklung*, 2016, No. 5, pp. 543–553.

19. Rastvortseva S. Agglomeration Economics in Regions: the Case in the Russian Industry. *Regional Science Inquiry*, 2017, Vol. IX, Issue 2, pp. 45–54.

20. Rigatti D. Measuring Conurbation In: Proceedings of the 7th International Space Syntax Symposium. Stockholm, 2009. Available at: http://www.sss7.org/Proceedings/05%20Spatial%20Morphology%20and%20Urban%20Growth/093_Rigatti.pdf

21. Tripathi S. Determinants of Employment Situation in Large Agglomerations in India: A Cross-Sectional Study. *Regional Science Inquiry*, 2018, Vol. X, Issue 2, pp. 61–75.

22. Uchida H., Nelson A. Agglomeration Index: Towards a New Measure of Urban Concentration. World Institute for Development Economics Research. Working paper, 2010, No. 29, 18 p. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf>

DEVELOPMENT OF URBAN AGGLOMERATIONS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

At present, in Russia, the development of urban agglomerations is designated as one of the priorities of the country's spatial development. At the same time, there is still no common understanding of how many agglomerations there are in Russia, what is their composition; unified approaches to organizing a management system for the development of agglomerations have not been formed either. The main idea of this article is that not only the largest and

largest agglomerations (with a population of more than 500 thousand people – they are indicated in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025), but also agglomerations with a population of less than 500 thousand people. people play an important role in the development of regions and the country as a whole, and therefore require state support and the formation of a management system for their development, which will increase the positive agglomeration effects. The article presents a methodological approach to the analysis and assessment of the main parameters of the development of urban agglomerations (a formula for calculating the indicator of the economic power of an agglomeration and a methodology for assessing the level of socio-economic development of agglomerations). On the basis of this approach, the identification of 10 agglomerations in the European North of Russia has been substantiated. The calculation of the agglomeration development coefficient showed that 9 agglomerations (Apatitskaya, Arkhangelskaya, Vologodskaya, Vorkutinskaya, Kotlaskaya, Petrozavodskaya, Syktyvkar'skaya, Ukhtinskaya, Cherepovetskaya) belong to the least developed (emerging or promising), and Murmanskaya – to the category of underdeveloped. Taking into account the analysis of successful foreign and domestic experience, the key elements of the mechanism for managing the development of urban agglomeration are substantiated. The results obtained will be interesting and useful to the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments in the development of management decisions in the implementation of regional and local socio-economic policies, as well as serve as a basis for further research on this topic.

Keywords: urban agglomerations; European North of Russia; socio-economic development; spatial development; methodology, region.

JEL: O18, P25, R12

Дата поступления – 03.09.2021 г.

ВОРОШИЛОВ Николай Владимирович

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора исследования проблем эффективности управления социально-экономическими системами отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах;

Федеральное государственной бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» / ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014.

e-mail: niks789@yandex.ru

VOROSHILOV Nikolay V.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Research at the Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems;

Federal State Budgetary Institution of Sciences «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» / 56a, Gorky Street, Vologda, 160014.

e-mail: niks789@yandex.ru

Для цитирования:

Ворошилов Н.В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 54–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74>

Н.Ю. КОРОТИНА

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА НА ОСНОВЕ ДВОЙСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Сложность экономических аспектов федеративных отношений и многоаспектность управленческих задач определяют необходимость осмысления сущности системы федерализма. Поэтому целью данного исследования является обоснование модели, которая, с одной стороны, рассматривает экономический федерализм как концепт создания и функционирования государственной системы, с другой – как способ управления экономикой федеративного государства. Применение эволюционного методологического подхода позволило автору сконцентрироваться на выделении двух направлений исследования федерализма. Первая группа фундаментальных работ, исследующих федерализм как властную парадигму и фокусирующих внимание на федеративных принципах построения государства, политико-правовом статусе, позволила выделить сущностные признаки федеративных отношений; вторая группа теорий, обращающих внимание на механизм согласования экономических интересов участников федерализма с позиции обеспечения ресурсами выполнения возложенных государственных функций на каждом уровне федеративного устройства, позволила сформулировать экономические принципы функционирования федерализма. На основе выделенных признаков и принципов экономических отношений федерализма представлено авторское видение двойственности субъектной сущности государства в качестве носителя федеративных отношений как конструкта, структурирующего и форматирующего территориально-государственное устройство, механизм управления и организации, задающего формальные условия воспроизводства субъектов федеративного государства, и как актора, одного из участников экономического кругооборота и воспроизводства валового общественного продукта на основе ресурсов государственного сектора. Предложенное бинарное представление статуса государства позволяет показать не только его создающую, образующую роль в системе экономического федерализма, но и включает цели региональной экономики в систему ориентиров федерации.

Ключевые слова: экономика федеративных отношений, экономический федерализм, сектор государственного управления, конструкт государственного управления, актор рыночной экономики.

JEL: H11, H40, R58

Современный этап развития экономической мысли требует новых подходов к теоретическому осмыслению сущности и характера системы экономического федерализма, разработке концептуальных подходов по их модернизации, совершенствованию и реформированию, выработке механизмов взаимодействия федерального центра и регионов с целью устранения имеющегося несоответствия между декларируемым равенством и фактической разностатусностью субъектов.

Научная дискуссия как по конъюнктурным, так и по фундаментальным теоретическим проблемам федерализма актуализировалась в связи с глобальными вызовами и геоэкономической нестабильностью. Пандемия новой коронавирусной инфекции и вызванный ею экономический кризис высветили существующие проблемы в управлении развитыми федеративными государствами (Германия [1], Канада [2], США [3], Швейцария [4; 5] и др. [6]), а также новыми, недавно образовавшимися федерациями (Россия [7], Босния и Герцеговина [8]). Поэтому возник новый виток научного интереса к исследованию взаимодействий между федеральным, государственным и местным уровнями власти [9].

Изучение любого предмета или явления, как правило, проходит в рамках определенной парадигмы, которая становится научной платформой и определяет направленность исследования. Применение *эволюционного подхода* позволяет изучить трансформацию предметной области федерализма, современное представление о которой складывается в результате междисциплинарного диалога, расширяя жесткие границы традиционных наук, таких как экономика, политология, философия, история, этнография, социология, юриспруденция и других.

Федерализм, являясь сложным феноменом, проявляется в государственном и политическом устройстве [10–12], экономико-управленческой практике [13–16] и территориальной организации федеративного государства [17–20]. Функциональная сложность федерализма и комплексный характер его экономико-управленческого механизма привели к отсутствию универсального для различных стран образца экономического федерализма и существованию множества моделей, ассоциирующихся с конкретными федеративными странами. Социально-экономические реалии каждого федеративного государства оказывают влияние на механизм складывающихся в нем экономических отношений, тем самым формируя национальную систему экономического федерализма.

Теоретические положения

Проблема адекватного функционирования экономического федерализма является важным предметом как теоретических, так и эмпирических исследований, что обуславливает большое количество гипотез, взглядов, моделей, формирующих теоретическую платформу исследования. Для формирования авторской позиции базовые теории федерализма в данном исследовании сгруппированы по двум направлениям.

К *первой группе* отнесены теории, рассматривающие федерализм как властную парадигму и фокусирующие внимание на принципах многоуровневого построения государства, вопросах политического статуса, полномочий и компетенций федерального центра и субъектов федерации. Во *вторую группу* включены теории, позволяющие обосновать механизм согласования экономических интересов его участников с позиции обеспечения ресурсами выполнения возложенных государственных функций на каждом уровне федеративного устройства.

Анализ первой группы фундаментальных работ, исследующих политико-управленческие отношения в федеративном государстве, позволил выделить следующие сущностные признаки федеративных отношений.

Многосубъектность системы федеративного устройства как базовый признак федеративных отношений основывается на агрегировании в единое государство отдельных самостоятельных государств (субъектов), имеющих территориальные, исторические, цивилизационные особенности, разный национально-этнический и конфессиональный состав. Поэтому в каждой стране имеется *собственное многообразие и позиции отличий субъектов* [21]. Многосубъектность проявляется в сложной структуре управления государством. В основе признака многосубъектности лежит идея Макиавелли о связи возникновения нового типа государства с необходимостью создания прочного союза нескольких государств, имеющих свою историю.

Исследование природы власти позволяет выделить признак дуальности власти и интересов [22]. Дуальность (от лат. *dualis* – двойственный) – свойство системы, согласно которому в ней неразрывно сосуществуют два начала, две природы, два признака. Природа дуализма федеративных отношений подразумевает, что два уровня государственной власти существуют в неразрывной взаимосвязи, каждый из них взаимообуславливает существование другого. Дуальность в системе федерализма проявляется, с одной стороны, в признании общих интересов субъектов в рамках единого государства, с другой – в существовании собственных интересов, свойственных только конкретному субъекту федерации. Принцип дуальности в федеративных отношениях означает разделение власти по вертикали, т.е. наличие двух разных уровней государственной власти и управления – центрального и субъектов федерации, признание их независимости и самостоятельности, *собственных источников легитимации власти и разграничения полномочий, значительной автономии* в собственной сфере ответственности, т.к. полномочия, которые они осуществляют, не делегированы другой властью [23].

Основоположник дуалистического федерализма Дж. Кэролайн [24] подчеркивал, что *каждый властный уровень обладает значительной автономией* и самостоятельными полномочиями, что влечет за собой существование в территориальном отношении пространства страны и локального пространства территорий субъектов. Территория выступает одним из основных признаков любого государства и является пространственным выражением государственного суверенитета. Признаком

федеративной государственности, помимо государственного суверенитета в широком понимании, является *территориальный суверенитет*, который отражает автономный статус территориальных образований и их определенную политико-правовую и экономическую самостоятельность [25]. Признак территориального суверенитета в федеративном государстве означает, во-первых, распространение суверенитета на всю территорию страны; во-вторых, наличие самостоятельности субъектов федерации, т.е. независимость решений каждого субъекта от федерального центра в рамках полномочий на своей территории.

В теории сложились две концепции суверенитета, обосновывающие природу организации верховной власти, по-разному подходящие к вопросу конституционного строительства федеративных государств: концепция разделения суверенитета (предложена В. Лейбницем [26]) и концепция неделимости суверенитета (или централистская теория федерализма, предложена Г. Йеллинеком [27]). В соответствии с концепцией разделенного суверенитета территориальное правительство обладает правом территориальной власти в своих границах, признается самостоятельность территории внутри единого государства, но при выполнении обязательств перед центральным правительством и подчиненности ему верховная власть не ограничивает независимость и свободу входящей в федеративный союз территории в рамках заранее установленных вопросов и компетенций. Концепция неделимости суверенитета признает исключительный суверенитет федерального центра, а субъекты федерации являются «несуверенными членами федерации» [28].

Независимо от придерживаемых взглядов относительно территориальной суверенности субъектов их представители отмечают обладание регионов властью, что влечет за собой разграничение властных полномочий и выстраивание системы взаимоотношений между центром и субъектами на основе властной иерархии. Современное развитие понимания признака территориального суверенитета отражается в расширении границ самостоятельности регионов и усилении их независимости (политической, управленческой, финансовой) от федеральной власти.

Анализ работ второй группы позволил автору выделить экономические принципы функционирования федеративных отношений.

Принцип самостоятельности субъектов федерации в принятии экономических решений по региональному развитию автором выделен на основе разработок У. Оутса по «лабораторному федерализму» [29; 30], взгляды которого формируют общую платформу теоретических и прикладных положений с позиций экономики мезоуровня. У. Оутс связывает перспективы децентрализованных решений в федеративном государстве с самостоятельной разработкой и апробацией отдельных пилотных проектов на региональном уровне и их масштабированием в случае эффективности, т.е. распространением на другие регионы. В силу возникающей проблемы внешних эффектов складывается двойственная ситуация: с одной стороны, у региона-новатора появляются выгоды в виде конкурентных преимуществ за счет внедренных инноваций,

с другой — остается неясным, сохраняют ли регионы достаточные стимулы для проведения «экспериментов» без указания федерального центра.

Необходимость *рыночного саморегулирования* сформулирована как принцип экономического федерализма, исходя из теоретических положений модели «федерализма, сохраняющего рынок» [31]. В федеративных отношениях возникает задача стимулирования конкуренции между регионами за привлечение ресурсов, которая должна побуждать территориальные власти к разработке мер по повышению конкурентоспособности экономики и стимулировать снижение межрегиональных экономических барьеров путем обеспечения мобильного передвижения товаров и факторов производства между территориями страны. В данной модели федерализм становится «гарантом рынка» путем ограничения избыточного вмешательства государственной власти в рыночную экономику [32] и наделения субфедеральных органов власти приоритетными полномочиями по регулированию экономики в границах своих территорий [33].

Разработчики модели «федерализма, сохраняющего рынок», сформулировали фундаментальную дилемму: «с одной стороны, федеральный центр должен быть достаточно сильным, чтобы обеспечить государственную независимость, построить и защитить рынки, гарантируя защиту прав собственности и обеспечивать соблюдение обязательств» [32]. С другой стороны, субфедеральные правительства должны обладать достаточной автономией для использования налогово-бюджетных механизмов и прочих инструментов межрегиональной конкуренции для привлечения в регионы инвестиций и рабочей силы с целью содействия экономическому росту.

В условиях действия рыночного механизма система федерализма не сводится исключительно к перераспределительным отношениям между федеральным центром и территориями, а формирует условия для свободных хозяйственных отношений на территории региона и результативного межрегионального обмена. Из этих положений вытекает следующий экономический принцип — *саморазвитие территорий посредством регулирования федеративных отношений*. Суть данного принципа состоит в разграничении собственности и экономических ресурсов между органами федеральной и региональной власти, позволяющем каждому участнику выполнять в полном объеме закрепленные за соответствующим уровнем государственные функции, создавать и использовать предпосылки и условия для обеспечения расширенного воспроизводства ВРП за счет собственных ресурсных возможностей и доходных источников, активизации использования внутренних ресурсов территорий [34], препятствия развитию негативных тенденций в рамках отдельных отраслей и территорий [35].

Принцип саморазвития территорий, по нашему мнению, лежит в основе переориентирования федеративных отношений с механизма выравнивания на основе универсального подхода к регионам на механизм территориального ориентирования с учетом асимметричности, неэквивалентности, специализации регионов путем совершенствования

действующих институтов и инструментов государственного регулирования (использование не одной универсальной, а нескольких различных моделей федеративных отношений; локализация государственных программ, территориальное фокусирование федеральных институтов развития). Учитывая, что саморазвитие территорий влечет за собой не только внутрорегиональное развитие, но и достижение макроэкономических целей, ответственность за него должна возлагаться как на региональные власти, так и на федеральный центр.

Результаты исследования

Государство как выразитель федеративных отношений объективно предполагает сложную структуру, организацию, иерархию функций, разграничение полномочий и ресурсов, что позволяет использовать общепринятый термин «сектор государственного управления»¹.

Рассмотренные выше позитивные научные положения сформировали авторское видение *двойственности субъектной сущности* (статуса) *государства* как носителя федеративных отношений. С одной стороны, это *конструкт*, структурирующий и форматирующий территориально-государственное устройство, механизм управления и организации, задающий формальные условия воспроизводства субъектов федеративного государства на основе владения властными полномочиями. С другой стороны, государство выступает как *актор*, один из участников экономического кругооборота и процесса воспроизводства валового регионального продукта на основе ресурсов государственного сектора (см. рис. 1).

В статусе конструкта государство как определяющий субъект государственного управления обеспечивает существование федеративных отношений. Во-первых, оно выстраивает федеративные отношения с позиций территориального устройства сектора государственного управления и институциональных единиц (создание признанного суверенного государства, определение территориально-государственного устройства, определение и закрепление территориальных границ субъектов федерации, установление и закрепление государственных функций субъектов, установление соотношения приоритета власти федерального центра и субъектов в государственном управлении, контроль над всей территорией страны, создание стабильных и прочных государственных институтов с централизованным и децентрализованным автономным положением). Во-вторых, государство образует институ-

¹ Термин «сектор государственного управления» используется автором на основе Приказа Федеральной службы государственной статистики от 2 августа 2004 г. № 110 «Классификатор институциональных единиц сектора государственного управления», в соответствии с которым к сектору государственного управления относятся федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления и подведомственные им организации. В качестве синонима термина «сектор государственного управления» в научной литературе используется термин «бюджетный сектор». Автор, применяя данный термин, подчеркивает, что объект анализа ограничен лишь частью активов государства (бюджетными ресурсами); государственное имущество в качестве объекта анализа не рассматривается.

циональную основу (нормы, правила взаимодействия, регламенты взаимоотношений) и формирует организационно-управленческий механизм федеративных отношений в рамках территориально-государственного устройства (создание и поддержание стабильной иерархической системы органов государственной власти на федеральном, региональном и местном уровнях, разработка и закрепление институтов разграничения ресурсов, полномочий, обязательств, сфер ответственности, обеспечение функционирования норм, правил и регламента, определяющего порядок взаимоотношений органов власти между собой по поводу решения всего перечня государственных функций).

Рис 1. Двойственность субъектной сущности государства в системе экономического федерализма

Источник: составлено автором.

В статусе актора государство действует в системе экономического федерализма в роли сектора рыночной экономики. Оно выполняет специфическую функцию регулятора региональной экономики, в силу своей особой роли совершает действия, направленные на экономическое поведение других участников, участвует во взаимодействии и регулировании системы экономических отношений: разрабатывает и внедряет совокупность принципов, методов и инструментов воздействия на воспроизводство общественного продукта, создает систему прямого государственного регулирования социально-экономического развития территорий и косвенного регулирующего воздействия федерального центра на территориальное развитие через систему государственных расходов и трансфертов.

Наряду с другими секторами (предпринимательским и сектором домашних хозяйств), государство выполняет функцию отдельного самостоятельного участника рынка и одного из участников экономического кругооборота и воспроизводства ВРП в качестве производителя товаров и услуг, которые недостаточно эффективно производятся частным сектором экономики, преимущественно для удовлетворения запросов потребителей в общественных благах, тем самым обеспечивая предложение совокупного продукта как в рыночном, так и нерыночном секторах экономики. То есть государство реализует свои обязательства путем использования рыночных механизмов. Для производства благ государство, подобно другим хозяйствующим субъектам, предъявляет спрос на экономические ресурсы в рыночной среде, потребляя часть совокупного выпуска.

Выполнение государством роли актора влечет за собой новый взгляд на состав участников системы экономического федерализма, которыми, помимо традиционных участников — федерального центра, субъектов федерации и муниципальных образований, становятся и другие территориальные образования различного типа, не имеющие государственного политического статуса, но реализующие широкий спектр экономических функций, — агломерации, ассоциации экономического взаимодействия, кластеры, федеральные территории, территории с особым статусом, в т.ч. свободные экономические зоны, территории опережающего развития, закрытые территориальные образования и др.

Заключение

Предложенный авторский взгляд на статус государства в федеративных отношениях, заключающийся в двойственной роли государственно-го сектора управления, позволяет рассматривать государство не только с традиционной позиции организующей, выстраивающей, определяющей роли (роли конструктора), но и в качестве актора — активного сектора экономики, взаимодействующего с другими участниками рынка, тем самым формируя теоретический фундамент для анализа системы экономического федерализма через призму рыночного вектора экономики.

Для выполнения государством своих функций в системе экономического федерализма необходимо сочетание двух его ролей, согласованное взаимодействие создающего, образующего и рыночного статусов, что способствует усилению их взаимного действия. Формирование теоретической модели экономического федерализма на основе двойственной сущности государства позволяет подчеркнуть, что система экономического федерализма не ограничена пределами органов государственной власти, но и включает цели региональной экономики в систему ориентиров федерации, устанавливает связь федеративного и рыночного механизмов, оптимальное соотношение государственного и рыночного регулирования региональной экономики, определяет необходимость взаимоограничений и консенсуса регионов на горизонтальном уровне.

Список литературы

1. *Milbradt G.* Federalism and the COVID-19 Crisis: A Perspective from Germany // Forum of Federation. The Global of Network of Federalism and Devolve Governance. URL: <http://www.forumfed.org/wp-content/uploads/2020/04/GermanyCOVID.pdf>
2. *Hachard T.* It Takes Three: Making Space for Cities in Canadian Federalism // IMPG Perspectives. 2020. No. 31. URL: https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/103012/3/IMFG_%20No.31%20Perspectives_Hachard_Nov2020.pdf
3. *Cigler B.* Fighting COVID-19 in the United States with Federalism and Other Constitutional and Statutory Authority // The Journal of Federalism. 2021. Vol. 51. Issue 4. P. 673–692. DOI: <https://doi.org/10.1093/publius/pjab021>.
4. *Uhlmann F., Ammann O.* Switzerland and the COVID-19 Pandemic: A Look Back and a Look Into the Future // Verfassungsblog. 2021/3/01. URL: <https://verfassungsblog.de/switzerland-and-the-covid-19-pandemic-a-look-back-and-a-look-into-the-future/>. DOI: 10.17176/20210301-154022-0.
5. *Kettiger D., Lienhard A.* Swiss Courts Facing the Challenges of COVID-19 // International Journal for Court Administration. 2021. No. 12 (2). P. 5. DOI: <http://doi.org/10.36745/ijca.380>
6. *Martin J.C., Roman C.* The Effects of COVID-19 on EU Federalism // Eastern Journal of European Studies. 2021. Vol. 12, Special Issue. P. 126. DOI: 10.47743/ejes-2021-SI06
7. *Зубаревич Н.В.* Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // Региональные исследования. 2021. № 1 (71). С. 46–57.
8. *Sajic N.* Federal Institutional Design and the COVID-19 Crisis Management in Bosnia and Herzegovina // Federalism and the Response to COVID-19: A Comparative Analysis (1st ed.). Routledge India. P. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003251217>
9. *Bohrn B.* Federalism in Crisis. U.S. and German Responses to the COVID-19 Pandemic // Bertelsmann Foundation (North America). 2021. 58 p. URL: <https://downloads.ctfassets.net/9vgcz0fppk13/2M9t4FrBedeziNbw0tMQzI/332937fceeabac87fb2b72e178797f59/federalism-in-crisis-v21-digital-opt.pdf>
10. *Масгрейв Р.А., Масгрейв П.Б.* Государственные финансы: теория и практика / пер. с 5-го англ. изд. [1989]. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
11. *Добрынин Н.М.* Современный российский федерализм в фокусе проблем обеспечения демократии, разделения властей и работоспособности административной вертикали // Государство и право. 2020. № 2. С. 25–36.
12. *Banting K.G.* The Three Federalisms: Social Policy and Intergovernmental Decision-Making. 2007. P. 137–160. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.571.3224&rep=rep1&type=pdf>
13. *Глигич-Золотарева М.В.* На пороге новой регионализации // Федерализм. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 165–186. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-165-186>
14. *Weingast B.R.* Second Generation Fiscal Federalism: The Implication of Fiscal Incentives // Journal of Urban Economics. 2009. Vol. 65. No. 3. P. 279–293.
15. *Alves R.H., Afonso O.* Fiscal Federalism in the European Union: How Far Are We? // Fiscal Policy in the European Union. Palgrave Macmillan, London / Eds.: J. Ferreira, G. Fontana, F. Serrano. 2008. P. 6–7. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230228269_2
16. *Boadway R., Shah A.* The Principles of Intergovernmental Transfers // Fiscal Federalism: Principles and Practice of Multiorder Governance. Cambridge University Press: Cambridge, 2009.

17. *Валентей С.Д.* Развитие отечественного федерализма не по спирали (к читателям) // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-5-14>
18. *Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А.* Бюджетный федерализм в России: быть или не быть? // *Вопросы экономики*. 2021. № 1. С. 143–160.
19. *Бухвальд Е.М.* Конституционные изменения и новый этап развития российского федерализма // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 44–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-44-61>
20. *Швецов А.Н.* Российское пространство: исторические особенности обретения и основное противоречие его современной организации // *Федерализм*. 2020. Т. 25. № 3 (99). С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-3-5-18>
21. *Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н.* Территориальная фрагментация единого правового пространства России // *Федерализм*. 2018. № 1 (89). С. 173–190.
22. *Young E.A.* Dual Federalism, Concurrent Jurisdiction, and the Foreign Affairs Exception // *The George Washington Law Review*. 2001. Vol. 69. No. 2. P. 139–188. URL: <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1590&context=articles>
23. *Scherr A.* John Taylor of Caroline: Pamphlets and the Press in the 1790s *American Periodicals* // *A Journal of History & Criticism*. 2017. Vol. 27. № 1. P. 53–72.
24. *Hays B. D.* A Place for Interposition? What John Taylor of Caroline and the Embargo Crisis Have to Offer Regarding Resistance to the Bush Constitution // *Maryland Law Review*. 2007. Vol. 67. Issue 1. P. 200–221. URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mlr/vol67/iss1/14>
25. *Connor Maxwell T.* The politics of Sovereignty Federalism in American Political Development. 2016. 277 p. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/47229/EWING-DISSERTATION-2016.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
26. *Bashkina O.* Limits of Sovereignty in Leibniz' Political Philosophy // *Ethical Perspectives*. 2019. Vol. 26. Issue 2. P. 183–200. DOI: 10.2143/EP.26.2.3286747
27. *Klatt M.* Law as Fact and Norm. Georg Jellinek and the Dual Nature of Law // *The Normative Force of the Factual. Legal Philosophy Between Is and Ought* / Eds.: N. B. Ladavac, Ch. Bezemek, F. Schauer. Springer, 2019. P. 45–64. DOI: 10.1007/978-3-030-18929-7_4
28. *Lepsius O.* Georg Jellinek's Theory of the Two Sides of the State («Zwei-Seiten-Lehre des Staates») // *The Normative Force of the Factual. Legal Philosophy Between Is and Ought* / Eds.: N. B. Ladavac, Ch. Bezemek, F. Schauer. Springer, 2019. P. 5–28.
29. *Oates W.E.* Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism // *International Tax and Public Finance*. 2005. No. 12 (4). P. 349–373. URL: https://www.researchgate.net/publication/5148276_Toward_A_Second-Generation_Theory_of_Fiscal_Federalism
30. *Ania A.B., Wagener A.* Laboratory Federalism with Public Funds Sharing // *Economic Inquiry*. 2021. Vol. 59 (3). P. 1047–1065. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/ecin.12971>
31. *Moberg L., Talko V.* Special Economic Zones and Liberalization Avalanches // *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*. 2021. Vol. 10. P. 120–139.
32. *Qian Y., Weingast B.R.* Federalism as a Commitment to Preserving Market Incentives // *Journal of Economic Perspectives*. 1997. Vol. 11. No. 4. P. 83–92. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.11.4.83>
33. *Wilson M.* Government Market Power and Public Goods Provision in a Federation // *International Tax and Public Finance*. 2021. Vol. 28 (1). No. 3. P. 68–89.
34. *Валентей С.Д.* Экономика федеративных отношений и региональная политика // *Пространственная экономика*. 2009. № 4. С. 7–22.

35. Бухвальд Е.М. «Саморазвитие» регионов как инструмент регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. 2018. № 2. С. 32–45.

References

1. Milbradt G. Federalism and the COVID-19 Crisis: A Perspective from Germany, *Forum of Federation. The Global of Network of Federalism and Devolve Governance*. Available at: <http://www.forumfed.org/wp-content/uploads/2020/04/GermanyCOVID.pdf>

2. Hachard T. It Takes Three: Making Space for Cities in Canadian Federalism, *IMPG Perspectives*, 2020, No. 31. Available at: https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/103012/3/IMFG_%20No.31%20Perspectives_Hachard_Nov2020.pdf

3. Cigler B. Fighting COVID-19 in the United States with Federalism and Other Constitutional and Statutory Authority, *The Journal of Federalism*, 2021, Vol. 51, Issue 4, pp. 673–692. DOI: <https://doi.org/10.1093/publius/pjab021>.

4. Uhlmann F., Ammann O. Switzerland and the COVID-19 Pandemic: A Look Back and a Look Into the Future, *Verfassungsblog*, 2021/3/01. Available at: <https://verfassungsblog.de/switzerland-and-the-covid-19-pandemic-a-look-back-and-a-look-into-the-future/>. DOI: 10.17176/20210301-154022-0.

5. Kettiger D., Lienhard A. Swiss Courts Facing the Challenges of COVID-19, *International Journal for Court Administration*, 2021, No. 12 (2), p. 5. DOI: <http://doi.org/10.36745/ijca.380>

6. Martin J.C., Roman C. The Effects of COVID-19 on EU Federalism, *Eastern Journal of European Studies*, 2021, Vol. 12, Special Issue, p. 126. DOI: 10.47743/ejes-2021-SI06

7. Zubarevich N.V. Vozmozhnosti detsentralizatsii v god pandemii: chto pokazyvaet biudzhetniy analiz? [Opportunities for Decentralization in a Pandemic Year: What Does the Budget Analysis Show?], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Studies], 2021, No. 1 (71), pp. 46–57. (In Russ.).

8. Sajic N. Federal Institutional Design and the COVID-19 Crisis Management in Bosnia and Herzegovina, *Federalism and the Response to COVID-19: A Comparative Analysis (1st ed.)*. Routledge India, pp. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003251217>

9. Bohrn B. Federalism in Crisis. U.S. and German Responses to the COVID-19 Pandemic, *Bertelsmann Foundation (North America)*, 2021, 58 p. Available at: <https://downloads.ctfassets.net/9vgcz0fppk13/2M9t4FrBedeziNbw0tMQzI/332937fcee6ac87fb2b72e178797f59/federalism-in-crisis-v21-digital-opt.pdf>

10. Masgreiv R.A., Masgreiv P.B. Gosudarstvennye finansy: teoriia i praktika [Public Finance: Theory and Practice], translated from the 5th English ed. [1989], Moscow, Biznes Atlas, 2009, 716 p. (In Russ.).

11. Dobrynin N.M. Sovremennyyi rossiiskii federalizm v fokuse problem obespecheniia demokratii, razdeleniia vlastei i rabotosposobnosti administrativnoi vertikalii [Modern Russian Federalism Focuses on the Problems of Ensuring Democracy, Separation of Powers and the Efficiency of the Administrative Vertical], *Gosudarstvo i parvo* [State and Law], 2020, No. 2, pp. 25–36. (In Russ.).

12. Banting K.G. The Three Federalisms: Social Policy and Intergovernmental Decision-Making, 2007, pp. 137–160. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.571.3224&rep=rep1&type=pdf>

13. Gligich-Zolotareva M.V. Na poroge novoi regionalizatsii [On the Threshold of a New Regionalization], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 1 (101), pp. 165–186. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-165-186>. (In Russ.).

14. Weingast B.R. Second Generation Fiscal Federalism: The Implication of Fiscal Incentives, *Journal of Urban Economics*, 2009, Vol. 65, No. 3, pp. 279–293.
15. Alves R.H., Afonso O. Fiscal Federalism in the European Union: How Far Are We? *Fiscal Policy in the European Union. Palgrave Macmillan*, edited by J. Ferreira, G. Fontana, F. Serrano, London, 2008, pp. 6–7. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230228269_2
16. Boadway R., Shah A. The Principles of Intergovernmental Transfers, *Fiscal Federalism: Principles and Practice of Multiorder Governance*, Cambridge University Press, Cambridge, 2009.
17. Valentei S.D. Razvitie otechestvennogo federalizma ne po spirali (k chitate-liam) [The Development of Domestic Federalism Does Not Spiral (to the Readers)], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 1 (101), pp. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-5-14>. (In Russ.).
18. Lavrovskii B.L., Goriushkina E.A. Biudzhetni federalizm v Rossii: byt' ili ne byt'? [Budgetary Federalism in Russia: to Be or Not to Be?], *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2021, No. 1, pp. 143–160. (In Russ.).
19. Bukhval'd E.M. Konstitutsionnye izmeneniia i novyi etap razvitiia rossiiskogo federalizma [Constitutional Changes and a New Stage in the Development of Russian Federalism], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 1 (101), pp. 44–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-44-61>. (In Russ.).
20. Shvetsov A.N. Rossiiskoe prostranstvo: istoricheskie osobennosti obreteniia i osnovnoe protivorechie ego sovremennoi organizatsii [The Russian Space: Historical Features of Its Acquisition and the Main Contradiction of Its Modern Organization], *Federalizm* [Federalism], 2020, Vol. 25, No. 3 (99), pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-3-5-18>. (In Russ.).
21. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Territorial'naia fragmentatsiia edinogo pravovogo prostranstva Rossii [Territorial Fragmentation of the Unified Legal Space of Russia], *Federalizm* [Federalism], 2018, No. 1 (89), pp. 173–190. (In Russ.).
22. Young E.A. Dual Federalism, Concurrent Jurisdiction, and the Foreign Affairs Exception, *The George Washington Law Review*, 2001, Vol. 69, No. 2, pp. 139–188. Available at: <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1590&context=articles>
23. Scherr A. John Taylor of Caroline: Pamphlets and the Press in the 1790s American Periodicals, *A Journal of History & Criticism*, 2017, Vol. 27, No. 1, pp. 53–72.
24. Hays B. D. A Place for Interposition? What John Taylor of Caroline and the Embargo Crisis Have to Offer Regarding Resistance to the Bush Constitution, *Maryland Law Review*, 2007, Vol. 67, Issue 1, P. 200–221. Available at: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mlr/vol67/iss1/14>
25. Connor Maxwell T. The Politics of Sovereignty Federalism in American Political Development, 2016, 277 p. Available at: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/47229/EWING-DISSERTATION-2016.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
26. Bashkina O. Limits of Sovereignty in Leibniz' Political Philosophy, *Ethical Perspectives*, 2019, Vol. 26, Issue 2, pp. 183–200. DOI: 10.2143/EP.26.2.3286747
27. Klatt M. Law as Fact and Norm. Georg Jellinek and the Dual Nature of Law, *The Normative Force of the Factual. Legal Philosophy Between Is and Ought*, edited by N. B. Ladavac, Ch. Bezemek, F. Schauer, Springer, 2019, pp. 45–64. DOI: 10.1007/978-3-030-18929-7_4
28. Lepsius O. Georg Jellinek's Theory of the Two Sides of the State («Zwei-Seiten-Lehre des Staates»), *The Normative Force of the Factual. Legal Philosophy Between Is and Ought*, edited by N. B. Ladavac, Ch. Bezemek, F. Schauer, Springer, 2019, pp. 5–28.
29. Oates W.E. Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism, *International Tax and Public Finance*, 2005, No. 12 (4), pp. 349–373. Available at:

https://www.researchgate.net/publication/5148276_Toward_A_Second-Generation_Theory_of_Fiscal_Federalism

30. Ania A.B., Wagener A. Laboratory federalism with public funds sharing, *Economic Inquiry*, 2021, Vol. 59 (3), pp. 1047–1065. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/ecin.12971>

31. Moberg L., Talko V. Special Economic Zones and Liberalization Avalanches, *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*, 2021, Vol. 10, pp. 120–139.

32. Qian Y., Weingast B.R. Federalism as a Commitment to Preserving Market Incentives, *Journal of Economic Perspectives*, 1997, Vol. 11, No. 4, pp. 83–92. Available at: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.11.4.83>

33. Wilson M. Government Market Power and Public Goods Provision in a Federation, *International Tax and Public Finance*, 2021, Vol. 28 (1), No. 3, pp. 68–89.

34. Valentei S.D. Ekonomika federativnykh otnoshenii i regional'naya politika [Economy of Federal Relations and Regional Policy], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2009, No. 4, pp. 7–22. (In Russ.).

35. Bukhval'd E.M. «Samorazvitiye» regionov kak instrument regulirovaniia prostranstvennoi struktury rossiiskoi ekonomiki [«Self-Development» of Regions as a Tool for Regulating the Spatial Structure of the Russian Economy], *Federalizm* [Federalism], 2018, No. 2, pp. 32–45. (In Russ.).

FORMATION OF THE ECONOMIC FEDERALISM THEORETICAL MODEL BASED ON THE DUAL STATE NATURE

The complexity of the economic aspects of federal relations and the multidimensional nature of management tasks predetermines the need to comprehend the essence of the system of federalism. Therefore, the purpose of this study is to substantiate a model that, on the one hand, considers federalism as the concept of the creation and functioning of the state system and as a way of managing the economy of the federal state on the other. Application of an evolutionary methodological approach allowed the author to divide the fundamental theories of federalism into two groups: the one examines federalism as a power paradigm, focuses on the federal principles of building a state, political and legal status. The other examines federalism as a mechanism for coordinating the economic interests of its participants from the position of providing resources for fulfilling the assigned state functions at each level of the federal structure. The first group of fundamental works allows us to single out the essential features of federal relations. The second group of works made it possible to determine the economic principles of the functioning of federalism relations. Based on the highlighted features and principles of economic relations of federalism the article presents the author's view of the dual subject essence of the state. Firstly, as a carrier of federal relations as a construct that structures and formats the territorial-state structure, as a mechanism of management and organization that sets the formal conditions for the reproduction of the subjects of the federal state based on the possession of power. Secondly, as an actor, one of the participants in the economic cycle of reproduction of the gross regional product based on the resources of the public sector. The proposed binary representation of the state allows us to show not only its creating role in the system of economic federalism, but also includes the goals of the regional economy in the federal system.

Keywords: federal relations economy, economic federalism, public administration sector, public administration construct, market economy actor.

JEL: H11, H40, R58

Дата поступления – 17.12.2021 г.

КОРОТИНА Наталья Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета;

Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» / ул. Комарова, д. 26, г. Челябинск, 454077.

e-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

КОРОТИНА Natalya Yu.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Accounting;

Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration / 26, Komarova St., Chelyabinsk, 454077.

e-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

Для цитирования:

Коротина Н.Ю. Формирование теоретической модели экономического федерализма на основе двойственной сущности государства // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 75–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-75-88>

Г.И. ЧУФРИН

ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРАЗИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Предлагаемая статья посвящена анализу участия новых постсоветских государств Евразии в международных экономических отношениях, текущих задач и стратегических целей этой политики в хозяйственном развитии этих государств. Многие, а по существу большинство из них, фактически оказались не готовы после достижения политического суверенитета к решению комплексных хозяйственных задач национального развития, ибо не имели не только организационного опыта в осуществлении самостоятельной и эффективной хозяйственной политики, но и необходимого для этих целей кадрового, технологического и финансового обеспечения. Поэтому новые независимые государства Евразии были вынуждены обратиться к зарубежным странам для нахождения адекватных форм и методов взаимодействия с ними по этой проблематике. В этой связи в статье рассматривается характер взаимоотношений постсоветских государств с важнейшими зарубежными партнерами на двусторонней основе и на многосторонней основе с международными экономическими организациями, а также характер сравнительной роли в этих связях политических и экономических факторов. Одни из постсоветских стран стали принимать участие в реализации евразийского интеграционного проекта, возглавляемого Россией, другие стремятся обеспечить решение своих внешнеполитических и внешнеэкономических задач, прибегая к приоритетному укреплению связей с США и Евросоюзом, третьи видят выход в активизации ориентации преимущественно на ближайших региональных партнеров (таких как Китай, Турция, Иран). Впрочем, ни одно из этих направлений внешнеэкономической деятельности не стало доминирующим на постсоветском пространстве, более того, отдельные их элементы могли получать приоритетное значение, соседствуя с другими или даже сменяя их в различные периоды развития тех или иных постсоветских стран. При этом, спустя три десятилетия после своего образования, новые суверенные государства Евразии, пережив сложные процессы формирования национальной государственности, стали существенно отличаться друг от друга и по характеру своих политических систем, и по уровню экономического развития, а главное, по своим стратегическим целям, стремлениям и ориентациям. Это, в свою очередь, обусловило серьезные сдвиги в их подходах к выстраиванию отношений

со своими внешними партнерами как в двустороннем, так и многостороннем форматах. В этих условиях важнейшим национальным приоритетом России является проведение такого внешнеполитического курса на постсоветском пространстве, который бы максимально гибко и своевременно реагировал на идущие здесь социальные, экономические и политические процессы, подчеркивая при этом, что важнейшими задачами такой политики являются не внешнеполитическая экспансия и не установление великодержавной гегемонии, а развитие партнерских и дружественных связей с постсоветскими странами на основе равноправия и взаимной выгоды.

Ключевые слова: сценарии развития, международная торговля, инвестиционный климат, ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, Восточное партнерство.

JEL: F02, F13

Рассмотрение места и роли постсоветских государств Евразии в глобальной экономике, становления их хозяйственных связей с зарубежными партнерами из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также оценка достигнутых результатов этих связей и дальнейшие перспективы их развития относятся к числу важных проблем современных международных экономических отношений. Следует подчеркнуть, что при этом развитию хозяйственных связей с Россией большинство постсоветских государств по-прежнему уделяет важную (нередко – центральную) роль, что обусловлено широким комплексом причин политического, экономического, исторического, демографического и военно-политического характера и тем самым отвечает коренным национальным интересам самих этих государств.

В свою очередь это объясняется длительным – в ряде случаев многовековым – сосуществованием с Россией ныне новых суверенных стран Евразии в рамках единого многонационального государства. Сложившиеся в этот период культурно-цивилизационные, языковые, семейные отношения не могли бесследно исчезнуть с распадом СССР и продолжают существовать, свидетельствуя о сохранении, хотя и в измененном виде, исторических связей народов некогда единого государства в условиях формирующейся субъектности постсоветских стран и оказывая как косвенное, так зачастую и самое прямое влияние на многие аспекты их внутренней и внешней политики.

Серьезные импульсы, стимулирующие регенерацию, развитие, а также углубление разнообразных хозяйственных связей и контактов между новыми суверенными государствами Евразии и Россией (в первую очередь в сопредельных приграничных зонах и районах, но не только) создаются в результате идущего процесса евразийской экономической интеграции, несомненным лидером которой выступает Россия. Осуществление многостороннего хозяйственного сотрудничества и интеграционных связей на постсоветском пространстве стимулируется стремлением новых суверенных стран использовать межгосударственную кооперацию для реше-

ния неотложных проблем своего социально-экономического развития, в т.ч. проведения реиндустриализации и модернизации национального производства, достижения существенного роста качества образования и здравоохранения населения. Не удивительно поэтому, что несмотря на значительные трудности, переживаемые в последнее время странами – членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), продолжается их активное участие в создании единого рынка товаров, услуг, труда, инвестиций и т.п.

В свою очередь постсоветские государства, несомненно, входят в зону жизненно важных национальных интересов Российской Федерации, занимая в ней видное место. В экономическом отношении высокая значимость этих государств для России определяется тем, что здесь находятся богатейшие природные ресурсы, включая месторождения нефти и природного газа, урановых руд, цветных и редких металлов, доступ к которым необходим для обеспечения долгосрочного и устойчивого развития российской экономики.

Весьма важным фактором является также развитие многостороннего сотрудничества с этими государствами в интересах обеспечения взаимной военно-политической безопасности, в т.ч. в целях эффективного противостояния угрозам международного терроризма и наркоторговли, особенно на афганском направлении.

Необходимость минимизации и последующего преодоления последствий многочисленных кризисных явлений финансово-экономического характера, наблюдаемых в современном мировом хозяйстве и негативно влияющих на социально-экономическое состояние как новых суверенных государств Евразии, так и России, не только подтверждает их взаимную заинтересованность в продолжении такого сотрудничества, но и вызывает настоятельную необходимость поиска и внедрения наиболее эффективных его форм.

Изучая текущее состояние и дальнейшие перспективы межгосударственного сотрудничества постсоветских стран с Россией, а также повышение его эффективности, следует подчеркнуть не только происходящую эволюцию и совершенствование их традиционных связей, но и развитие принципиально новых форм их взаимодействия в рамках ЕАЭС и ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности).

Вместе с тем на пути к реализации целей межгосударственного сотрудничества новых суверенных государств Евразии и России существует и немало препятствий, причем нередко труднопреодолимых. Среди важнейших из них, тормозящих либо подрывающих принятие рациональных решений во взаимных интересах, – большой разрыв в уровнях экономического развития многих постсоветских стран; резкий контраст между ресурсным потенциалом отдельных таких государств и нехваткой у них квалифицированных кадров, финансовых и технологических возможностей для социально-экономического подъема; существование, а порой и неприкрытое поощрение местными и за-

рубежными силами элементов русофобии во внутренней и внешней политике этих стран.

Политические и социально-экономические процессы в бывших советских республиках, носившие крайне сложный и противоречивый характер еще накануне распада Советского Союза, сохранили свое нестабильное состояние и в постсоветский период ввиду целого комплекса причин как сугубо текущего, конъюнктурного, так и фундаментального характера. Важная роль последних обусловлена типичным для многих, если не для абсолютного большинства постсоветских государств Евразии, глубоким противостоянием в расстановке местных политических сил, ставших следствием усиления социального недовольства в обществе и роста требований скорейшего решения целого ряда неотложных задач внутренней и внешней политики.

Во-первых, к их числу относятся требования социально-экономического характера, связанные с созданием условий для ускорения экономического развития, обеспечения технологического прогресса, решения проблем трудовой занятости населения, сокращения безработицы, существенного улучшения систем здравоохранения и пенсионного обеспечения, образования и т.д.

Во-вторых, активно ставятся задачи обеспечения условий равноправного и взаимовыгодного участия в системе международных политических и экономических отношений, включая развитие регионального и субрегионального сотрудничества между самими постсоветскими странами, а также скорейшее урегулирование существующих между ними политических и экономических конфликтов и противоречий (в т.ч. пограничных, водных, энергетических, торговых).

В-третьих, формулируется необходимость налаживания действительно межгосударственного сотрудничества по борьбе с широким спектром общих угроз национальной и региональной безопасности: от борьбы с производством и торговлей наркотиками, незаконной торговлей оружием до налаживания скоординированного противодействия контрабанде товарами и крупным финансовым преступлениям, а также ведения последовательной и неослабевающей борьбы с проявлениями религиозного экстремизма и радикальными группировками террористического характера.

Соответственно, от того, насколько правящие элиты новых суверенных государств Евразии способны дать эффективные ответы на эти вызовы и требования, напрямую зависит последующий ход политических, социальных и экономических процессов в этих странах, их нормализация и последующее конструктивное развитие, либо дальнейшее обострение внутренних противоречий и ухудшение международной обстановки на постсоветском пространстве.

Обращаясь в этой связи непосредственно к внешнеэкономической стороне жизнедеятельности постсоветских стран, следует подчеркнуть, что ее важной характеристикой стали активный поиск и участие в различного рода региональных и субрегиональных организациях экономического сотрудничества.

Значимость этого процесса объясняется тем, что, обретя политический суверенитет и заявив о своем стремлении к проведению в жизнь комплексных национальных планов и программ стратегического характера, направляемых на достижение устойчивого роста основных социально-экономических показателей и улучшение качества жизни населения, многие, а по существу большинство постсоветских стран оказались к этому фактически не готовы. Ибо они не имели не только организационного опыта в осуществлении самостоятельной и эффективной хозяйственной политики, но и необходимого для этих целей кадрового, технологического и финансового обеспечения, а зачастую также достаточных собственных продовольственных, минеральных, энергетических, водных и иных природных ресурсов.

Поэтому уже вскоре после провозглашения национальных суверенитетов новые независимые государства Евразии обратились к нахождению адекватных форм и методов сотрудничества с зарубежными странами на двусторонней и многосторонней основах. К настоящему времени в многостороннем варианте этот процесс наряду с прямым членством постсоветских стран в соответствующих международных экономических организациях, крупнейшей из которых на постсоветском пространстве, несомненно, является ЕАЭС, выражается и в иных формах взаимодействия с ними, в т.ч. с тем же ЕАЭС, а также с китайским проектом «Один пояс – один путь» или с Европейским союзом.

Вновь подчеркнем, что становление и развитие многостороннего экономического сотрудничества постсоветских стран происходит при этом в весьма сложных политических и экономических условиях, и его участникам приходится преодолевать многочисленные трудности как внутреннего, так и внешнего характера, что существенно снижает эффективность получаемых результатов.

Поэтому к числу важных особенностей анализируемого явления относится то, что нередко те или иные постсоветские страны не ограничиваются участием в какой-то одной из международных экономических организаций, но стремятся параллельно сотрудничать и с другими, обосновывая свои действия принципами многовекторности и стараясь извлечь дополнительные выгоды от такой политики в отношениях со своими партнерами, организаторами и спонсорами.

Третьи страны на постсоветском пространстве

Анализу состояния и перспектив межгосударственных политических и экономических связей с новыми государствами на территории бывшего СССР, сравнительно недавно вышедшими на международную арену, уделяется в последние годы все больше внимания в различных странах мира, в т.ч. в США, странах Евросоюза, Китае, Японии, Турции, Индии, Пакистане.

Обращает на себя внимание при этом то, что зарубежными исследователями в официальных ведомствах и ведущих научно-иссле-

тельских центрах этих стран наряду с изучением как уже сложившихся внешних связей постсоветских государств, так и их формирующихся отношений с третьими странами активно разрабатываются научно-практические концепции переустройства, переформатирования этих связей и одновременно формирования качественно новых международных отношений политического и экономического характера с основными глобальными центрами силы. В этой связи уместно упомянуть концепции «Большой Центральной Азии» и «Восточного партнерства», ставшие частью официальной политики США и Евросоюза на постсоветском пространстве.

Из числа внешних партнеров новых суверенных государств Евразии серьезное воздействие на положение дел на постсоветском пространстве — и в экономике, и в политике — вполне предсказуемо стремятся оказывать сопредельные страны, такие как Китай или Иран. Как следствие, их действия, направляемые на обеспечение собственных национальных интересов, одновременно являются важным фактором формирования региональной деловой среды в этой части Евразии, влияющей, так или иначе, на хозяйственную (в т.ч. внешнеэкономическую) политику и практику постсоветских государств.

Нескрываемый интерес к установлению и развитию межгосударственных отношений с постсоветскими странами проявляют и дальние внерегиональные государства, которые в свою очередь можно подразделить на два основных типа. К первому относятся те, которые преследуют на постсоветском пространстве в основном экономические интересы (к их числу относятся Япония, Южная Корея, Индия, Пакистан); ко второму — США и члены Евросоюза, у которых экономические интересы тесно переплетаются с политическими, причем в случае с США политические и военно-стратегические интересы и цели зачастую превалируют над экономическими.

Поэтому серьезного внимания заслуживает выявление реального баланса национальных интересов постсоветских государств и третьих стран в условиях резко обострившейся конкуренции со стороны последних, ведущих борьбу за укрепление собственных позиций в борьбе за постсоветское наследство.

Отношения с США на постсоветском пространстве

В первую очередь важно отметить в этой связи отношения новых суверенных государств Евразии с США, лидерами западного мира, которые совместно со своими союзниками по НАТО стремятся проводить наступательную, а зачастую откровенно агрессивную политику на постсоветском пространстве.

Характерной ее особенностью является то, что США не только не считаются с интересами, имеющимися здесь у России, но и намеренно входят в прямое столкновение с ними. Проведение такой политики в жизнь осуществлялось после распада Советского Союза по существу,

хотя и с разной степенью интенсивности на отдельных исторических этапах, всеми администрациями США, будь то демократические или республиканские, демонстрирующими тем самым антироссийский консенсус между различными группами американской правящей элиты по важнейшим проблемам глобальных и региональных отношений с Москвой.

Что же касается отношений с новыми независимыми государствами Евразии, то в первые годы после их образования в числе внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов со стороны США наблюдалось стремление получить доступ к местным месторождениям природных ресурсов, в первую очередь к месторождениям нефти и природного газа в странах Каспийского региона (Казахстане, Азербайджане, Туркмении и Узбекистане) в целях обеспечения американских энергетических интересов.

Впрочем, по мере более углубленной оценки размеров местных извлекаемых энергетических ресурсов и их роли в глобальном контексте, стоимости их извлечения в условиях волатильности мировых цен на нефть и газ, растущих ограничений прохождения танкеров через турецкие черноморские проливы и рисков транспортировки нефти и газа по трубопроводам через политически нестабильные районы Южного Кавказа, а также проблем с согласованием правового режима эксплуатации Каспийского моря между прибрежными государствами, уровень интенсивности американской энергетической политики в Каспийском регионе стал заметно снижаться.

Это не означало, однако, что США отказываются влиять на развитие энергетического сектора экономики постсоветских стран в своих интересах, стремясь, в частности, максимально ослабить в этом секторе позиции России и оказывая в этих целях поддержку транскаспийским проектам транспортировки местных энергоресурсов на мировой рынок в обход России.

При этом одновременно на передний план американской политики на постсоветском пространстве стали все активнее выходить задачи достижения здесь политических, а также сугубо военно-политических целей. Объяснялось это тем, что, по оценкам американского Конгресса и Государственного департамента, на постсоветском пространстве складывалась ситуация, дающая США историческую возможность утвердить свое политическое и военное присутствие в странах этого региона, длительное время закрытых для Запада.

Не удивительно поэтому, что США начали проводить соответствующую политику на постсоветском пространстве, заметно активизировавшуюся со второй половины 1990-х гг.

Об этом убедительно свидетельствуют их действия в Центральной Азии, где, по признанию авторитетного американского военного аналитика Стивена Бланка, тесно связанного с Пентагоном, «после того, как местные страны стали независимыми, американские экономические, политические и военные интересы постоянно возрастали. До 1994 г. эти

интересы сводились только к экономическим и политическим; о военных не было и речи. Однако затем все изменилось. США стали использовать все имеющиеся у них рычаги, для того чтобы стать важным игроком в Центральной Азии, да и на всей территории Содружества Независимых Государств» [1, с. 127].

При этом США постарались использовать мощный заряд недовольства широких слоев населения в Центральной Азии условиями своей жизни для замены существующих правящих режимов на откровенно прозападные под лозунгами развития демократии. В этих целях в действие были приведены хорошо отработанные в других регионах (в частности, в Восточной Европе) схемы и методы воздействия на общественное мнение через финансируемые западными фондами местные неправительственные организации (далее – НПО), пропагандистскую литературу, издаваемую на западные же средства, и прямую поддержку оппозиционных лидеров соответствующей политической направленности. Умело использовались Соединенными Штатами также иллюзии и просчеты стран Центральной Азии в проведении политики многовекторности.

Не случайно поэтому цветные революции в Центральной Азии начались там, где США/НАТО уже обладали определенными рычагами влияния, в частности в Узбекистане, прибегнув к политике многовекторности в начале 1990-х гг. в целях установления приемлемого для себя баланса в отношениях с основными партнерами на международной арене, лавируя между ними и одновременно преследуя собственные интересы на региональном уровне.

Наглядным проявлением этого курса стало маневрирование Ташкента между Россией и США. После установления дипломатических отношений с Вашингтоном в 1992 г. в течение последующего десятилетия он направлялся на сближение с США при одновременном дистанцировании от России. Таким образом официальный Ташкент рассчитывал создать выгодную для себя альтернативу российскому влиянию и привлечь в страну американские инвестиции и технологии для национального развития в условиях, когда Россия переживала тяжелейший экономический и финансовый кризис и ее возможности оказывать экономическую помощь зарубежным партнерам были ограничены.

Прямыми следствиями проведения этого курса стали поддержка Узбекистаном Соединенных Штатов в ООН, выход из Договора о коллективной безопасности в 1999 г., предоставление согласия на открытие американской военной базы в Ханабаде в 2001 г. и, наконец, подписание Декларации о стратегическом партнерстве с США в 2002 г.

Вместе с тем в Ташкенте явно недооценили геополитические риски такого внешнеполитического курса, которые проявились уже в конце 1990-х гг. с началом американского вмешательства во внутренние дела Узбекистана через сеть прозападных оппозиционных НПО.

Более того, когда в мае 2005 г. произошел вооруженный мятеж радикальных исламистов в Андижане, контртеррористические действия

узбекских властей были интерпретированы американской дипломатией и СМИ как подавление народных волнений и подвергнуты осуждению в резкой форме. Не удивительно, что такое развитие событий привело Узбекистан к кризису в отношениях с США и закрытию американской военной базы в Ханабаде в 2005 г. [2].

Неудачной оказалась попытка США сохранить свое военное присутствие в Киргизии, еще одной центральноазиатской стране. В 2001 г. после ввода вооруженных сил США/НАТО в Афганистан под лозунгами борьбы с международным терроризмом на территории аэропорта Манас вблизи Бишкека была создана авиабаза, которая использовалась американцами и их союзниками вплоть до 2009 г. как объект антитеррористической коалиции. В 2009 г. эта авиабаза была преобразована в Центр транзитных перевозок для авиарейсов ВВС США в Афганистан, но в середине 2014 г. по требованию киргизской стороны этот Центр был закрыт.

Немалую роль в его закрытии сыграло то, что он превратился в крупный американский военный объект на территории Киргизии, на котором были дислоцированы около 1,5 тыс. военнослужащих США и роль которого, по мнению киргизской общественности, вышла за рамки собственно антитеррористической борьбы в Афганистане и стала влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в самой Киргизии.

Впрочем, Соединенные Штаты и в последующем не отказались от надежд сохранить свое военное присутствие в постсоветской Центральной Азии. Очередная попытка в этом направлении была предпринята США после завершения в августе 2021 г. своей явно неудачной 20-летней вооруженной антитеррористической операции в Афганистане.

Спекулируя на опасениях центральноазиатских стран по поводу возможного проникновения к ним экстремистских исламистских группировок из Афганистана, где к власти пришло радикальное движение «Талибан» (запрещенное в России), американская сторона провела зондаж отношения стран Центральной Азии к размещению на их территориях своих антитеррористических подразделений и разведывательных аппаратов для слежения за ситуацией в Афганистане. Однако согласия на это США не смогли получить ни от одной центральноазиатской страны.

Тем не менее Соединенные Штаты продолжили курс на достижение своих политических и военно-политических целей в других частях бывшего СССР, в частности в Грузии и на Украине. Однако и здесь они вынуждены были внести заметные коррективы в свою внешнеполитическую доктрину ввиду негативного опыта, полученного в Афганистане, и массовой критике дома и за рубежом хаотичного вывода американских вооруженных сил из этой страны. Эти события побудили президента США Дж. Байдена публично признать, что уход из Афганистана ознаменовал конец эпохи крупных американских военных операций, направляемых на переустройство других стран, и пообещать, что отныне США будут защищать права и свободы в мире

не путем «бесконечных военных интервенций», а дипломатическими и экономическими методами [3].

За этим обещанием последовали изменения в методах проведения Соединенными Штатами своего политического курса на Украине, где после государственного переворота в 2014 г. пришедший к власти националистический режим стал проявлять нескрываемую заинтересованность в получении западной военной помощи для обеспечения планов силового решения территориальных проблем в Донбассе и Крыму и противодействия политике России. В очередной раз об этом было заявлено киевскими властями в принятой в июле 2021 г. Стратегии внешнеполитической деятельности Украины.

Со своей стороны, США и их союзники по НАТО, откликнувшись на призывы украинского режима, стали помогать ему укреплять его вооруженные силы. В этих целях ими оказывалась помощь в модернизации ВМС Украины за счет передачи в распоряжение Киева патрульных катеров и других военных судов, а также в обустройстве военных баз на украинской территории.

В 2021 г. во время пребывания с визитом в Вашингтоне президента Украины В. Зеленского между оборонными ведомствами США и Украины было даже подписано рамочное соглашение, направленное на расширение сотрудничества в проведении на Украине военных реформ и обеспечение взаимодействия в вопросах кибербезопасности и обмена разведанными. Была обещана также передача украинской стороне американских противотанковых ракет.

Впрочем, после корректировки Байденом методов проведения внешнеполитической доктрины США, о причинах чего шла речь выше, размеры обещанной военной помощи Украине оказались достаточно скромными (в пределах 60 млн долл.). Американское руководство также уклонилось от формальных обязательств Украине по включению ее в ПДЧ, программу по принятию новых членов в НАТО, на что явно рассчитывал В. Зеленский.

Тем не менее посетивший Киев в октябре 2021 г. шеф Пентагона Л. Остин заверил украинские власти, что Вашингтон в соответствии с ранее указанным двусторонним рамочным соглашением неизменно будет оказывать им поддержку в проведении военных реформ, способствующих реализации евроатлантических устремлений Украины и ее вступлению в НАТО.

ОПОП и ЭПШП – китайские проекты со-развития

В начале текущего столетия на постсоветском пространстве стала разворачиваться деятельность крупной международной экономической организации, а именно китайского мегапроекта «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП). Идея его создания была первоначально предложена руководством КНР осенью 2013 г. и обосновывала необходимость осуществления при активном участии Китая широкомасштабной моде-

ли международного экономического сотрудничества и развития. О глобальной значимости ОПОП свидетельствовали данные, обнародованные на втором Форуме ОПОП (Пекин, апрель 2019 г.), согласно которым 126 стран Азии, Америки, Африки, Европы и Океании, а также 26 международных организаций заключили соглашения с Китаем о сотрудничестве в рамках этого проекта [4].

В рамках этой инициативы, концепция и план действий по реализации которой были приняты в Пекине в марте 2015 г., должно было стать осуществление двух крупных проектов – «Экономический пояс Шелкового пути» (далее – ЭПШП) и «Морской шелковый путь XXI в.», в задачу которых входило обеспечение выхода Китая на зарубежные рынки в Европе, Азии и южной акватории Тихого океана. При этом проектом ЭПШП предусматривалось создание трех трансевразийских экономических коридоров, в т.ч. через территории России и ее партнеров по ЕАЭС и СНГ.

Достижение этих целей в рамках ЭПШП предполагалось осуществить путем создания ряда транспортно-инфраструктурных объектов (скоростных железных дорог и автомагистралей, мостов, портов), прокладки нефте- и газопроводов, а также оказания финансовой поддержки со стороны специально создаваемых кредитно-финансовых организаций. Крупнейшей организацией такого рода стал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, открытый в Пекине в январе 2016 г.

Эти действия должны позволить Китаю не только выстроить единую транспортную систему от Тихого океана до Балтийского и Средиземного морей, но и укрепить свои торговые связи и инвестиционное сотрудничество с транзитными государствами. Следует также подчеркнуть, что в официальной деятельности Китая в этой части евразийского континента доминировала разработка не столько политических, сколько экономических интеграционных схем с расположенными здесь постсоветскими странами.

Наконец, осуществление ЭПШП должно также, по мысли его организаторов, решить ряд внутренних проблем в самом Китае, придав мощный импульс развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района и других западных провинций страны.

Проект ЭПШП получил в целом положительный отклик практически во всех постсоветских странах Евразии, которые усмотрели существенные выгоды для своего участия в его реализации и стали активно разворачивать сотрудничество с Китаем в рамках этого проекта.

Формировалась основа и для взаимовыгодного сотрудничества России и Китая в рамках ЭПШП, а также сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, о чем Россия и Китай договорились еще в мае 2015 г., подписав соответствующее соглашение. Оно предусматривает расширение торгово-инвестиционного сотрудничества и оптимизацию торговли; реализацию проектов инфраструктурного со-развития; содействие увеличению расчетов в национальных валютах и рассмотрение долгосрочной цели продвижения к созданию зоны свободной торговли между Китаем и ЕАЭС [5].

В этой связи заслуживает серьезного внимания анализ перспектив сопряжения ЕАЭС и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути ввиду не только ожидаемых выгод, но и реальных расхождений в целях и методах такого взаимодействия между его участниками.

Ведь если заинтересованность России и других членов ЕАЭС в сотрудничестве с Китаем в значительной степени обусловлена тем, что без него реализация многих проектов ЕАЭС является трудно-выполнимой (или даже вообще невозможной) из-за острой нехватки средств для их финансирования в условиях растущих западных анти-российских санкций и отказе России в доступе к западным кредитам, то заинтересованность Китая во взаимодействии между ЕАЭС и ЭПШП заключается в том, что в результате должны быть созданы благоприятные условия по обеспечению выхода Китая на западные рынки путем осуществления ряда транспортно-инфраструктурных проектов через территорию России, Беларуси и стран Центральной Азии до Европы.

Такая основа для взаимовыгодного сопряжения ЕАЭС и ЭПШП представляется достаточно ограниченной и, скорее всего, временной, ибо Китай, следуя собственным стратегическим интересам, предпочитает иметь отношения с центральноазиатскими странами или Беларусью на двусторонней основе, тогда как Россия, следуя своим интересам, – на многосторонней, а именно в рамках ЕАЭС.

Поэтому в интересах России в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП должны быть созданы условия для обеспечения приоритетности реализации именно совместных проектов стран – членов ЕАЭС в сфере транспорта и инфраструктуры.

Следует также весьма осторожно реагировать на стремление Китая создать зону свободной торговли с членами ЕАЭС, тщательно изучив целесообразность заключения соглашения о ее создании, ибо в современных условиях огромного диспаритета в их экономических потенциалах создание такой зоны выглядит как однозначно выгодное Китаю. Впрочем, в современных условиях ужесточения экономических санкций США в отношении не только России, но и Китая, заинтересованность в деловом сотрудничестве между Москвой и Пекином на двусторонней и многосторонней основе остается весьма высокой.

«Восточное партнерство» с ЕС – программа сотрудничества или противостояния?

На противоположном фланге постсоветского пространства продолжает расширяться круг бывших советских республик, которые вслед за странами Балтии уже сделали или же намерены сделать выбор в пользу основной ориентации своего экономического развития на западные центры силы и влияния, сворачивая при этом масштабы и интенсивность отношений с Россией, сводя их к минимуму в одних областях и доводя до полного разрыва в других. Речь идет в первую очередь о Грузии, Украине и Молдове.

Наряду с активизацией интереса в ряде постсоветских стран на сближение и укрепление торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества с западными соседями, в первую очередь с государствами – членами Евросоюза, руководство ЕС в свою очередь также иницирует и осуществляет обширные программы, стимулирующие такое развитие событий.

Следует заметить, однако, что существенными особенностями этих программ является, во-первых, то, что они разрабатываются в условиях сохраняющегося и даже растущего санкционного давления Евросоюза на Россию. Во-вторых, предоставление торговых, финансовых и иных экономических стимулов и льгот странам-реципиентам на постсоветском пространстве обуславливается рядом условий и рекомендаций политического и экономического характера, выполнение которых должно фактически способствовать переориентации этих стран на Евросоюз, охлаждение и даже отрыв от традиционного сотрудничества с Россией.

Одной из наиболее масштабных программ такого рода является «Восточное партнерство», действующее с 2009 г. и направленное на развитие интеграционных связей Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Важно отметить, что одновременно эта программа является и геополитическим проектом Евросоюза, носящим практически нескрываемые его организаторами и спонсорами антироссийские цели. Резкое обострение негативной позиции Евросоюза в отношении России, произошло в 2014 г. после того, как ЕС осудил воссоединение Крыма с Россией и вменил ей в вину активную поддержку возникших на юго-востоке Украины Донецкой и Луганской народных республик. Следствием этих обвинений явилось то, что «Восточное партнерство» стало одним из пространств конфронтации Евросоюза и России.

В свою очередь отношение и мотивация самих вышеперечисленных постсоветских стран к участию в программе «Восточное партнерство» заметно отличаются друг от друга в зависимости от сложившейся или формирующейся у них внутренней социально-политической и экономической обстановки.

Грузия, Украина и Молдова, например, заключив соглашения с Евросоюзом об ассоциированном партнерстве и получив в результате определенные торговые, экономические и визовые льготы на европейском рынке, рассматривают их как важный, но все же промежуточный этап на пути к своему полноценному членству в ЕС.

Весьма последовательно этой цели добиваются в Грузии, где ее достижение преследует не только правящий режим, но поддерживают крупнейшие политические партии и большинство населения страны. Аналогичная ситуация сложилась и на Украине, курс на евроинтеграцию которой остается неизменным после президентских и парламентских выборов 2019 г. В Молдове же наряду с вступлением в Евросоюз значительная часть общества продолжала выступать за сохранение и даже активизацию отношений с Россией и Евразийским экономи-

ческим союзом. Тем не менее после победы правых политических сил на президентских и последовавших за ними парламентских выборах в 2020–2021 гг. в официальной внешней политике Молдовы заметно усилились прозападные настроения и изменения.

Азербайджан формально не преследует цели вступления в ЕС, концентрируясь при развитии взаимодействия с Евросоюзом на решении конкретных экономических вопросов. Действительно, члены ЕС являются его крупнейшим совокупным внешнеторговым партнером и инвестором, тогда как Азербайджан в свою очередь рассматривается в Евросоюзе как важный стратегический партнер в энергетической области, обеспечивающий определенную часть потребностей ЕС в нефтегазовых ресурсах из Каспийского региона. Основы энергетического сотрудничества между ЕС и Азербайджаном были заложены в 2006 г., т.е. еще до создания программы «Восточного партнерства». Десять лет спустя, в 2016 г., они были расширены и дополнены в рамках новой программы Евросоюза, которая предусматривает, в частности, поддержку Азербайджана в области проводимой им энергетической политики за счет предоставления ему доступа к технологическим и финансовым ресурсам ЕС.

Вместе с тем при всей очевидной взаимной заинтересованности в развитии экономического и энергетического сотрудничества руководство ЕС не ограничивается в отношениях с Азербайджаном только этими целями, но устанавливает и развивает контакты с ним по другим, в т.ч. сугубо политическим направлениям. Так, дальнейшему развитию этих отношений должно послужить заключение нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Азербайджаном, которое создаст условия для развития сотрудничества между сторонами по широкому кругу вопросов, включая не только развитие экономических связей, но и активизацию политического диалога между ними.

Очевидные политические аспекты носит и вступившее в силу в 2014 г. соглашение между ЕС и Азербайджаном об упрощении визового режима с целью посещения стран Евросоюза и реадмиссии. Дополнительные льготы были предоставлены при этом молодежи и студентам, которые создают возможности получения или продолжения ими образования в европейских учебных заведениях.

Что касается еще одной закавказской страны, *Армении*, то бывшее ее руководство, заключив в ноябре 2017 г. соглашение о партнерстве с ЕС, охватывавшее сферы политического диалога, экономики и безопасности, стремилось тем самым подтвердить принципы многовекторности внешней политики страны, следование которым объявлялось необходимым для успешного проведения назревших экономических реформ и комплексной модернизации национальной производственной базы.

Не ставя под сомнение реальность этих проблем и необходимость их решения, следует заметить, что заключение вышеупомянутого соглашения с ЕС явилось в то же время и попыткой проведения бывшим руководством Армении политического маневра с целью если не упредить,

то хотя бы приостановить явно нарастающий рост протестных настроений в стране и удержаться у власти. Это, как известно, ему не удалось, и затем уже новое руководство страны, сохраняя связи с ЕАЭС, взяло курс на их постепенную фактическую замену активизацией отношений с Евросоюзом. В результате усилились критические и даже негативные настроения в Армении относительно ее участия в ЕАЭС. Согласно данным социологического опроса, проведенного Евразийским банком развития (ЕАБР), уровень общественной поддержки участия в ЕАЭС сократился в Армении с 67% в 2013 г. до 46% в 2016 г. [6, с. 51]. Одним из последствий этого сдвига в общественном мнении стало подписание Арменией Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Евросоюзом в ноябре 2017 г. Впрочем, как показали последующие события, а именно масштабный вооруженный конфликт с Азербайджаном в 2020 г., такой курс, который обосновывался принципами многовекторности, не принес Еревану ни экономических, ни политических выгод и не уберег Армению от национальной трагедии.

Наконец, в отношениях между Евросоюзом и *Беларусью*, еще одним участником программы «Восточное партнерство», стала складываться ситуация, когда руководство ЕС, используя экономические трудности, переживаемые этой страной, активизировало попытки побудить Минск к уступкам во внутренней и внешней политике в обмен на облегчение доступа на европейский рынок и упрощение таможенных процедур.

В качестве ответных мер руководство Беларуси действительно стало вносить определенные изменения во внешнюю политику страны, на практике означавшие фактическую замену ранее заявленного приоритета на создание Союзного государства с Россией поиском признания на Западе. При этом курс на такие изменения заметно активизировался после того, как Запад начал вводить антироссийские санкции в ответ на воссоединение Крыма с Россией и эскалацию вооруженного противостояния на юго-востоке Украины.

В свою очередь, после того как Минск отказался поддержать позицию России по Крыму и при этом активизировал политические и торгово-экономические связи с новым режимом в Киеве¹, США и Евросоюз в качестве поощрения приступили к отмене ранее действовавших ограничений и санкций в отношении Беларуси и возобновили деловые контакты с режимом А. Лукашенко. Впрочем, эти изменения носили строго дозированный и по существу ограниченный характер, и расчеты Минска на получение остро необходимой ему экономической помощи от Запада, включая выделение кредитов МВФ, оказались несостоятельными.

Иными словами, многовекторные маневры Минска по нахождению зарубежных спонсоров на Западе и привлечению оттуда массивной

¹ Более того, в СМИ регулярно поступали сведения о том, что Беларусь *de facto* развивала военно-техническое сотрудничество с Украиной, помогая ей в ремонте боевых машин, поставляя различную военную технику и продавая ей дизтопливо, которое в дальнейшем использовалось для заправки украинских танков [7].

финансовой помощи и современных высокотехнологичных инвестиций не принесли (да и не могли принести без кардинальных политических уступок с его стороны и фактического отказа от действующей в стране социально-политической модели) желаемых результатов.

Бесспорным при этом стало и то, что у Беларуси не нашлось сколько-нибудь адекватной замены финансовой и экономической помощи от России, регулярно предоставляемой как в виде льготных кредитов и субсидий, так и в результате значительных ценовых скидок на товары российского экспорта, включая энергоресурсы, и составляющей, по имеющимся оценкам, ежегодно порядка 10 млрд долл., или до 15% ВВП Беларуси. Добавим к этому, что к концу марта 2020 г. объем льготных кредитов, предоставленных Минску Москвой, достиг почти 8 млрд долл. [8]. А это диктовало белорусскому руководству необходимость сохранения, хотя и в изменившихся формах, российского вектора в качестве профилирующего во внешней политике своей страны.

Необходимость получения новой экономической помощи от России и далее неизменно продолжала нарастать и приобрела для руководства Беларуси поистине критический характер после того, как в стране развернулось массовое протестное движение в связи с непризнанием оппозицией, объединившей в своих рядах сторонников местных прозападных и ультранационалистических сил, официальных итогов президентских выборов в августе 2020 г. При этом оппозиция в своих действиях опиралась не только на политическую и пропагандистскую поддержку Евросоюза, но фактически и на экономическую в результате введения Евросоюзом вслед за США санкций против важных для Минска секторов экономики.

В этих условиях Россия становилась едва ли ни единственным источником финансовой и экономической помощи для Беларуси со всеми вытекающими для нее политическими и экономическими последствиями.

В сентябре 2021 г. в Москве состоялись переговоры между президентами двух стран, на которых ожидаемо были согласованы 28 союзных программ экономического характера по углублению интеграционных процессов между Россией и Беларусью и созданию на их базе условий для последующего проведения политических интеграционных мероприятий.

Пакет вышеуказанных программ, направленных на унификацию законодательства двух стран в различных областях экономики, выравнивание условий деятельности хозяйствующих субъектов, построение единых финансовых и энергетических рынков, транспортного пространства, формирование и реализацию общей промышленной и сельскохозяйственной политики, был затем одобрен на заседании Совета министров Союзного государства в Минске. При этом правительство Российской Федерации и Совет министров Республики Беларусь заявили о своем намерении обеспечить эффективную реализацию достигнутых дого-

воренностей в целях дальнейшего углубления союзнических отношений между двумя государствами, содействия их устойчивому развитию и защиты интересов двух стран на международной арене.

Планы субрегионального сотрудничества

Наряду с участием в крупных международных экономических объединениях интеграционного характера заметно активизировались общественные настроения в постсоветских странах, расположенных в Центрально-Азиатском регионе, в пользу налаживания взаимного субрегионального сотрудничества. В чем причины этой активизации, является ли она результатом действия преимущественно внутренних или внешних факторов и каких именно? В самих странах Центральной Азии причины происходящего называют разные, в т.ч. и такие, как наблюдаемые в последнее время изменения во внешней политике Узбекистана, направляемые на формирование регионального рынка на выгодных для Ташкента условиях, или якобы существующие намерения Узбекистана и Казахстана совместно реформатировать Центрально-Азиатский регион в своих интересах.

Насколько верны эти мнения и суждения? Имеются ли предлагаются при этом какие-то конкретные региональные/субрегиональные планы сотрудничества стран Центральной Азии и насколько они сочетаются с уже существующими и реализуемыми программами ЕАЭС и ЭПШП или противопоставляются им?

Складывается впечатление, что идущие на различных уровнях в странах Центральной Азии дискуссии относительно стратегии многостороннего экономического сотрудничества в регионе пока, во всяком случае, во многом декларативны и не опираются на проработку конкретных организационных и материальных предпосылок такого взаимодействия. Тем не менее, было бы серьезной стратегической ошибкой игнорировать рост общественных настроений в этих странах в пользу налаживания взаимного экономического сотрудничества. Востребованность в нем может побудить (и фактически уже побуждает) зарубежных партнеров центральноазиатских стран, в первую очередь в США, Евросоюзе и Турции, предлагать концептуальные разработки моделей такого сотрудничества, которое осуществлялось бы при содействии западных экспертов, получало бы западную финансовую и технологическую поддержку и фактически побуждало бы страны Центральной Азии к смене геополитического и геоэкономического векторов своего развития в пользу сближения с Западом.

При этом в последнее время зарубежными партнерами, в частности Турцией, активизировалась поддержка действий местных националистических сил русофобской направленности на радикальное ограничение влияния России в культурно-цивилизационной жизни стран Центрально-Азиатского региона.

В этих условиях у России и ее союзников нет другой альтернативы как не только подвергать аргументированной критике перспективы ре-

ализации подобного сценария социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии, но и активно пропагандировать реальные альтернативы ему, а также значительные выгоды, которые эти страны могут получить, в частности привлекая ЕАЭС, члены которого обладают углубленным знанием конкретных условий Центрально-Азиатского региона и необходимым материально-техническим потенциалом, к разработке и реализации крупных региональных экономических проектов, в т.ч. при решении водной или энергетической проблем региона.

* * *

Распад Советского Союза и образование новых суверенных государств на его территории сопровождался возникновением и последующим развитием целого ряда сложных и противоречивых политических и экономических процессов и явлений.

Для решения связанных с этим проблем абсолютным большинством постсоветских стран в сфере международных отношений по причинам, изложенным в ходе предыдущего анализа, была взята на вооружение концепция многовекторности, которая была положена в основу их внешней политики и стала проводиться в жизнь с учетом национальных особенностей и специфики конкретных задач общественного развития. В результате эта концепция, хотя и в различных формах и с заметными отличиями в последовательности и эффективности ее реализации, стала важнейшей характеристикой внешнеполитического курса постсоветских стран.

Вместе с тем было отмечено и то, что с течением времени под воздействием различного рода внутренних и внешних социальных, экономических, политических и военно-политических факторов, первоначально декларируемые принципы политики многовекторности постсоветских стран претерпели заметные, нередко принципиальные перемены.

Спустя три десятилетия после своего образования, постсоветские страны, пройдя через горнило бурных и неоднозначных процессов формирования национальной государственности, в которых отразились как существенные сдвиги в расстановке основных внутривнутриполитических и социальных сил, так и изменения, происходившие в международной обстановке, стали существенно отличаться друг от друга и по характеру своих политических систем, и по уровню экономического развития, а главное, по своим стратегическим целям, стремлениям и ориентациям. А это, в свою очередь, обусловило серьезные сдвиги в их подходах к выстраиванию отношений со своими внешнеполитическими партнерами как в двустороннем, так и многостороннем форматах.

Следует также подчеркнуть, что постсоветские страны – молодые суверенные государства, у которых еще не сформировались (или не вполне сформировались) устойчивые национальные интересы и которые про-

должают находиться в процессе государственного становления. Поэтому следует признать, что нередко наблюдаются резкие колебания в их внешнеполитическом курсе, отражающие интересы различных групп и кланов, продолжающих вести ожесточенную борьбу за власть.

При этом одни из этих стран принимают участие в реализации евразийского интеграционного проекта, возглавляемого Россией, другие стремятся обеспечить решение своих внешнеполитических и внешнеэкономических задач, прибегая к приоритетному укреплению связей с США и Евросоюзом, третьи видят выход в активизации ориентации преимущественно на ближайших региональных партнеров (таких как Китай, Турция, Иран). Впрочем, ни одно из этих направлений внешнеполитической деятельности не стало доминирующим на постсоветском пространстве, более того, отдельные их элементы могли получать приоритетное значение во внешнеполитической практике, соседствуя с другими или даже сменяя их на различных периодах развития тех или иных постсоветских стран. Иными словами, проблема формирования устойчивого и последовательного внешнеполитического курса постсоветских стран еще далека от своего разрешения.

Как представляется, к числу важнейших национальных приоритетов России относится проведение в этих условиях такого внешнеполитического курса на постсоветском пространстве, который бы максимально гибко и своевременно реагировал на идущие здесь социальные, экономические и политические процессы и был направлен на проведение эффективной и продуманной политики, подчеркивая при этом, что ее важнейшими задачами являются отнюдь не внешнеполитическая экспансия, не установление великодержавной гегемонии, но развитие партнерских и дружественных связей с постсоветскими странами на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга.

В этих целях, как показывает практика, Россия действительно стремится активно содействовать укреплению политического и экономического сотрудничества с постсоветскими странами на двусторонней и многосторонней основе, наращивать взаимодействие с ними в сфере обеспечения военно-политической безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, транснациональной преступности и незаконной миграции, расширять сотрудничество с этими государствами в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах.

Признавая право своих партнеров на проведение суверенной внешней политики, Россия не может вместе с тем игнорировать то, что реализация ими такой политики нередко не только не учитывает ее национальные интересы, но и прямо им противоречит, и, как следствие, обуславливает недостаточную надежность этих стран в качестве союзников и партнеров России.

Особенно чувствительно это воспринималось и воспринимается во внешнеполитических действиях тех постсоветских стран, с которы-

ми Россию связывают не только партнерские, но и прямые союзнические отношения (как, например, в рамках ОДКБ или создаваемого совместно с Республикой Беларусь Союзного государства). Поэтому Россия, уважая их право на выстраивание отношений с другими международными субъектами, должна добиваться соблюдения ими своих обязательств, взятых либо в результате прямых двусторонних соглашений с Москвой, либо в рамках региональных интеграционных структур с совместным участием (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС).

Список литературы

1. Blank S. The United States and Central Asia // *Central Asia Security. The New International Context* / Ed. by Roy Allison and Lena Jonson. London Washington D.C., 2001.
2. Попов Д. Место Узбекистана в центральноазиатской политике США // *Россия и мусульманский мир*. 2015. № 9 (279). С. 63–85.
3. Паниев Ю. Демократию насильно не навяжешь // *Независимая газета*. 2021. 5 сентября.
4. «AsiaTimes». Hongkong. 2019. 28 April.
5. Плачинда Л.Ю. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути – Партнерство в интересах роста. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/EEC_2.pdf
6. Винокуров Е.Ю., Коршунов Д.А., Перебоев В.С., Цукарев Т.В. Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
7. Российско-белорусские отношения должны быть полностью реформированы // *EADaily*. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/01/06/rossiysko-belorusskie-otnosheniya-dolzhu-byt-polnostyu-pereformatirovany?utm_source=smi2
8. Соловьева О. Новые санкции усиливают интеграцию Белоруссии с Россией // *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-06-03/1_8165_sanctions.html

References

1. Blank S. The United States and Central Asia. *Central Asia Security. The New International Context*. Ed. Roy Allison and Lena Jonson. London Washington D.C., 2001.
2. Popov D. Mesto Uzbekistana v tsentral'no aziatskoi politike SShA [Uzbekistan's Place in US Central Asian Politics]. *Rossiia i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], 2015, No. 9 (279), pp. 63–85. (In Russ.).
3. Paniev Iu. Demokratiiu nasil'no ne naviazhesh' [Democracy Cannot Be Imposed by Force]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent Newspaper]. 2021. 5 September.
4. «AsiaTimes». Hongkong. 2019. 28 April.
5. Plachinda L.Iu. Sopriazhenie EAES i Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti – Partnerstvo v interesakh rosta [Conjugation of the EAEU and the Silk Road Economic Belt – Partnership for Growth]. (In Russ.). Available at: https://www.unescap.org/sites/default/files/EEC_2.pdf
6. Vinokurov E.Iu., Korshunov D.A., Pereboev V.S., Tsukarev T.V. Evraziiskii ekonomicheskii soiuz [Eurasian Economic Union]. Saint-Petersburg, TsII EABR, 2017, 296 p. (In Russ.).

7. Rossiisko-belorusskie otnosheniia dolzhny byt' polnost'iu pereformatirovany [Russian-Belarusian Relations Should Be Completely Reformatted]. *EADaily*. (In Russ.). Available at: https://easily.com/ru/news/2017/01/06/rossiysko-belorusskie-otnosheniya-dolzhny-byt-polnostyu-pereformatirovany?utm_source=smi2

8. Solov'eva O. Novye sanktsii usilivaiut integratsiiu Belorussii s Rossiei [New Sanctions Strengthen the Integration of Belarus with Russia]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent Newspaper]. (In Russ.). Available at: https://www.ng.ru/economics/2021-06-03/1_8165_sanctions.html

POST-SOVIET STATES OF EURASIA IN INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

The present article is devoted to the analysis of participation of new post-Soviet Eurasian states in international economic relations, of current goals and strategic targets of this policy in the economic development of these states. Many, in fact the majority of them appeared to be unable after achieving political sovereignty to solve complex economic problems of national development since they had neither organizational experience in carrying out an independent and effective economic policy nor the personnel, technological and financial provisions for these goals. Therefore new independent Eurasian states had to approach foreign countries searching for adequate forms and methods of cooperation with them on these issues. In this connection the article explores the nature of interrelations between post-Soviet states with their principal foreign partners on a bilateral basis as well as in multilateral international economic organizations, of the comparative role of political and economic factors in these relations. Some of the post-Soviet states have begun their participation in the Eurasian integration project headed by Russia, others aim at solving their external political and economic problems by strengthening relations with the USA and European Union on a priority basis, still others see the way out in promoting their orientation primarily on their closest regional partners (such as China, Turkey, Iran). However, neither of these directions of external economic activities has become a dominant one on the post-Soviet space. Moreover, some of their elements may get a priority significance, neighboring others or even replacing them at various stages of development of this or that post-Soviet state. Besides, three decades after their formation the new sovereign Eurasian states having endured complex processes of national state building began to differ substantially from each other by their political systems, by levels of economic development and above all – by their strategic goals, aspirations and orientations. And in its turn this has caused serious changes in their approaches to building relations with their external partners, both in bilateral and multilateral formats. Under these conditions the most important national priority of Russia is to implement such a foreign policy at the post-Soviet space that would react timely and most flexibly at social, political and economic processes going on there and emphasizing that most important goal of such a policy is neither a political expansion or an institution of a great power hegemony but development of partnership and friendly relations with the post-Soviet states on the basis of equality and mutual benefits.

Keywords: development scenarios, international trade, investment climate, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Eastern Partnership.

JEL: F02, F13

Дата поступления – 25.09.2021 г.

ЧУФРИН Геннадий Илларионович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель постсоветских исследований;

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук / Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, 117997.

e-mail: chufrin@imemo.ru

CHUFRIN Gennady I.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Scientific Head of Post-Soviet Research;

National research Institute of world economy and international relations named after Primakov of the Russian Academy of Sciences / 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.

e-mail: chufrin@imemo.ru

Для цитирования:

Чуфрин Г.И. Постсоветские государства Евразии в международных экономических отношениях // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 89–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-89-110>

С.В. БАДИНА, Р.А. БАБКИН, А.Н. БЕРЕЗНЯЦКИЙ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННЫХ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРИРОДНОГО И ТЕХНОГЕННОГО РИСКА*

В статье предложено концептуальное обоснование возможности применения данных сотовых операторов в целях оценки уязвимости населения в исследованиях природного риска. Данные сотовых операторов позволяют получать информацию о дифференциации уязвимости населения крупного города (в статье приведен пример Москвы) к природным и техногенным опасностям с учетом реальной наличной численности населения и его движения в рамках различных временных циклов (суточном, недельном, сезонном). Достоверное представление о количестве населения в каждой точке городского пространства в определенный момент времени позволит не только своевременно оценить наиболее вероятное число людей в ареале потенциальной опасности, упростив тем самым работу специализированных служб экстренного реагирования, но и грамотно разработать комплекс превентивных мер в соответствии с реальной потребностью.

Ключевые слова: уязвимость населения, природные и техногенные риски, Москва, данные сотовых операторов.

JEL: O18; R23; J28

Проблемы оценки уязвимости населения крупных городов

Для современных территориальных социально-экономических систем даже на теоретическом уровне невозможно выстроить такое идеальное соотношение природных условий и антропогенной деятельности, которое обеспечивало бы приемлемый уровень риска (гарантировало бы безопасность общества и его хозяйственной деятельности на долгосрочную перспективу). Когда природные опасности угрожают густозаселенной территории (например, в городах и городских агломерациях), большая концентрация людей и инфраструктура, как правило, увеличивают масштаб их негативных последствий [1; 2]. Природные катастрофы зачастую приобретают природно-техногенный характер,

*Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Москвы, проект № 21-35-70004.

что делает крупные города *наиболее уязвимым элементом системы расселения* в современном мире [3]. Тем не менее социально-экономические преимущества городов, эффекты масштаба привлекают население сильнее, чем объективные природные и техногенные опасности.

Примеры данного экономического эффекта можно найти на протяжении всей человеческой истории. Так, город-курорт Канкун в Мексике подвержен сильным ураганам примерно раз в три года, что не снижает его статуса как одной из наиболее посещаемых туристских дестинаций в Северной Америке. Другой пример — активное землепользование в городе Неаполе и его окрестностях, где богатые вулканические почвы обрабатывались на протяжении многих веков, несмотря на риск новых извержений (сельское хозяйство в большинстве районов южной Италии затруднено из-за низкого качества почвы, а исключением является именно наиболее опасная область вокруг Везувия). Во всем мире, по оценкам, 9% населения проживает в пределах 100 км от исторически действующего вулкана (максимальны риски — для городов Юго-Восточной Азии, особенно в Индонезии и на Филиппинах, а также Центральной Америки [4]). На малых высотах прибрежных зон высока доля населения, подверженного циклонам и штормовым приливам, — это лишь 2% площади суши мира, где сконцентрировано 10% мирового населения [5]. Таким образом, в оценке риска чрезвычайно важно учитывать фактор концентрации населения и его хозяйственной деятельности, особенно при исследовании природных опасностей, действие которых носит площадной характер и охватывает большие территории [6].

Остальные факторы уязвимости населения крупных городов можно считать производными от этого, главного, такие как нехватка земельных ресурсов для нового строительства, ограничения, связанные с особенностями планировочной структуры города, быстрый рост населения и нерациональное градостроительное проектирование, активация опасных процессов вследствие антропогенного воздействия и пр. В особую группу факторов можно выделить институциональные проблемы, которые препятствуют эффективному противодействию опасностям и снижению риска. В соответствии с [7], уязвимость населения определяется как комбинация следующего: восприимчивости (зависит от общественной инфраструктуры, питания, дохода и общих экономических условий); способности справляться с ситуацией (зависит от государственного управления, медицинского обслуживания и материального обеспечения); адаптационных возможностей (своевременность адаптационных мероприятий, связанных с будущими стихийными бедствиями и изменением климата). Комбинация уязвимости и подверженности населения стихийным бедствиям определяет интегральный уровень риска [8]. Тем самым именно уязвимость — *ключевая социально-экономическая характеристика*, поддающаяся контролю и управлению: в наиболее развитых странах, даже в высокой степени подверженных природным опасностям, интегральный уровень риска ниже за счет грамотных адаптационных мер.

Из этого вытекает необходимость научного поиска в области разработки нового географического подхода к интерпретации уязвимости населения: территориальную уязвимость населения следует понимать как функцию от концентрации и мобильности населения в пространстве. Иными словами, *логически непротиворечивым* является утверждение, что чем выше концентрация и интенсивнее движение населения на конкретной территории (интенсивность движения повышает неопределенность в системе), тем выше вероятность негативных последствий в случае возникновения природных и техногенных опасностей при прочих равных условиях. Однако возникает методическая проблема измерения пространственной уязвимости населения, связанная с ограничениями российской статистики.

Росстат предоставляет данные по населению городов, во-первых, в достаточно мелком масштабе (максимальная детализация в большинстве случаев – лишь до районов города), во-вторых, в статичном виде (возможно отследить лишь среднегодовую динамику, в то время как движение населения внутри городского пространства в суточных, недельных, сезонных циклах остается неизвестным). При этом при оценке уязвимости населения к природным и техногенным опасностям важно иметь достоверное представление о том, сколько людей находится в каждой точке городского пространства в определенный момент времени. Это позволит не только своевременно оценить наиболее вероятное количество людей в ареале потенциальной опасности, но и грамотно разработать комплекс превентивных мер в соответствии с реальной потребностью. Решение этой важной задачи становится возможно путем использования альтернативных источников статистической информации – данных сотовых операторов.

Возможности и ограничения применения данных сотовых операторов в исследованиях природного и техногенного риска

Начало использования аналитики больших данных в социально-экономических науках (данных сотовых операторов, банковских карт, социальных сетей, спутниковых снимков и т.д.) явилось своеобразной промышленной революцией в области информации, крупнейшим технологическим прорывом, раскрывающим возможности для дополнения и расширения знаний, построенных на основе традиционной статистики.

Данные сотовых операторов занимают в этом списке особое место и служат *наиболее многообещающими источниками сведений* для ряда перспективных направлений исследований, требующих повышенной пространственно-временной детализации информации, в частности в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) природного и техногенного характера.

Анализ зарубежного опыта использования больших данных, в т.ч. данных операторов сотовой связи, показал следующее.

1. Несравнимое преимущество данных сотовых операторов — их всеохватность, сопоставимая с данными переписей населения, хотя и без переписной социально-демографической детализации. Сотовые данные обезличены и не дают представления о половозрастной и социальной структуре населения, что является существенным ограничением при исследовании уязвимости.

2. Высокая репрезентативность данных, основанных на сочетании практически стопроцентной выборки и жесткой привязки мобильных устройств к своим владельцам, подтверждается данными доклада за 2014 г. Международного союза электросвязи [9], согласно которому средняя распространенность мобильной связи в мире достигла к тому времени 96,4 на 100 жителей. При этом в России этот показатель достигал 99,7 на 100 жителей.

3. Большая часть работ, основанных на данных сотовых операторов, осуществлялась для целей транспортного планирования [10–12], в меньшей степени — для территориального и стратегического планирования и получения статистики (прежде всего туризма) [13–15].

4. Уникальные возможности данных мобильной связи при ситуативном анализе определяют высокий потенциал их применения при мониторинге последствий различного рода ЧС и изучении «шоковых пульсаций» численности населения. Оперативные данные сотовых операторов, получаемые в режиме реального времени, при своевременной обработке и использовании могут выступать ценнейшим источником информации для экстренных служб в ситуациях, когда требуется незамедлительная информация о перемещении и местонахождении пострадавших людей, их точном количестве, например, в случае природных или техногенных бедствий, вооруженных конфликтов или эпидемий [16–18]. Автоматизация алгоритмов обработки информации и моделирование наиболее вероятных состояний системы расселения крупного города в каждой малой ячейке его пространства могут заменить оперативные данные в случае невозможности их предоставления.

5. Методический аппарат, полученный в рамках исследования пространственной уязвимости населения, может быть использован и в других наиболее актуальных в связи с пандемией COVID-19 исследованиях. Например, в работах [17; 19] путем отслеживания масштабов миграций из очага эпидемии в другие районы (подсчет среднесуточного количества владельцев SIM-карт, выезжающих из зоны вспышки заболевания) составлены графы маршрутов импорта болезней, демонстрирующие пространственные характеристики распространения вспышек малярии в Кении и холеры на Гаити. Во всем мире десятки научно-исследовательских коллективов, используя все имеющиеся возможности виртуальных данных, приступили к мониторингу воздействия, оказываемого пандемией на мобильность населения [20–22]. Аналогичные исследования в России еще не проводились.

6. Поскольку большинство людей проводят большую часть своего времени только в нескольких местах, с помощью методов кластериза-

ции можно четко определить местонахождение дома, офиса, мест рекреации и досуга, а также проводить сравнение получившихся результатов с официальными статистическими данными, в т.ч. разработать процедуры дооценки недостающих значимых параметров уязвимости на основании данных официальной статистики [23; 24].

7. Широким направлением исследований с использованием данных сотовых операторов являются исследования трудовых маятниковых миграций (на примере Граца, Рима, Таллина и многих других городов [23; 25–27]). Эти работы наглядно продемонстрировали, насколько изменчивы города в зависимости от времени суток, дней недели, сезонов года или разнообразных событий. Такая изменчивость, превышение официально зарегистрированного количества населения, повышает неопределенность, а значит, и риски в случае возникновения ЧС, т.к. экстренные службы могут не рассчитывать на большее число человек в зоне потенциальной опасности.

8. Опыт исследований событийности с применением данных сотовых операторов [28–32] чрезвычайно важен в контексте оценки уязвимости населения Москвы и других городов-миллионеров, т.к. крупные события (празднование Дня города, Дня Победы, международные события, такие как Чемпионат мира по футболу – 2018 и пр.) многократно увеличивают плотность и численность населения, причем в определенных локациях. Понимание точного количества людей чрезвычайно важно с точки зрения обеспечения их безопасности.

9. Данные сотовых операторов позволяют оценить наличное число людей, находящихся в определенный момент времени в определенном месте, а также рассчитать объемы и показать направления их перемещений или транзита. В результате появляется возможность выделить как наиболее уязвимые территории (с повышенными значениями наличной плотности или подвижности населения), так и временные промежутки, когда уязвимость населения наивысшая. Все это позволяет разрабатывать превентивные и ликвидационные меры (в т.ч. – планы эвакуации населения) по борьбе с ЧС и заложить основу формирования методики оценки уязвимости населения при вероятных ЧС природного или техногенного характера.

Первичный анализ данных сотовых операторов для целей оценки пространственной уязвимости населения Москвы

Апробация предложенного подхода к оценке пространственной уязвимости запланирована на примере г. Москвы.

С одной стороны, московская агломерация является крупнейшей в России, и в системе ее расселения продолжается тренд увеличения концентрации населения, поэтому поиск возможностей оптимизации ее территориальной структуры расселения с точки зрения его деконцентрации и снижения уязвимости является важной исследовательской задачей. С другой стороны, данные сотовых операторов впервые начали

систематически собираться и обрабатываться в России именно в столичном регионе, и для решения задач данного исследования, разработки и отработки методик они были предоставлены Департаментом информационных технологий Москвы.

Как было показано в предыдущих исследованиях авторов [33–35], если уровень природной опасности для всей территории Москвы примерно одинаков, то уровень техногенной опасности различен и ареалы техногенной опасности *в большинстве случаев имеют четкую географическую привязку к конкретным опасным объектам*. Поскольку Москва и по сей день остается городом, где действует большое число промышленных предприятий, особенно следует отметить, что уровень риска повышается за счет застройки санитарно-защитных зон вокруг потенциально опасных объектов, за счет физического старения основных фондов, появления большого количества мелких производителей вне надзорного поля, а также не всегда достаточной оснащенности промышленных предприятий и объектов городского хозяйства современными системами защиты.

Информационной базой исследования выступают данные операторов сотовой связи («Билайн», «МТС», «Мегафон», «Tele2») о местах локализации абонентов за 2019 г. В распоряжении авторов имеется набор *обезличенных* данных о положении абонентов сотовых сетей в квадратах 500 на 500 м на территории Москвы и Московской области, характеризующих численность *наличного* населения *ячеек*. Временной срез данных – январь 2019 – январь 2020 гг. Временной такт регистрации данных – 30 минут. Количество ячеек – 190,2 тыс. Структура данных: метка даты/времени, код ячейки пребывания абонента, код ячейки отбытия абонента, численность абонентов по соответствующим ячейкам за такт. Набор ключей – привязка ячеек к соответствующим территориям Москвы и Московской области.

В исследовании задействован достаточно внушительный объем данных в 2,5 ТБ: свыше 36 млн измерений в более чем 7 тыс. временных срезов. Данные сотовых операторов представляют собой информацию о местонахождении абонентов в течение суток, полученные в результате измерения расположения мобильного телефона относительно трех станций сотовой связи (см. *рис. 1, 2*).

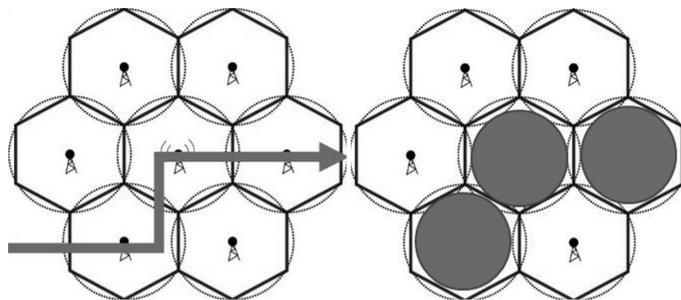

Рис. 1. Принцип получения данных о мобильности абонентов средств связи

Источник: составлено авторами.

	ts	zid	home_zid	customers_cnt_total
1	2019.07.21 14:00	467	-1	163
2	2019.07.21 14:00	467	337	2
3	2019.07.21 14:00	467	154	0
4	2019.07.21 14:00	467	334	2
5	2019.07.21 14:00	467	208	1
6	2019.07.21 14:00	467	251	3
7	2019.07.21 14:00	467	130	2
8	2019.07.21 14:00	467	77	1
9	2019.07.21 14:00	467	156	3
10	2019.07.21 14:00	467	404	1
11	2019.07.21 14:00	467	205	4
12	2019.07.21 14:00	467	436	0
13	2019.07.21 14:00	467	415	3
14	2019.07.21 14:00	467	455	3
15	2019.07.21 14:00	467	30	2
16	2019.07.21 14:00	467	324	3
17	2019.07.21 14:00	467	76	1
18	2019.07.21 14:00	467	23	2
19	2019.07.21 14:00	467	224	2
20	2019.07.21 14:00	467	137	1
21	2019.07.21 14:00	467	210	5
22	2019.07.21 14:00	467	253	6

Рис. 2. Пример первичной базы данных для конкретной ячейки (№ 467)

Источник: составлено авторами по данным Департамента информационных технологий г. Москвы.

В процессе формирования первичной базы данных специалистами Департамента информационных технологий Москвы было произведено обезличивание и очищение выборки звонков от сигналов модемов, планшетов, телефонов с двумя и более сим-картами, а также использованы калибровочные коэффициенты, позволяющие нивелировать погрешности, связанные с отсутствием мобильных телефонов у некоторых категорий населения (выполнено по закрытым методикам Департамента).

В рамках поставленных задач *требовалась первичная обработка данных*: агрегация численности абонентов ячеек прибытия по ячейкам-источникам, хронологическая сортировка полученной информации, привязка полученной информации к соответствующим районам Москвы и Московской области.

В настоящий момент времени существует большое количество инструментов по работе с данными: от разнообразных облачных хранилищ и связанных с ними возможностей обработки до таких сред программирования, как *R, Matlab, Anaconda/Python* и пр. Анализ структуры данных и первичный набор задач по их обработке привел к пониманию, что в этой ситуации наилучшим образом подходит механика реляционной базы данных, а в качестве подходящей среды – одна из реализаций *SQL*, поскольку исходная база данных представляет собой набор объемных таблиц. При этом требуется решить следующие задачи:

- операция суммирования численности абонентов ячеек прибытия с группировкой по совпадающим кодам ячеек;
- сортировка в хронологическом порядке;
- привязка ячеек к соответствующим территориям.

С этими задачами превосходно справляется любая *SQL*. При этом используется достаточной простой код для алгоритмов. Возможным ограничением при данном подходе является, безусловно, объем данных и возможности обработки на персональном компьютере. В распоряжении авторов имеется исходный набор данных в виде неупорядоченной таблицы с кодами ячеек и численностью абонентов ячеек, таблица с территориальными идентификаторами ячеек. Был разработан и протестирован скрипт, позволяющий провести операцию суммирования по однотипным ячейкам, отсортировать результат в хронологическом порядке и привязать к конкретной территории. Первичное графическое обобщение полученных результатов приведено на рисунках 3–4.

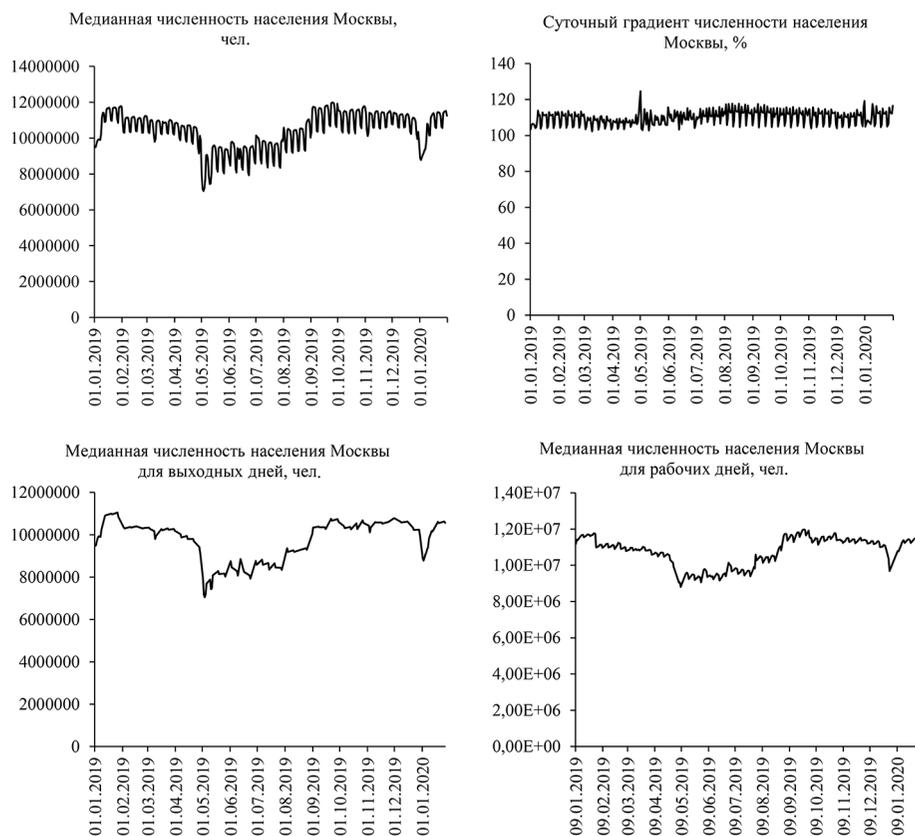

Рис. 3. Графики пульсаций численности населения в Москве, полученные на основе обработки данных сотовых операторов

Источник: рассчитано авторами по данным Департамента информационных технологий г. Москвы.

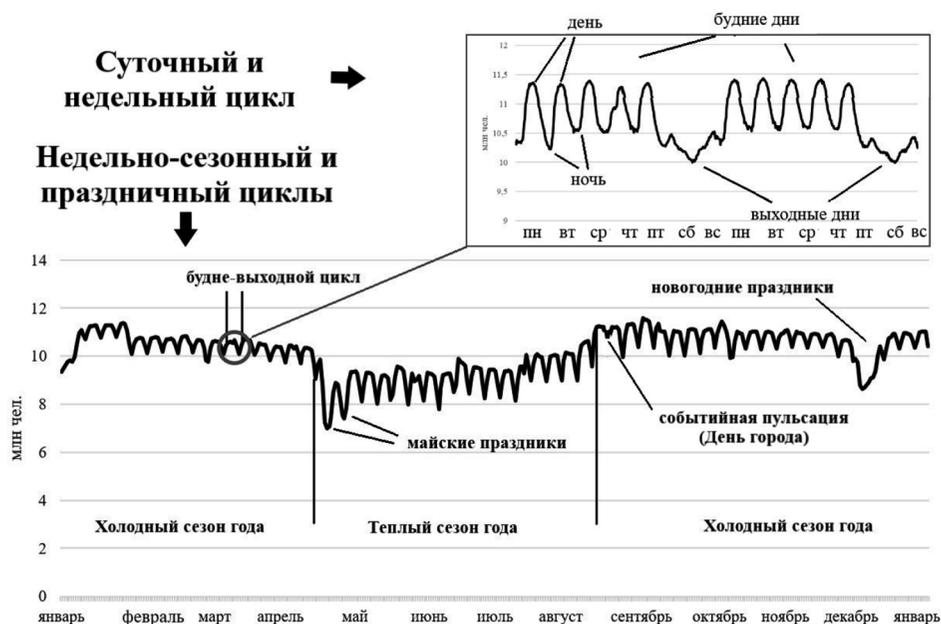

Рис. 4. Пульсационный ряд численности наличного населения г. Москвы в январе 2019 – январе 2020 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным Департамента информационных технологий г. Москвы.

Медианная численность населения наглядно демонстрирует флуктуации населения в недельном (множество локальных экстремумов /точек максимума/ в выходные дни в течение всего года) и сезонном (годовой минимум в летний период) циклах. Кроме того, ярко выделяются периоды майских и новогодних праздников. График со среднесуточными градиентами (градиент как разница максимального и минимального значения численности населения в каждой ячейке) демонстрирует повышенные градиенты для праздничных дней (при этом период новогодних праздников после 1 января характеризуется сниженными градиентами в силу меньшей мобильности горожан в эти дни). Графики медианной численности населения, построенные отдельно для будних и для выходных дней, подтверждают обозначенные выше закономерности. На основании первичного анализа годовой динамики было выделено два временных макросреза данных: холодный сезон года (с сентября по апрель) и теплый (с мая по август) с характерными для них закономерностями.

В качестве одной из первичных оценок произведена оценка численности наличного населения в пределах санитарно-защитных зон (далее — СЗЗ) потенциально опасных предприятий Москвы. Источником техногенной опасности в первую очередь являются предприятия, чей технологический цикл связан с применением либо хранением опасных веществ. С помощью геоинформационных методов и методов пространственного

анализа данных *в первом приближении выявлены ареалы максимального риска* (рассчитано количество и плотность наличного населения в границах СЗЗ опасных предприятий в разные периоды времени). За основу взята карта СЗЗ из Генплана Москвы.

Согласно проведенным расчетам, к наиболее уязвимым территориям Москвы можно отнести районы делового Центра, а также территории, примыкающие к третьему транспортному кольцу (окраина города в начале советской индустриализации), где, наряду с закрытием многих предприятий и строительством на их месте жилищных комплексов и переоборудованием зданий бывших цехов в офисы, значительная часть предприятий продолжает функционировать. Расчеты показали, что медианная среднегодовая плотность наличного населения в их пределах – более 10 тыс. чел./км². Тем не менее максимальная плотность (более 20 тыс. чел./км²) населения характерна для СЗЗ, в зону действия которых попадают крупные транзитные магистрали (как правило, данные СЗЗ имеют значительно меньшую площадь).

Для СЗЗ, находящихся на периферии Старой Москвы, частично примыкающих к МКАДу, или в Новой Москве, характерна относительно низкая плотность (менее 10 тыс. чел./км²): там в основном расположены работающие предприятия, и нет сильного тренда строительства жилья и офисов на месте промзон.

Важно отметить, что по нашим оценкам в пределах СЗС, т.е. ареалах повышенной опасности, не предназначенных для проживания населения, концентрируется от 14% (в ночное время) до 24% (в дневное) населения Москвы, т.е. порядка 1,6 и 3 млн чел. соответственно. Хотя данные официальных документах говорят лишь о десятках тысяч людей. Так, по данным ГАУ «Институт Генплана Москвы», в пределах СЗЗ проживает лишь 93,2 тыс. чел., что несопоставимо меньше полученных нами значений. Более того, согласно Генплану, эту цифру планируется свести до нулевых значений в ближайшие годы.

Этот пример наглядно демонстрирует, что *официально принятые оценки уязвимости населения нельзя считать репрезентативными*. В случае возникновения действительно крупной катастрофы в ареале ее воздействия может оказаться значительно больше людей, чем ожидалось. Это может существенным образом затруднить проведение эвакуационных мероприятий, вызвать нехватку сил и средств, направленных на ликвидацию чрезвычайной ситуации.

Поэтому перспектива данной работы состоит в том, что за счет наличия длинных рядов непрерывных и равноинтервальных измерений состояний системы расселения Москвы в каждой малой ячейке ее пространства появляется возможность нахождения наиболее вероятных состояний системы в заданные временные срезы. Иными словами, *появляется возможность перехода* от наиболее широко распространенных к настоящему моменту детерминированных и статистических оценок уязвимости населения к вероятностным (а стохастическая природа риска предполагает использование именно вероятностных мето-

дов). С прагматической точки зрения это означает, что спецслужбы экстренного реагирования даже за неимением доступа к оперативной информации о количестве населения в определенной локации в случае необходимости могут получить информацию о наиболее вероятной численности на основании результатов расчетов, которые будут получены по завершении данного исследования.

Список литературы

1. *Adhvaryu A., Uwe Deichmann.* Information Economics Aspects of Risk Reduction in Urban Settings // Development Research Group, World Bank, 2009. P. 37–52.
2. *Lall S., Deichmann U.* Density and Disasters: Economics of Urban Hazard Risk // The World Bank Research Observer. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 74–105.
3. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision (ST/ESA/SER.A/420). New York: United Nations, 2019. 126 p.
4. *Small C., Naumann T.* The Global Distribution of Human Population and Recent Volcanism // Global Environmental Change Part B: Environmental Hazards, 2001. P. 93–109.
5. *McGranahan G., Balk D., Anderson B.* The Rising Tide: Assessing the Risks of Climate Change and Human Settlements in Low Elevation Coastal Zones // Environment and Urbanization. 2007. No. 19 (1). P. 17–37.
6. *Бабурин В.Л., Бадина С.В.* Оценка социально-экономического потенциала территории, подверженной неблагоприятным и опасным природным явлениям // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2015. № 5. С. 9–16.
7. World Risk Report 2020 // Bündnis Entwicklung Hilft. URL: <http://weltrisikobericht.de/english> (дата обращения: 01.08.2021).
8. *Бадина С.В.* Прогнозирование социально-экономических рисков в криолитозоне Российской Арктики в контексте перспективных климатических изменений // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 55–65.
9. Measuring the Information Society Report // International Telecommunication Union Place des Nation. Geneva. 2014. 270 p.
10. *Caceres N., Wideberg J.P., Benitez F.G.* Deriving Origin-Destination Data From a Mobile Phone Network // IET Intelligent Transport Systems. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 15–26.
11. *Ramm K., Schwieger V.* Mobile Positioning for Traffic State Acquisition // Journal of Location Based Services. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 133–144.
12. *Pastinen V., Keskiikonen H., Vallenius J., Kivari M., Lehto H.* Paikannusmenetelmät osana henkilöliikennetutkimusta // Liikenneviraston tutkimuksia ja selvityksiä. 2017.
13. *Ahas R., Aasa A., Silm S., Tiru M.* Mobile Positioning Data in Tourism Studies and Monitoring: Case Study in Tartu, Estonia // Proceedings of the International Conference in Ljubljana: Information and Communication Technologies in Tourism. Slovenia, 2007. P. 119–128.
14. *Ouředníček M., Nemeškal J., Špačková P., Hampl M., Novak J.A.* A Synthetic Approach to the Delimitation of the Prague Metropolitan Area // Journal of Maps. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 26–33.
15. ESSnet Big Data. 2020 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cros/content/essnet-big-data_en (дата обращения 15.08.2021).

16. *Deville P., Linard C., Martine S., Gilbert M., Steven F., Gaughan A., Blondel V., Tatem A.* Dynamic Population Mapping Using Mobile Phone Data // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 45. P. 15888–15893.
17. *Lu X., Bengtsson L., Holme P.* Predictability of Population Displacement after the 2010 Haiti Earthquake // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 109. No. 29. P. 11576–11581.
18. *Tizzoni M., Bajardi P., Decuyper A., King G., Schneider C., Blondel V., Smoreda Z., González M., Colizza V.* On the Use of Human Mobility Proxies for Modeling Epidemics // PLoS computational biology. 2014. Vol. 10. No. 7. P. 1–35.
19. *Wesolowski A., Eagle N., Tatem A., Smith D.L.* Quantifying the Impact of Human Mobility on Malaria // Science. 2012. Vol. 338. No. 6104. P. 267–270.
20. *Grantz K.H., Meredith H.R., Cummings D.A. et al.* The Use of Mobile Phone Data to Inform Analysis of COVID-19 Pandemic Epidemiology // Nature communications. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 1–8.
21. *Oliver N., Lepri B., Sterly H., Lambiotte R.* Mobile Phone Data for Informing Public Health Actions Across the COVID-19 Pandemic Life Cycle // Science Advances. 2020. No. 6 (23). DOI:10.1126/sciadv.abc0764
22. *Parker M.J., Fraser C., Abeler-Dörner L., Bonsall D.* Ethics of Instantaneous Contact Tracing Using Mobile Phone Apps in the Control of the COVID-19 Pandemic // Journal of Medical Ethics. 2020. Vol. 46. No. 7. P. 427–431.
23. *Csáji B., Browet A., Traag V.A., Delvenne J.-C., Huens E., Van Dooren P., Smoreda Z., Blondel V.* Exploring the Mobility of Mobile Phone Users // Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications. 2013. Vol. 392. No. 6. P. 1459–1473.
24. *Tiru M.* Overview of the Sources and Challenges of Mobile Positioning Data for Statistics // International Conference on Big Data for Official Statistics. Beijing, 2014. P. 1–26.
25. *Ratti C.* Mobile Landscape: Graz in Real Time // Proceedings of 3rd Symposium on 1 & TeleCartography. Vienna University of Technology, 2005. P. 28–30.
26. *Ahas R., Silm S., Järv O., Saluveer E., Tiru M.* Using Mobile Positioning Data to Model Locations Meaningful to Users of Mobile Phones // Journal of Urban Technology. 2010. Vol. 17. No. 1. P. 3–27.
27. *Calabrese F., Diao M., Lorenzo D., Ferreira J., Ratti C.* Understanding Individual Mobility Patterns from Urban Sensing Data: A Mobile Phone Trace Example // Transportation Research Part C: Emerging Technologies. 2013. Vol. 26. P. 301–313.
28. *Real Time Rome* // Senseable City Laboratory. URL: <http://senseable.mit.edu/realtimerome> (дата обращения 23.10.2021).
29. *Andrienko G., Andrienko N.* Spatio-Temporal Aggregation for Visual Analysis of Movements // Visual Analytics Science and Technology Conference. Columbus : IEEE, 2008. P. 51–58.
30. *Ruslani A., Madjida W.O.Z., Nugroho A.R.S.* The Use of Mobile Positioning Data to Obtain Accommodation Statistics: Case Study of Indonesia // Asia-Pacific Economic Statistics Week 2019. Bangkok, 2019. 19 p.
31. *Versichele M., Neutens T., Goudeseune S., Bossche van F., Weghe V.de.W.* Mobile Mapping of Sporting Event Spectators Using Bluetooth Sensors: Tour of Flanders 2011 // Sensors. 2012. Vol. 12. No. 10. P. 14196–14213.
32. *Football Cup Visitors Analysis* // Habidatum. 2017. URL: <https://projects.habidatum.com/#football-cup-visitors-analysis> (дата обращения: 25.10.2021).
33. *Бадина С.В., Бабкин Р.А.* Оценка уязвимости наличного населения Москвы к природным и техногенным опасностям // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27. № 4. С. 184–201.
34. *Бабкин Р.А., Бадина С.В.* Анализ уязвимости населения Москвы к угрозам природного и техногенного характера (с использованием данных сотовых

операторов) // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 44-ой Международной научной школы-семинара, г. Воронеж, 4–9 октября 2021 г. / под ред. В.Г. Гребенникова, И.Н. Щепиной. Воронеж: Истоки, 2021. С. 190–195.

35. Бадина С.В., Бабкин Р.А. Оценка уязвимости наличного населения городов к природным и техногенным опасностям с использованием данных мобильных операторов // Закономерности формирования и воздействия морских, атмосферных опасных явлений и катастроф на прибрежную зону РФ в условиях глобальных климатических и промышленных вызовов (Опасные явления – III): материалы III Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2021. С. 325–329.

References

1. Adhvaryu A., Uwe Deichmann. Information Economics Aspects of Risk Reduction in Urban Settings, *Development Research Group, World Bank*, 2009, pp. 37–52.
2. Lall S., Deichmann U. Density and Disasters: Economics of Urban Hazard Risk, *The World Bank Research Observer*, 2012, Vol. 27, No.1, pp. 74–105.
3. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019), *World Urbanization Prospects: The 2018 Revision (ST/ESA/SER.A/420)*. New York: United Nations. 126 p.
4. Small C., Naumann T. The Global Distribution of Human Population and Recent Volcanism, *Global Environmental Change Part B: Environmental Hazards*, 2001. pp. 93–109.
5. McGranahan G., Balk D., Anderson B. The Rising Tide: Assessing the Risks of Climate Change and Human Settlements in Low Elevation Coastal Zones, *Environment and Urbanization*, 2007, No. 19 (1), pp. 17–37.
6. Baburin V.L., Badina S.V. Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala territorii, podverzhennoi neblagopriyatnym i opasnym prirodnyim iavleniiam [Assessment of the Socio-Economic Potential of a Territory Subject to Unfavorable and Hazardous Natural Phenomena], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiia* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography], 2015, No. 5, pp. 9–16. (In Russ.).
7. World Risk Report 2020, *Bündnis Entwicklung Hilft*. Available at: <http://weltrisikobericht.de/english> (accessed 01 August 2021).
8. Badina S.V. Prognozirovaniye sotsial'no-ekonomicheskikh riskov v kriolitozone Rossiiskoi Arktiki v kontekste perspektivnykh klimaticheskikh izmenenii [Forecasting Socio-Economic Risks in the Permafrost Zone of the Russian Arctic in the Context of Promising Climatic Changes], *Problemy prognozirovaniia* [Problems of forecasting], 2020, No. 4, pp. 55–65. (In Russ.).
9. Measuring the Information Society Report, *International Telecommunication Union Place des Nation*. Geneva, 2014, 270 p.
10. Caceres N., Wideberg J.P., Benitez F.G. Deriving origin–destination data from a mobile phone network, *IET Intelligent Transport Systems*, 2007, Vol. 1, No. 1, pp. 15–26.
11. Ramm K., Schwieger V. Mobile Positioning for Traffic State Acquisition, *Journal of Location Based Services*, 2007, Vol. 1, No. 2, pp. 133–144.
12. Pastinen V., Keskiikonen H., Vallenius J., Kivari M., Lehto H. Paikannusmenetelmät osana henkilöliikennetutkimusta, *Liikenneviraston tutkimuksia ja selvityksiä*, 2017.
13. Ahas R., Aasa A., Silm S., Tiru M. Mobile Positioning Data in Tourism Studies and Monitoring: Case Study in Tartu, Estonia, *Proceedings of the Inter-national*

Conference in Ljubljana: Information and Communication Technologies in Tourism, Slovenia, 2007, pp. 119–128.

14. Ouředníček M., Nemeškal J., Špačková P., Hampl M., Novak J.A. A Synthetic Approach to the Delimitation of the Prague Metropolitan Area, *Journal of Maps*, 2018, Vol. 14, No. 1, pp. 26–33.

15. ESSnet Big Data. 2020, *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/cros/content/essnet-big-data_en (accessed 15 August 2021).

16. Deville P., Linard C., Martine S., Gilbert M., Steven F., Gaughan A., Blondel V., Tatem A. Dynamic Population Mapping Using Mobile Phone Data, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2014, Vol. 111, No. 45, pp. 15888–15893.

17. Lu X., Bengtsson L., Holme P. Predictability of Population Displacement after the 2010 Haiti Earthquake, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, Vol. 109, No. 29, pp. 11576–11581.

18. Tizzoni M., Bajardi P., Decuyper A., King G., Schneider C., Blondel V., Smoreda Z., González M., Colizza V. On the Use of Human Mobility Proxies for Modeling Epidemics, *PLoS computational biology*, 2014, Vol. 10, No. 7, pp. 1–35.

19. Wesolowski A., Eagle N., Tatem A., Smith D.L. Quantifying the Impact of Human Mobility on Malaria, *Science*, 2012, Vol. 338, No. 6104, pp. 267–270.

20. Grantz K.H., Meredith H.R., Cummings D.A. et. al. The Use of Mobile Phone Data to Inform Analysis of COVID-19 Pandemic Epidemiology, *Nature communications*, 2020, Vol. 11, No. 1, pp. 1–8.

21. Oliver N., Lepri B., Sterly H., Lambiotte R. Mobile Phone Data for Informing Public Health Actions Across the COVID-19 Pandemic Life Cycle, *Science Advances*, 2020, No. 6 (23). DOI:10.1126/sciadv.abc0764

22. Parker M.J., Fraser C., Abeler-Dörner L., Bonsall D. Ethics of Instantaneous Contact Tracing Using Mobile Phone Apps in the Control of the COVID-19 Pandemic, *Journal of Medical Ethics*, 2020, Vol. 46, No. 7, pp. 427–431.

23. Csáji B., Browet A., Traag V.A., Delvenne J.-C., Huens E., Van Dooren P., Smoreda Z., Blondel V. Exploring the Mobility of Mobile Phone Users, *Physica A: statistical mechanics and its applications*, 2013, Vol. 392, No. 6, pp. 1459–1473.

24. Tiru M. Overview of the Sources and Challenges of Mobile Positioning Data for Statistics, *International Conference on Big Data for Official Statistics*. Beijing, 2014, pp. 1–26.

25. Ratti C. Mobile Landscape: Graz in Real Time, *Proceedings of 3rd Symposium on 1 & TeleCartography*. Vienna University of Technology, 2005, pp. 28–30.

26. Ahas R., Silm S., Järvi O., Saluveer E., Tiru M. Using Mobile Positioning Data to Model Locations Meaningful to Users of Mobile Phones, *Journal of Urban Technology*, 2010, Vol. 17, No. 1, pp. 3–27.

27. Calabrese F., Diao M., Lorenzo D., Ferreira J., Ratti C. Understanding Individual Mobility Patterns from Urban Sensing Data: A Mobile Phone Trace Example, *Transportation research part C: emerging technologies*, 2013, Vol. 26, pp. 301–313.

28. Real Time Rome, *Senseable City Laboratory*. Available at: <http://senseable.mit.edu/realtimerome> (accessed 23 October 2021).

29. Andrienko G., Andrienko N. Spatio-Temporal Aggregation for Visual Analysis of Movements, *Visual Analytics Science and Technology conference*, Columbus, IEEE, 2008, pp. 51–58.

30. Ruslani A., Madjida W.O.Z., Nugroho A.R.S. The Use of Mobile Positioning Data to Obtain Accommodation Statistics: Case Study of Indonesia, *Asia-Pacific economic statistics week 2019*. Bangkok, 2019, 19 p.

31. Versichele M., Neutens T., Goudeseune S., Bossche van F., Weghe V.de.W. Mobile mapping of sporting event spectators using Bluetooth sensors: Tour of Flanders 2011, *Sensors*, 2012, Vol. 12, No. 10, pp. 14196–14213.

32. Football Cup Visitors Analysis, *Habidatum*, 2017. Available at: <https://projects.habidatum.com/#football-cup-visitors-analysis> (accessed 25 October 2021).

33. Badina S.V., Babkin R.A. Otsenka uiazvimosti nalichnogo naseleniia Moskvy k prirodnyim i tekhnogennym opasnostiam [Assessment of the Vulnerability of the Existing Population of Moscow to Natural and Man-Made Hazards], *InterKarto. InterGIS* [InterKarto. InterGIS], 2021, Vol. 27, No. 4, pp. 184–201. (In Russ.).

34. Babkin R.A., Badina S.V. Analiz uiazvimosti naseleniia Moskvy k ugrozam prirodного i tekhnogennogo kharaktera (s ispol'zovaniem dannykh sotovykh operatorov) [Analysis of the Vulnerability of the Moscow Population to Natural and Man-Made Threats (Using Data from Cellular Operators)]. *Sistemnoe modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov: trudy 44-oi Mezhdunarodnoi nauchnoi shkoly-seminara, g. Voronezh, 4–9 oktiabria 2021 g.* [System Modeling of Socio-Economic Processes: Proceedings of the 44th International Scientific School-Seminar, Voronezh, October 4–9, 2021], edited by V.G. Grebennikova, I.N. Shchepinovi. Voronezh, Istoki, 2021, pp. 190–195. (In Russ.).

35. Badina S.V., Babkin R.A. Otsenka uiazvimosti nalichnogo naseleniia gorodov k prirodnyim i tekhnogennym opasnostiam s ispol'zovaniem dannykh mobil'nykh operatorov [Assessment of the Vulnerability of the Current Population of Cities to Natural and Man-Made Hazards Using the Data of Mobile Operators], *Zakonomernosti formirovaniia i vozdeistviia morskikh, atmosferynykh opasnykh iavlenii i katastrof na pribrezhnuuiu zonu RF v usloviakh global'nykh klimaticheskikh i industrial'nykh vyzovov (Opasnye iavleniia – III): materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Patterns of the Formation and Impact of Marine, Atmospheric Hazards and Disasters on the Coastal Zone of the Russian Federation in the Context of Global Climatic and Industrial Challenges (Hazardous phenomena – III): materials of the III International Scientific Conferences]. Rostov-na-Donu, IuNTs RAN, 2021, pp. 325–329. (In Russ.).

PROSPECTS FOR THE USE OF MOBILE OPERATOR DATA IN STUDIES OF NATURAL AND MAN-MADE RISK

The article proposes a conceptual substantiation of the possibility of using the cellular operators data in order to assess the population vulnerability in the natural risk studies. Cellular operators data allow obtaining information on the differentiation of the population vulnerability in a large city (the article provides the case of Moscow) to natural and man-made hazards, taking into account the actual population size and its movement within different time cycles (daily, weekly, seasonal). A reliable information of how many people are at each point of the urban space at a certain point in time will allow not only to timely assess the most likely number of people in the potential danger area, thereby simplifying the work of specialized emergencies services, but also to competently develop a set of preventive measures in accordance with the real need.

Keywords: population vulnerability, natural and man-made risks, Moscow, data of mobile operators.

JEL: O18; R23; J28

Дата поступления – 13.12.2021 г.

БАДИНА Светлана Вадимовна

кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: bad412@yandex.ru

БАБКИН Роман Александрович

кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

БЕРЕЗНЯЦКИЙ Александр Николаевич

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: artandtech@yandex.ru

BADINA Svetlana V.

Cand. Sc. (Geography), Senior Researcher of the Research Laboratory «Regional Policy and Regional Investment Processes»;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: bad412@yandex.ru

BABKIN Roman A.

Cand. Sc. (Geography), Senior Researcher of the Research Laboratory «Regional Policy and Regional Investment Processes»;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

BEREZNYATSKY Alexander N.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Research Laboratory «Regional Policy and Regional Investment Processes»;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: artandtech@yandex.ru

Для цитирования:

Бадина С.В., Бабкин Р.А., Березняцкий А.Н. Перспективы применения данных сотовых операторов в исследованиях природного и техногенного риска // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 111–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-111-126>

С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, А.Р. БАХТИЗИН, С.В. БОРИСОВА,
А.В. КОЛЬЧУГИНА, Л.Н. ЛЫКОВА

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В научной литературе растет число публикаций, посвященных воздействию пандемии COVID-19 на ситуацию в национальных экономиках. Количество исследований, в которых данная проблема рассматривается на региональном уровне, значительно меньше. Вместе с тем по причине различий в уровнях развития воздействие пандемии на региональные экономики различно и отличается от фиксируемого на макроуровне. Представляемые в статье результаты исследований продолжают начатую в 2012 г. публикацию ежегодных аналитик трендов развития экономик субъектов Российской Федерации, однако базируются на новой методологии. Используемые при анализе показатели более не соотносятся с валовым региональным продуктом. Авторами предпринята попытка определить наличие взаимосвязи между качеством социальной среды регионов и осуществляемой на его территории хозяйственной деятельностью; конкретизировать источники финансирования развития социальной среды субъектов Федерации. Выявлены группы регионов, где обеспечение определенного уровня социального благополучия может быть достигнуто за счет развития собственной экономики, а также субъекты, где в краткосрочном периоде это не представляется возможным. Во всех группах регионов, кроме второй, зафиксировано отсутствие жесткой корреляции между уровнями социального благополучия и хозяйственной активности. Показано, что существенную роль в поддержке социального благополучия в большинстве субъектов Российской Федерации играют трансферты из федерального бюджета. Именно они в значительной мере компенсируют недостаточность хозяйственной активности для финансирования расходов. Ставится вопрос о необходимости перехода к разумно-асимметричной модели выстраивания отношений между федеральным Центром и субъектами Федерации и адекватной ей разумно-асимметричной модели межбюджетных отношений.

Ключевые слова: регион, бюджетный федерализм, федеративные отношения, региональная экономика, тренды развития, пандемия.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Начиная с 2012 г., нами ежегодно публиковался анализ трендов развития экономик субъектов Российской Федерации с целью определения их готовности к инновационной модернизации. Анализ, осуществлявшийся на основе интегральной оценки их инвестиционного и социального потенциалов,¹ позволил сделать четыре ежегодно подтверждавшихся вывода.

1. Субъекты Российской Федерации, вне зависимости от отраслевой принадлежности расположенных на их территории предприятий, образуют четыре группы² и по три подгруппы³ в каждой из групп.

2. Основная часть субъектов Российской Федерации не покидает свои группы и подгруппы даже в условиях кризисов.

3. Тренды к инновационной модернизации демонстрируют не только субъекты Федерации с высоким рейтингом, но и регионы с низким рейтингом.

4. Большинство региональных экономик входит в подгруппы без определенного тренда развития.

Два последних вывода мы полагаем особенно важными.

Третий, свидетельствует о том, что пространственная картина перехода российской экономики к инновационной модели развития более пестра, нежели видится сквозь призму реализуемой в стране модели межбюджетных отношений либо Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Четвертый вывод подтверждает недостаточный уровень готовности значительного числа региональных экономик к инновационной модернизации, что во многом – прямое следствие использования общей для всех типов субъектов Российской Федерации модели государственной региональной политики.

При этом *недостаток подхода* состоял в возможности анализа ситуации только за предыдущий год, потому что ряд основных показателей, на базе которых проводилась интегральная оценка инвестиционного и социального потенциалов российских регионов, соотносились с валовым региональным продуктом.

Данная методологическая слабость в полной мере раскрылась в период пандемии COVID-19. В условиях неясности и неочевидности трендов развития региональных экономик в год проведения расчетов бессмысленно стало характеризовать тренды развития регионов с задержкой на год.

Было понятно, что I и, отчасти, II кварталы 2000 г. *в силу инерционности социально-экономических процессов* впишутся в тренды развития выделенных нами групп и подгрупп субъектов Российской Федерации. Не менее очевидно было и то, что локдаун уже с III квартала (что под-

¹ Краткое изложение методики рейтингования субъектов Российской Федерации см. в [1].

² I – регионы с низким рейтингом (значение интегрального индекса менее 50); II – регионы с рейтингом ниже среднего (значение индекса менее 75); III – регионы с рейтингом выше среднего (значение индекса менее 100); IV – регионы с высоким рейтингом (значение индекса свыше 100).

³ Подгруппа со статистически значимым нисходящим трендом; подгруппа без определенного тренда; подгруппа со статистически значимым восходящим трендом.

твердила практика) отразится на характере социально-экономических процессов на национальном и региональных уровнях. Но ни один метод анализа (включая макроэкономические), в т.ч. и наш, не способен был внятно показать, как эти экономики поведут себя и с какими потерями (или приобретениями) выйдут из кризиса.

А поскольку было понятно, что за первой волной пандемии последует, минимум, вторая, стала понятна очевидная необходимость корректировки методологии. Результаты данной корректировки представлены ниже.

Гипотеза и методология

Несмотря на отмеченный недостаток, применявшийся ранее методологический подход обладал тем *преимуществом*, что отслеживал *тренды* развития экономик субъектов Российской Федерации. Для региональных исследований это принципиально важно, т.к. специфика экономика-географических процессов – *их инерционность*. Поэтому, разрабатывая новый метод, как и в предшествующих исследованиях, мы ориентировались на анализ средне- и долговременных временных трендов их развития.

Как и ранее, мы исходили из того, что наличие кадров, способных освоить современные технологии, обеспечивает устойчивость развития региональных экономик. Поэтому **первый вопрос**, требовавший ответа, сводился к определению *взаимосвязи между качеством социальной среды региона и осуществляемой на его территории хозяйственной деятельностью*. Если эта взаимосвязь существует, то место региона в его сравнении с другими субъектами Федерации по качеству социальной среды должно совпадать с местом, которое его экономика занимает по уровню хозяйственной деятельности.

Такая постановка предопределила выбор статистических показателей, базировавшийся на *принципе «минимальной достаточности»*. В результате были избраны три группы показателей, характеризующих качество уровня жизни населения⁴ и две группы показателей, отражающие ситуацию с инвестиционным климатом в субъектах Российской Федерации⁵.

⁴ 1. *Трудовые ресурсы* (уровень безработицы; изменение среднегодовой численности занятых / среднегодовая численность занятых; миграционный прирост населения; средняя заработная плата; темпы роста средней заработной платы). 2. *Доходы населения и потребление* (среднедушевые денежные доходы населения; отношение среднедушевых денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; розничный товароборот на душу населения; индекс потребительских цен). 3. *Качество жизни и социальные услуги* (ввод в действие жилых домов м² на 1 000 чел. населения; объем платных услуг на душу населения; заболеваемость на 1 000 чел. населения; уровень младенческой смертности; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; естественный прирост населения).

⁵ 1. *Инвестиции* (объем инвестиций в основной капитал на душу населения; темпы роста инвестиций в основной капитал; темпы роста частных инвестиций в основной капитал; темпы роста бюджетных инвестиций в основной капитал; отношение инвестиций /за вычетом бюджетных/ к прибыли или финансовому результату). 2. *Степень хозяйственной активности* (динамика задолженности юридических лиц по кредитам; индекс цен производителей; темпы роста грузооборота; темпы роста поступлений налогов на совокупный доход /косвенный показатель активности малого бизнеса/).

Однако, как показали исследования прошлых лет, прямая связь между уровнями развития социальной среды и экономики субъекта порой не прослеживается. Это потребовало ответа на **второй вопрос**: каковы источники финансирования процесса развития социальной составляющей экономического пространства субъектов Федерации.

Для этого важно понять, в какой мере ситуация в социальной сфере *коррелирует с уровнем развития экономики региона*, а в какой является следствием действующей системы федеральных трансфертов. Также нужно выяснить, способствует ли действующая система трансфертов *на достаточно продолжительном временном горизонте* постепенному переходу субъекта Российской Федерации к повышению уровня социального благополучия за счет роста региональной экономики, либо она сохраняет сложившуюся зависимость социального блока от федеральной поддержки. С целью определения того, насколько субъект Федерации *самодостаточен* в решении социальных проблем, введен показатель «Обеспеченность расходов собственными доходами». При оценке всех индексов по всем блокам использовались нормированные значения показателей. Нормирование производилось путем линейного преобразования показателя для каждого года. В том случае, если максимальное значение имело характер «выброса», использовалось следующее за ним значение.

Для ответа на первый вопрос были сформированы два блока показателей – социальный и хозяйственная деятельность. Приоритет социальной составляющей анализа predeterminedил вес блоков (см. табл. 1).

Максимальный присваивался социальному блоку, минимальный – бюджетному (обеспеченности расходов собственными доходами⁶).

Т а б л и ц а 1

Система показателей

Наименование блоков и показателя	Вес
Блок 1. Социальный	0,5
Блок 2. Хозяйственная деятельность	0,3
Обеспеченность расходов собственными доходами	0,2

Источник: составлено авторами.

Далее субъекты Российской Федерации были сгруппированы:

- по значению индекса;
- по стабильности результатов в рассматриваемом периоде.

⁶ В рамках данного исследования под «собственными» доходами понимались доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за вычетом всех видов трансфертов из федерального бюджета.

Группировка регионов в социальном блоке, в блоке «Хозяйственная деятельность» и в итоговом индексе позволила выделить следующие крупные категории:

- **группа I** – регионы с высоким рейтингом – группа благополучных регионов с устойчивым трендом развития (значение индекса по блокам показателей и итоговому индексу свыше 0,5 в течение рассматриваемого периода /с 2016 г. по 2020 г. включительно/);
- **группа I-м** – группа благополучных регионов с неустойчивым трендом развития, (регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группой I с высоким значением индекса и группой II со средним значением индекса менее 0,5, но выше 0,4);
- **группа II** – регионы со стабильным средним значением индекса в течение рассматриваемого периода (значение индекса по блокам показателей и итоговому индексу ниже 0,5, но выше 0,4);
- **группа II-м** – группа регионов со средним, но неустойчивым, уровнем благополучия (регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса /менее 0,4/);
- **группа III** – группа неблагополучных регионов с устойчивым трендом (регионы с низким значением индекса в течение всего рассматриваемого периода /значение индекса по блокам показателей и итоговому индексу ниже 0,4/);
- **группа III-м** – группа регионов с выражено неустойчивым трендом развития, мигрирующих в рассматриваемый период между группами с высоким, средним и низким значением индекса (I, II и III).

Самостоятельно был рассмотрен бюджетный показатель – отношение доходов регионального бюджета (без учета трансфертов) к расходам. Данный показатель характеризует обеспечение социального благополучия в регионе за счет экономики региона. При этом значение показателя свыше 0,8 (нормированное значение – отношение фактического показателя к максимальному значению) было принято как высокий уровень бюджетного самообеспечения, значение от 0,5 до 0,8 – как среднее значение, ниже 0,5 – низкий уровень бюджетного самообеспечения.

Социальный блок: группировка субъектов Российской Федерации и трендов их развития

По социальному блоку в **группу I** – со стабильно высоким рейтингом за рассматриваемый период (группу благополучных регионов с устойчивым трендом развития) – вошло 9 субъектов Российской Федерации (см. табл. 2): столичные регионы (г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область); нефтедобывающие регионы (Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа, Сахалинская область); Магаданская область; Краснодарский край.

Бесспорным лидером по блоку является г. Москва (см. рис. 1).

Т а б л и ц а 2

Значение индексов для группы I по годам

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	г. Москва	0,737549	0,638531	0,702821	0,767877	0,698334
2	Московская область	0,641122	0,631936	0,594872	0,642438	0,652685
3	Ямало-Ненецкий АО	0,691156	0,622711	0,625024	0,654395	0,644139
4	Магаданская область	0,553001	0,51506	0,503913	0,549381	0,585247
5	Сахалинская область	0,58378	0,523752	0,558826	0,56965	0,580636
6	Краснодарский край	0,598717	0,514482	0,516366	0,539507	0,565314
7	г. Санкт-Петербург	0,663801	0,596106	0,580186	0,595791	0,550614
8	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,539425	0,504716	0,542029	0,571778	0,54892
9	Ненецкий АО	0,575564	0,522155	0,610328	0,56223	0,530854

Источник: здесь и далее рассчитано авторами по [2; 3].

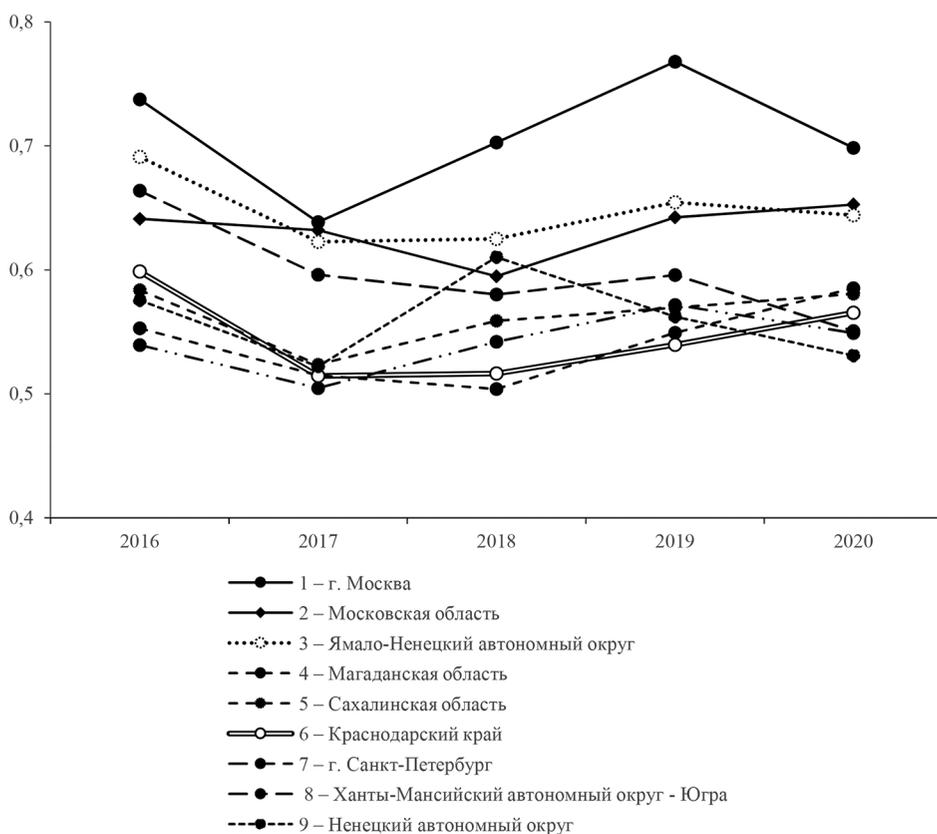

Рис. 1. Динамика индекса социального блока регионов I группы по годам

Источник: составлено авторами.

Значения индекса социального блока в группе I колебались по годам.

В г. Москве наивысшее значение отмечалось в 2019 г. (до начала пандемии), наименьшее – в 2017 г. В пандемию (2020 г.) индекс снизился не выражено⁷ (на 0,06 п.), в то время как в 2017 г. – на 0,1 п. по сравнению с предыдущим годом. Из анализа первичных данных следует, что эти колебания в основном обусловлены изменениями коэффициента естественного прироста населения⁸. Выраженные колебания отмечаются также по коэффициенту миграционного прироста⁹.

Более значительное снижение индекса в 2020 г. отмечается в Ненецком АО и г. Санкт-Петербурге.

При этом в г. Санкт-Петербурге ситуация отличается от других регионов – весь рассматриваемый период происходит постепенное снижение социального индекса. Если в 2016 г. регион занимал третье место после г. Москвы и Ямало-Ненецкого АО, то в 2020 г. его значение упало на 0,11 п. за весь период, и регион опустился на 7 место.

Исходя из первичных данных, снижение, как и в г. Москве, но более выражено, наблюдается в показателе «естественный прирост населения»¹⁰. Отмечаются и выраженные колебания в показателе миграционного прироста¹¹.

В группу I-м (группа благополучных регионов с неустойчивым трендом развития, мигрирующих между группой I и группой II) входят 11 субъектов Российской Федерации. При этом в 2020 г. 7 из них вошли в группу I.

Наихудшие результаты (наименьшее число регионов входило в группу I с высокими значениями индекса) отмечались в 2017 и 2018 гг. В 2017 г. только три субъекта входили в группу с высоким рейтингом по социальному блоку – Ленинградская и Белгородская области, Республика Татарстан.

В 2018 г. результаты были еще ниже. Только Республика Саха (Якутия) и Тюменская область (без автономных округов) входили в группу с высоким рейтингом (см. табл. 3).

Группа II – регионы со средним значением индекса в течение рассматриваемого периода (значение индекса по блокам показателей и итоговому индексу ниже 0,5, но выше 0,4).

В группе со стабильно средними значениями индекса социального блока – 10 субъектов Федерации. При этом самые высокие значения у большинства регионов отмечались в 2016 г., самые низкие – в 2018 г. (см. табл. 4).

⁷ Напомним, данный индекс отражает не динамику уровня социального благополучия как такового, а эту динамику относительно других регионов. В первую очередь региона с наиболее высокими показателями.

⁸ Коэффициент естественного прироста населения в г. Москве: 2016 г. – 1,8; 2017 г. – 1,1; 2018 г. – 0,8; 2019 г. – 1,2; 2020 г. – -2,0.

⁹ Коэффициент миграционного прироста в г. Москве: 2016 г. – 24; 2017 г. – 89; 2018 г. – 79; 2019 г. – 38.

¹⁰ Коэффициент естественного прироста населения в г. Санкт-Петербурге: 2016 г. – 2,1; 2017 г. – 1,1; 2018 г. – 0,8; 2019 г. – 0,0; 2020 г. – -3.

¹¹ Коэффициент миграционного прироста в г. Санкт-Петербурге: 2016 г. – 85; 2017 г. – 121; 2018 г. – 52; 2019 г. – 27.

Т а б л и ц а 3

Регионы, мигрирующие между I и II группами*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Чукотский АО	0,524687	0,497716	0,442377	0,532475	0,605701
2	Ленинградская область	0,524317	0,513426	0,497954	0,550975	0,588789
3	Республика Саха (Якутия)	0,534341	0,474208	0,575058	0,524134	0,545990
4	Камчатский край	0,455160	0,470292	0,468170	0,504535	0,545684
5	Тюменская область без АО	0,576049	0,497765	0,516953	0,533374	0,537811
6	Республика Татарстан	0,566529	0,511926	0,485052	0,524344	0,525150
7	Белгородская область	0,546576	0,500632	0,438533	0,513243	0,517279
8	Липецкая область	0,502055	0,479194	0,425374	0,503456	0,496442
9	г. Севастополь	0,483068	0,473069	0,493215	0,513607	0,474392
10	Воронежская область	0,507913	0,481749	0,446734	0,499097	0,458958
11	Республика Башкортостан	0,510442	0,456212	0,423028	0,449413	0,444895

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Т а б л и ц а 4

Значение индексов для группы II по годам

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Хабаровский край	0,496438	0,434349	0,452222	0,424138	0,487916
2	Свердловская область	0,478978	0,467759	0,445422	0,479239	0,487903
3	Ростовская область	0,488255	0,431630	0,407402	0,468128	0,483628
4	Мурманская область	0,467109	0,411702	0,411412	0,463671	0,482705
5	Калужская область	0,467236	0,420508	0,415079	0,458117	0,481942
6	Калининградская область	0,490410	0,421087	0,414638	0,461803	0,458433
7	Самарская область	0,474132	0,448280	0,414703	0,457897	0,436234
8	Красноярский край	0,465216	0,431049	0,440350	0,433178	0,434926
9	Архангельская область без АО	0,441282	0,426722	0,405128	0,418601	0,434822
10	Новосибирская область	0,474537	0,444336	0,406359	0,439152	0,428835

Источник: составлено авторами.

Группа II-м – группа регионов со средним, но неустойчивым, уровнем благополучия (регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса (менее 0,4).

Это самая многочисленная группа рейтинга – 40 субъектов Российской Федерации (чуть меньше половины всех регионов). При этом самое большое количество регионов, входящих в группу со средним значением, отмечается в 2016 г. – 35 регионов. В этом году только 5 регионов из этой группы входили в группу с низким значением индекса.

Практически половина субъектов Российской Федерации входила в группу со средним значением в 2019 и 2020 гг. Наихудшие результаты отмечаются в 2017 и в 2018 гг., когда, наоборот, большая часть субъектов входила в более низкую группу рейтинга. В 2017 г. только 7 регионов, а в 2018 г. только 4 региона входили в группу со средним значением индекса. Остальные из 40 регионов группы – в группу с низкими значениями рейтинга (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5

*Регионы, мигрирующие между группами II и III**

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6	7
1	Нижегородская область	0,472435	0,414688	0,376536	0,457050	0,452962
2	Пермский край	0,467848	0,437059	0,399444	0,442139	0,452880
3	Тамбовская область	0,458099	0,447449	0,376342	0,413557	0,444023
4	Курская область	0,440247	0,413222	0,356985	0,430364	0,441273
5	Республика Адыгея	0,430482	0,394505	0,401059	0,458593	0,436629
6	Тверская область	0,393668	0,394340	0,367527	0,437730	0,433580
7	Брянская область	0,410467	0,353456	0,367062	0,407751	0,430506
8	Тульская область	0,435927	0,393527	0,367957	0,455941	0,429212
9	Приморский край	0,421234	0,389614	0,391724	0,413336	0,420780
10	Орловская область	0,389026	0,365286	0,350172	0,354256	0,420639
11	Оренбургская область	0,460234	0,363098	0,368214	0,399599	0,416498
12	Волгоградская область	0,425396	0,375756	0,368348	0,395170	0,414869
13	Республика Карелия	0,406481	0,311225	0,364710	0,415863	0,405018
14	Ярославская область	0,406593	0,381274	0,363265	0,393869	0,404450
15	Челябинская область	0,408794	0,364747	0,374233	0,402928	0,404367
16	Амурская область	0,408342	0,433027	0,371913	0,383372	0,403156
17	Вологодская область	0,423095	0,367446	0,364661	0,406136	0,401892

* Примечание. Упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

О к о н ч а н и е т а б л . 5

1	2	3	4	5	6	7
18	Ульяновская область	0,434416	0,390806	0,345507	0,410309	0,401088
19	Удмуртская Республика	0,455592	0,415980	0,367269	0,411581	0,399351
20	Рязанская область	0,459814	0,380529	0,342626	0,435573	0,396022
21	Новгородская область	0,443678	0,368787	0,338674	0,381651	0,395835
22	Владимирская область	0,381465	0,374373	0,343950	0,424001	0,394846
23	Республика Коми	0,423648	0,393707	0,376374	0,399050	0,391579
24	Кировская область	0,432790	0,390543	0,343674	0,389240	0,389110
25	Республика Крым	0,315473	0,395212	0,341898	0,419334	0,387995
26	Ставропольский край	0,423625	0,367792	0,364657	0,437543	0,386007
27	Смоленская область	0,404955	0,353153	0,322805	0,376986	0,384449
28	Астраханская область	0,442505	0,398846	0,343447	0,369088	0,378911
29	Омская область	0,425857	0,379926	0,368726	0,374596	0,374642
30	Пензенская область	0,458094	0,370199	0,357781	0,371311	0,374139
31	Республика Марий Эл	0,403854	0,386431	0,310073	0,407940	0,369434
32	Саратовская область	0,410464	0,374252	0,335691	0,444673	0,368668
33	Чувашская Республика	0,405321	0,382608	0,318162	0,409873	0,366016
34	Республика Бурятия	0,426858	0,380083	0,378525	0,359794	0,365504
35	Республика Мордовия	0,389764	0,357920	0,323893	0,409449	0,350058
36	Томская область	0,472981	0,358326	0,385219	0,382414	0,344445
37	Кабардино-Балкарская Республика	0,400029	0,373525	0,415644	0,369172	0,338131
38	Чеченская Республика	0,408175	0,361093	0,386112	0,386667	0,317416
39	Республика Дагестан	0,494642	0,445535	0,442647	0,376204	0,314857
40	Республика Северная Осетия – Алания	0,415515	0,390682	0,403469	0,341927	0,279863

Источник: составлено авторами.

Группа III – группа стабильно неблагополучных регионов (регионы с низким значением индекса в течение всего рассматриваемого периода (ниже 0,4)).

Стабильно в группе находятся 15 субъектов Российской Федерации (см. табл. 6). Из них – два региона Центрального ФО (Ивановская и Костромская области), один регион Северо-Западного ФО (Псковская область), один регион Южного ФО (Республика Калмыкия), два региона Северо-Кавказского ФО (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия), один регион Уральского ФО (Курганская область), семь регионов Сибирского ФО (Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская и Иркутская области, Республики Алтай, Тыва и Хакасия), один регион Дальневосточного ФО (Еврейская автономная область).

Т а б л и ц а 6

Значение индексов для группы III по годам*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Псковская область	0,353994	0,314324	0,339714	0,395064	0,392036
2	Ивановская область	0,365904	0,376160	0,320595	0,383687	0,391227
3	Алтайский край	0,362769	0,346040	0,343054	0,364575	0,381128
4	Кемеровская область	0,380845	0,338389	0,310056	0,334858	0,374640
5	Республика Калмыкия	0,352308	0,296997	0,304741	0,354282	0,362585
6	Еврейская автономная область	0,307876	0,279794	0,294670	0,277792	0,360483
7	Иркутская область	0,362273	0,322909	0,315735	0,347148	0,357087
8	Курганская область	0,336716	0,339862	0,281183	0,327878	0,352203
9	Забайкальский край	0,386333	0,341022	0,322840	0,320728	0,351267
10	Республика Хакасия	0,394335	0,349750	0,335624	0,357411	0,350009
11	Костромская область	0,390189	0,361203	0,334178	0,378407	0,347779
12	Республика Алтай	0,377901	0,305296	0,350122	0,317996	0,328370
13	Карачаево-Черкесская Республика	0,326495	0,315320	0,335358	0,318572	0,309199
14	Республика Тыва	0,306338	0,195292	0,263598	0,253819	0,297675
15	Республика Ингушетия	0,387159	0,317721	0,330628	0,332109	0,207205

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Наибольшее снижение значения индекса отмечается в Республике Тыве в 2017 г. и в Республике Ингушетии в 2020 г. (см. рис. 2).

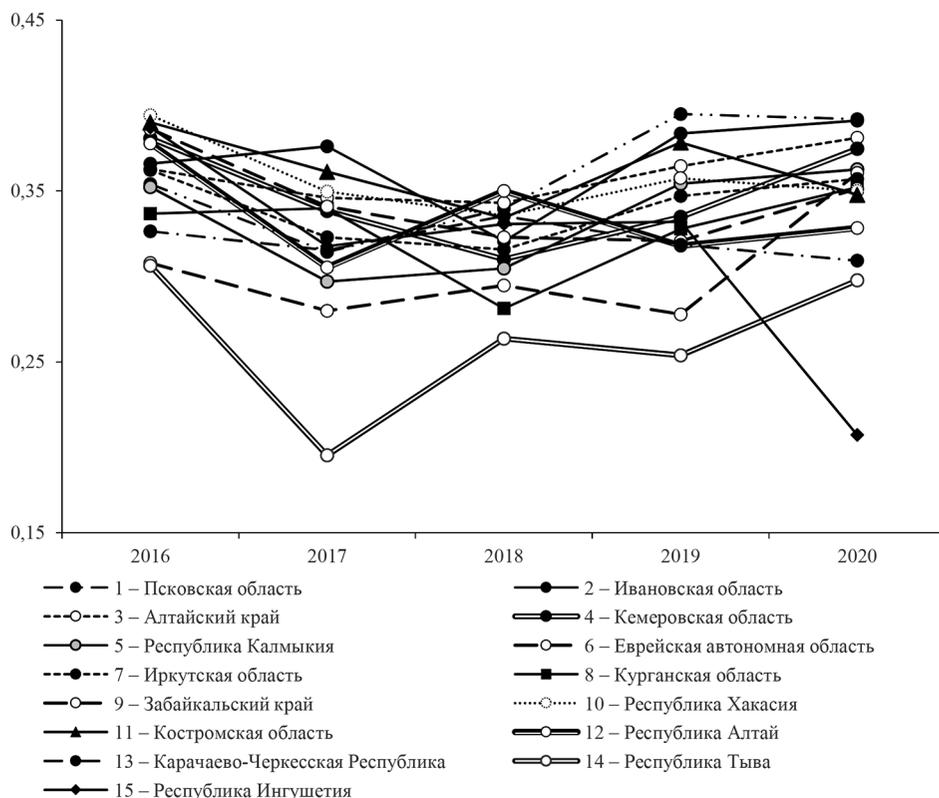

Рис. 2. Динамика индекса социального блока регионов III группы по годам

Источник: составлено авторами.

Блок хозяйственной деятельности: группировка субъектов Российской Федерации и трендов их развития

Группа I – регионы с высоким рейтингом, группа благополучных регионов с устойчивым трендом развития (значение индекса выше 0,5 в течение всего рассматриваемого периода (с 2016 г. по 2020 г. включительно)).

В группе I *отмечается отсутствие жесткой взаимосвязи* между качеством социальной среды региона (социальный блок) и осуществляемой на его территории хозяйственной деятельностью. Стабильно высокие значения по хозяйственной деятельности в рассматриваемом периоде демонстрирует только один регион – Амурская область (см. табл. 7).

Так как одним из весомых показателей в блоке являются инвестиции (государственные, частные и иностранные), то такое высокое положение по хозяйственному блоку можно объяснить осуществлением одних из самых крупных промышленных строек в стране в эти годы именно

на территории Амурской области¹². Но по социальному блоку регион входит лишь в группу II-м (группу со средними значениями, с неустойчивым трендом)¹³. Таким образом, масштабные инвестиции на территории данного региона в рамках рассматриваемого временного интервала пока никак не сказались на «уровне социального благополучия».

Т а б л и ц а 7

Значение индексов для группы I по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
Амурская область	0,504672	0,594962	0,510503	0,572927	0,507525

Источник: составлено авторами.

Группа I-м – благополучные регионы с неустойчивым трендом развития, субъекты Российской Федерации, мигрирующие в рассматриваемый период между группой I (с высоким значением индекса) и группой II (со средним значением индекса менее 0,5, но выше 0,4).

Эта группа (см. табл. 8) является самой многочисленной в блоке хозяйственной деятельности – 33 субъекта Федерации (38,8% всех регионов). Здесь также отмечается отличие от рейтинга регионов по социальному блоку, где большая часть регионов находится в менее благополучной группе (группа II-м), а в более высокой группе I-м – только 11 регионов.

В 2020 г. 11 субъектов Федерации (как и в 2016 г.) входили в группу с высоким рейтингом. Максимальное число регионов, входящих в группу с высоким значением индекса хозяйственной деятельности, было в 2019 г. – 17 регионов (вместе с Амурской областью всего в группе с высоким рейтингом было 18, или 21% всех субъектов Российской Федерации). Самые низкие результаты показаны в 2017 г. (5 субъектов) и в 2018 гг. (9 регионов). То есть всего в группе с высоким рейтингом было в 2017 г. – 7% и в 2018 – 11,8%.

¹² Строительство магистрального газопровода «Сила Сибири» (см. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>; <https://www.gazprom.ru/press/news/2021/june/article530765/>). Общая протяженность газопровода составила почти 3 тыс. км, 870 км из которых проходит по территории Амурской области. 2 декабря 2019 г. газопровод «Сила Сибири» был запущен в работу. Строительство Амурского газоперерабатывающего завода «Газпрома» началось в конце 2015 г., в июне 2021 г. был осуществлен запуск в работу его первой технологической линии; в августе 2020 г. в непосредственной близости от Амурского газоперерабатывающего завода СИБУР (совместный проект СИБУРа и китайской компании Sinopet) начато строительство Амурского газохимического комплекса для производства полиэтилена и полипропилена из сырья АГПЗ. С начала 2012 г. из федерального бюджета финансируется строительство российского космодрома «Восточный», который также находится на территории Амурской области. В 2016 г. закончилось строительство первой стартовой площадки, а в 2017 г. началась подготовка ко второй очереди строительства.

¹³ Сопоставление данных по социальному и хозяйственному блокам, роль бюджетной самодостаточности в решении социальных проблем регионов будут представлены ниже.

Т а б л и ц а 8

Регионы, мигрирующие между I и II группами*

пп.	Субъект Федерации	2016	2017	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6	7
1	Республика Калмыкия	0,415901	0,420464	0,640710	0,436543	0,693261
2	Ямало-Ненецкий АО	0,590460	0,415976	0,437455	0,469098	0,648176
3	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,515743	0,475283	0,478108	0,549362	0,620033
4	Магаданская область	0,425930	0,458185	0,502806	0,471508	0,599992
5	Республика Дагестан	0,447520	0,425210	0,536711	0,473600	0,540838
6	Сахалинская область	0,451447	0,519295	0,452552	0,510607	0,527121
7	Чеченская Республика	0,476885	0,405002	0,529817	0,547332	0,522344
8	Камчатский край	0,532808	0,521628	0,492707	0,478103	0,518926
9	Ненецкий АО	0,463143	0,455501	0,434766	0,508559	0,514408
10	Республика Татарстан	0,504775	0,445167	0,474212	0,491565	0,509329
11	Нижегородская область	0,428054	0,422142	0,462493	0,483718	0,508562
12	Республика Алтай	0,408601	0,475436	0,514025	0,458768	0,495113
13	Омская область	0,420159	0,405571	0,453863	0,585030	0,487853
14	Ленинградская область	0,525586	0,517797	0,577026	0,492161	0,481676
15	Республика Бурятия	0,412033	0,468912	0,478415	0,584336	0,479473
16	Республика Адыгея	0,458350	0,489275	0,610343	0,580523	0,478813
17	Новосибирская область	0,442804	0,420994	0,495460	0,542171	0,475874
18	Мурманская область	0,456993	0,461544	0,551079	0,455449	0,470023
19	Саратовская область	0,505425	0,436831	0,460093	0,474232	0,466784
20	Липецкая область	0,478159	0,479713	0,470915	0,546909	0,466646
21	Вологодская область	0,551375	0,433260	0,509029	0,618999	0,459354
22	Алтайский край	0,425560	0,446919	0,514360	0,478765	0,455145
23	Приморский край	0,457022	0,440539	0,475513	0,505014	0,453986
24	Республика Крым	0,584253	0,641763	0,602647	0,404540	0,452373
25	Челябинская область	0,404813	0,403974	0,507224	0,512173	0,445100
26	Республика Саха (Якутия)	0,533756	0,549143	0,503370	0,475036	0,444905
27	Самарская область	0,439271	0,406006	0,438538	0,509282	0,439169
28	Курская область	0,531690	0,459352	0,484018	0,497990	0,437325
29	Рязанская область	0,465652	0,462563	0,436036	0,509491	0,435491

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

О к о н ч а н и е т а б л . 8

1	2	3	4	5	6	7
30	Воронежская область	0,519417	0,476787	0,476995	0,561288	0,432883
31	Белгородская область	0,457503	0,437146	0,436952	0,537688	0,429414
32	Кировская область	0,466907	0,443741	0,455969	0,505971	0,421510
33	Московская область	0,423702	0,427411	0,510642	0,468366	0,410627

Источник: составлено авторами.

Группа II – регионы со стабильным средним значением индекса в течение рассматриваемого периода (значение индекса по блокам показателей и итоговому индексу ниже 0,5, но выше 0,4).

В этой группе, где субъекты Федерации демонстрируют средние, но достаточно стабильные показатели по инвестициям и эффективности хозяйственной деятельности, – 17 регионов (см. табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Значение индексов для II группы по годам*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Хабаровский край	0,441504	0,454393	0,438935	0,442002	0,49887
2	Ростовская область	0,466686	0,427788	0,407773	0,423154	0,49289
3	Красноярский край	0,458298	0,406379	0,441905	0,444992	0,474532
4	Краснодарский край	0,45391	0,450619	0,475136	0,41388	0,469018
5	Калужская область	0,440322	0,420136	0,442417	0,476767	0,466305
6	Ульяновская область	0,434515	0,441107	0,468186	0,439242	0,461874
7	Смоленская область	0,486079	0,417971	0,492028	0,405203	0,449658
8	Волгоградская область	0,445897	0,446253	0,401206	0,45978	0,448444
9	Брянская область	0,462128	0,407491	0,463483	0,49513	0,44825
10	Ярославская область	0,480172	0,419841	0,411944	0,485617	0,444632
11	Пензенская область	0,407947	0,442979	0,484061	0,475793	0,423432
12	Свердловская область	0,42336	0,406445	0,444436	0,498468	0,422715
13	Чувашская Республика	0,432906	0,411868	0,442781	0,485801	0,416776
14	Владимирская область	0,457187	0,41564	0,428736	0,490431	0,414606
15	Псковская область	0,449954	0,404978	0,439606	0,429608	0,412309
16	г. Санкт-Петербург	0,427992	0,408226	0,444013	0,437189	0,404224
17	Республика Карелия	0,420308	0,416133	0,431366	0,448156	0,401664

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Группа II-м – группа регионов со средним, но неустойчивым уровнем благополучия (регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса /менее 0,4/).

К группе относятся субъекты Российской Федерации, не только в основном показывающие низкие результаты по социальному блоку, но и достаточно успешные (Калининградская область) и даже лидеры (г. Москва). Всего в группе – 13 регионов (см. табл. 10).

Т а б л и ц а 10

Регионы, мигрирующие между группами II и III*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Астраханская область	0,408164	0,382762	0,344239	0,356413	0,487544
2	Республика Хакасия	0,378026	0,356725	0,490286	0,419789	0,483098
3	Кабардино-Балкарская Республика	0,477107	0,419905	0,428092	0,395852	0,474972
4	Ивановская область	0,295494	0,396740	0,413641	0,436841	0,464747
5	Пермский край	0,495322	0,393486	0,451089	0,489326	0,460737
6	г. Москва	0,429807	0,371566	0,442825	0,439004	0,446951
7	Республика Северная Осетия – Алания	0,416299	0,330640	0,402571	0,422749	0,442263
8	Еврейская автономная область	0,426992	0,337692	0,455945	0,402690	0,439855
9	Курганская область	0,434520	0,366207	0,433593	0,488718	0,427174
10	Костромская область	0,419841	0,350255	0,414705	0,472490	0,414043
11	Калининградская область	0,474613	0,466677	0,437156	0,367017	0,408230
12	Новгородская область	0,489121	0,449578	0,344326	0,327255	0,401219
13	Тверская область	0,479240	0,356959	0,422241	0,415430	0,367767

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Причем в 2020 г. все эти регионы (кроме Тверской области), показали неплохие результаты и вошли в группу со средними значениями индекса хозяйственной деятельности. Наихудшие результаты показаны в 2017 г., когда всего 3 региона из группы II-м, вошли в группу II. Именно в 2017 г. Москва показала невысокие результаты, *один раз войдя в группу с низким значением индекса хозяйственной деятельности*. Забегая вперед, отметим, что невысокие результаты по этому блоку г. Москвы объясняются прежде всего тем, что достаточно крупные инфраструктурные проекты

в городе (строительство метро, скоростных автодорог) осуществляются за счет собственных средств, и в бюджетном показателе именно г. Москва часто является лидером.

Группа III – группа неблагополучных регионов с устойчивым трендом (значение индекса ниже 0,4 за рассматриваемый период). Таковых, со стабильно низкими значениями индекса хозяйственной деятельности, за рассматриваемый период не отмечается.

Группа III-м – регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группами с высоким, средним и низким рейтингом (I, II и III). В отличие от социального блока, где таких регионов не было, в хозяйственном блоке наблюдается выраженный разброс, когда в разные годы регионы могут входить то в I, то во II, то в III группу. Таких крайне нестабильных регионов в плане хозяйственной активности (см. табл. 11) за этот период – почти четверть (21 субъект). Отчасти это может объясняться в целом высокой волатильностью показателей инвестиций (частных, бюджетных), связанной с реализацией конкретных проектов.

Наиболее благополучная ситуация в регионах группы отмечается в 2019 и 2020 гг., когда 9 и 11 соответственно субъектов Российской Федерации входят в группу с высоким значением индекса (в другие годы не более 5 регионов). Наименее благополучным является 2017 г., когда 12 субъектов вошли в группу с низким значением индекса (в другие годы таких регионов не более 4-х). Дважды в высокую группу рейтинга по хозяйственному блоку входили Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкесская Республика, Иркутская область, Ставропольский край, Удмуртская Республика, Орловская область, Тюменская область (без автономных округов), г. Севастополь. Тамбовская область входила в высокую группу рейтинга трижды: в 2016, 2017 и в 2019 гг.

Т а б л и ц а 11

*Регионы, мигрирующие между тремя группами**

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6	7
1	Республика Коми	0,496650	0,351681	0,412289	0,368735	0,613955
2	Чукотский АО	0,390857	0,352461	0,484739	0,656368	0,567133
3	Карачаево-Черкесская Республика	0,436513	0,461234	0,529459	0,399043	0,548060
4	Республика Марий Эл	0,371954	0,375044	0,438507	0,435569	0,535313
5	Республика Ингушетия	0,455426	0,370914	0,481722	0,416032	0,532292
6	Забайкальский край	0,424579	0,391744	0,405144	0,432749	0,527750

* Примечание. Упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Окончание табл. 11

1	2	3	4	5	6	7
7	Иркутская область	0,549115	0,390517	0,479504	0,477479	0,514744
8	Ставропольский край	0,458175	0,461188	0,464249	0,552073	0,511677
9	Республика Тыва	0,307616	0,324379	0,433243	0,470562	0,511391
10	Удмуртская Республика	0,481576	0,397980	0,468778	0,502888	0,508334
11	Томская область	0,458754	0,380374	0,423558	0,429221	0,507630
12	Республика Башкортостан	0,491815	0,383875	0,455109	0,553145	0,478361
13	Архангельская область без АО	0,585664	0,413159	0,393445	0,424352	0,454903
14	Оренбургская область	0,453058	0,460719	0,329057	0,545915	0,453915
15	Орловская область	0,438021	0,396988	0,517920	0,506311	0,418956
16	Тамбовская область	0,517530	0,510714	0,366523	0,543254	0,406748
17	Республика Мордовия	0,448900	0,515370	0,382635	0,436409	0,397038
18	Тульская область	0,487687	0,421334	0,439849	0,579823	0,396900
19	Тюменская область без АО	0,517852	0,449495	0,541482	0,467073	0,396320
20	Кемеровская область	0,334054	0,430561	0,469114	0,529996	0,380865
21	г. Севастополь	0,698322	0,556428	0,420051	0,473723	0,320919

Источник: составлено авторами.

Дважды в группу с низким рейтингом по хозяйственному блоку входили Республика Коми, Чукотский автономный округ, Республика Марий Эл, Республика Тыва, Республика Мордовия, Кемеровская область.

Сопоставление рейтинга регионов по социальному блоку и блоку хозяйственной деятельности

Регионы I группы (по социальному блоку) на протяжении всего рассматриваемого периода имели далеко не всегда высокие показатели по блоку хозяйственной деятельности.

Среди регионов I группы (по социальному блоку) большинство регионов (6 из 9) входили в группу I-м хозяйственного блока (группу благополучных регионов, но с неустойчивым трендом). Это ЯНАО, ХМАО, Ненецкий АО, Московская, Магаданская и Сахалинская области. Краснодарский край и г. Санкт-Петербург, они входили в группу II (регионы со стабильно средними значениями индекса), а г. Москва – лишь в группу II-м.

В рамках проведенной группировки в 2016 г. только два региона имели итоговый показатель по блоку хозяйственной деятельности более 0,5 (ХМАО и ЯНАО). Показатели остальных находились в интервале 0,42–0,45. В 2017 г. ситуация даже ухудшилась – только один регион имел показатель более 0,5 (Сахалинская область), а для г. Москвы этот показатель составил всего 0,37.

В последующие годы ситуация с уровнем хозяйственной активности в данной группе регионов улучшается. Так, в 2018 г. регионов с показателями выше 0,5 было уже 2, в 2019 – 3. Кризисный 2020 г. не сломал данную тенденцию – регионов с показателем выше 0,5 было уже 4 (ХМАО, ЯНАО, Сахалинская область и Магаданская область), при этом для остальных регионов группы значения показателя были в интервале 0,40–0,50.

Вместе с тем *особенность регионов данной группы* на протяжении всего рассматриваемого временного интервала – *высокие показатели обеспеченности расходов бюджета собственными доходами* (в дальнейшем – бюджетный показатель). Москва, ХМАО, ЯМАО, Санкт-Петербург, Сахалинская область занимают первые места в рейтинге регионов по данному показателю (выше 0,8). А Москва в 2016 г. и ЯМАО с 2017 по 2019 г. имели превышение собственных доходов над расходами регионального бюджета. Московская область, Краснодарский край в основном демонстрировали высокие показатели индекса по годам, кроме 2020 г., когда значение было чуть ниже (0,75). Некоторым исключением явились лишь Ненецкий АО, который имел высокий показатель бюджетного показателя (индекса) во все годы, кроме 2016 и 2020 гг., (0,72 и 0,63 соответственно), и Магаданская область, которая все годы имела стабильно среднее, но возрастающее, значение показателя (от 0,68 до 0,73).

Эти данные позволяют интерпретировать обеспеченность высокого уровня социального благополучия *за счет доходов, источником которых является региональная экономика*. Роль федеральных трансфертов в обеспечении социальных услуг здесь относительно незначительна. При этом сама хозяйственная динамика в целом является далеко не самой активной.

Благополучные, но имеющие неустойчивую динамику развития (группа I-м) по социальному блоку субъекты Российской Федерации во многом совпадают по месту и в рейтинге по блоку хозяйственной деятельности. Большая часть регионов (7 из 11) группы I-м по социальному блоку находится в аналогичной группе и по блоку хозяйственной деятельности. При этом значения показателя по блоку хозяйственной деятельности самые высокие (0,54) у Республики Саха (Якутия) в 2017 г. и Липецкой области в 2019 г. Самые низкие значения (0,42) – у Белгородской области в 2020 г.

Остальные 4 региона (Республика Башкортостан, Чукотский АО, Тюменская область /без АО/ и г. Севастополь) демонстрируют

выраженную неустойчивость тренда по хозяйственному блоку (группа III-м). При этом самые высокие значения индекса отмечаются у г. Севастополя в 2016 г. (0,69), самый низкий также у г. Севастополя в 2020 г. (0,32).

Как и в группе I, основная часть регионов данной группы имеет высокий или средний уровень бюджетной самодостаточности, но при этом значение показателя максимально приближенно к высокому (от 0,7 до 0,8). К ним относятся Ленинградская область (выше 0,84), Тюменская область и Республика Татарстан (ниже 0,8, но выше 0,71 все годы, кроме 2020 г.), Липецкая и Воронежская области (ниже 0,8, но выше 0,72 только в 2019 и в 2020 гг.), Белгородская область (ниже 0,8, но выше 0,74 только в 2016 и в 2020 гг.). Республика Саха (Якутия) имела весь период средние значения (минимальное 0,64 в 2020 г.). Также высокий уровень значения показателя в 2016–2018 гг. имела Республика Башкортостан, но в 2020 г. значение показателя в Республике снизилось до 0,55. В Чукотском АО отмечается более выраженная неравномерность: среднее значение показателя в 2017–2018 гг. и в 2020 гг., но низкое – в 2020 г. (0,37). Камчатский край (0,38–0,44) и г. Севастополь (0,29–0,40) имеют низкие значения бюджетного показателя на протяжении всего рассматриваемого периода.

Следует отметить, что именно Республика Башкортостан, Чукотский АО и г. Севастополь демонстрируют выраженную неустойчивость тренда и по хозяйственному блоку.

В целом можно отметить, что в отличие от предыдущей группы, где отмечаются большие расхождения между результатами по социальному и по хозяйственному блоку, *основная часть регионов данной группы входят в аналогичные группы как по социальному, так и по хозяйственному блоку*. При этом регионы группы в основном имеют также достаточно высокий уровень бюджетного самообеспечения, хотя несколько ниже, чем в I группе. Эти данные дополнительно подчеркивают важность бюджетной самодостаточности субъекта Российской Федерации в обеспечении социального благополучия, *подтверждая нашу основную гипотезу*.

Исключение составляют Камчатский край и г. Севастополь с низкими значениями бюджетного показателя. Оба эти региона объединяет то, что они являются морскими пограничными территориями, где базируются крупные военно-морские базы (Тихоокеанского и Черноморского флотов) и где часть населения занята в сфере обслуживания военного хозяйства. Однако важно, что в этих субъектах Федерации существенная доля федеральных трансфертов фактически обеспечивает достойный уровень как в хозяйственной части, так и в части социального благополучия.

Половина регионов со стабильными средними значениями (группа II) в социальном блоке входит в аналогичную группу и по блоку хозяйственной деятельности: Красноярский и Хабаровский края, Свердловская,

Ростовская и Калужская области. Другая половина регионов группы по блоку хозяйственной деятельности входит в разные группы, которые объединяет неустойчивость тренда. Три региона (Мурманская, Самарская, Новосибирская область) входят в группу с высоким обобщенным индексом по блоку хозяйственной деятельности; Архангельская область входит в группу с выраженной неустойчивостью (группа III-м), а Калининградская область – в группу II-м, мигрируя по годам между группами со средним и низким значениями индекса.

В плане бюджетной самодостаточности в этой группе Мурманская область и Красноярский край имели стабильно высокие значения (выше 0,84). Самарская и Свердловская области также имели высокие значения бюджетного показателя (выше 0,8), кроме 2020 г., когда отмечается некоторое снижение (0,75)¹⁴.

В Ростовской, Новосибирской и Свердловской областях такое же незначительное снижение отмечается уже в 2019 г. В Калужской области такое снижение произошло только в 2020 г., но более выраженное (0,67). Хабаровский край имел среднее (выше 0,7) значение бюджетного показателя, который снизился в 2020 г. до 0,66. Архангельская область (без АО) имела аналогичный показатель, но в 2020 г. снижение было более выраженное (до 0,54).

Как видим, высокий уровень бюджетной самодостаточности позволяет обеспечить такой важный фактор социально-экономического развития, как устойчивость. Индекс по социальному блоку, а часто и по хозяйственному, имеет *пусть средние, но стабильные значения*.

Отличие ряда регионов группы, прежде всего Мурманской области и Красноярского края, в том, что показатели бюджетной самодостаточности все-таки несколько ниже, чем в более благополучной по социальному блоку группе (группа I). Различие этих двух групп заключается и в отраслевой структуре экономик соответствующих регионов. Если в первой группе представлены в основном регионы с развитой нефтедобывающей промышленностью, то в рассматриваемой группе – в основном с обрабатывающей промышленностью, в которой в большей степени проявляются колебания спроса, повышенные требования к конкурентоспособности, к инновационному развитию.

Особняком стоит Калининградская область. Она демонстрирует низкий уровень бюджетной самодостаточности (0,38–0,47), невысокий уровень по блоку хозяйственной деятельности, а по социальным показателям – устойчивый средний уровень. Во многом это обусловлено повышенным вниманием со стороны федеральной власти в связи с ее особым, анклавным положением.

¹⁴ В дальнейшем у большинства регионов отмечается снижение значения бюджетного показателя, что связано с пандемией и продолжительным локдауном, которые увеличили расходы региональных бюджетов, прежде всего за счет дополнительных вливаний из федерального бюджета на борьбу с пандемией и для компенсационных выплат бизнесу и населению, что сказалось в смещении соотношения собственных доходов и расходов.

Как отмечалось выше, группа II-м наиболее многочисленная в социальном блоке (40 регионов). Такое большое количество не может обладать какой-либо однотипностью, естественной является разбивка их на некоторые подгруппы.

1. Регионы, которые **только один раз смещались из группы со средними значениями в группу с низкими значениями** (5 регионов). Нижегородская, Тамбовская, Курская области, Пермский край несколько ухудшили свое положение в 2018 г., а Республика Адыгея – в 2017 г. Все эти субъекты Федерации по блоку хозяйственной деятельности входят в группу I-м (благополучную, но с неустойчивым трендом). Однако они *отличаются по бюджетному показателю*: Нижегородская область и Пермский край имели высокий бюджетный показатель (выше 0,8) кроме 2020 г., когда он снизился до 0,64 в Пермском крае и до 0,7 – в Нижегородской области. Курская область имеет значения, близкие к высоким (0,7–0,78). Тамбовская область имеет средние значения показателя (0,54–0,59), а Республика Адыгея – также средние значения (0,52–0,66), но демонстрирует резкое снижение в 2020 г. (0,41).

2. **Только два раза регионы несколько снижали свои результаты** (10 регионов). Это Амурская область и Удмуртская Республика (снижали свой рейтинг в 2018 и 2019 гг.), Брянская, Тульская, Вологодская, Ульяновская, Челябинская области, Приморский край и Республика Карелия (снижали свой рейтинг в 2017 и 2018 гг.), Республика Дагестан (в 2019 и 2020 гг.). Причем только в Республике Карелии отмечается более выраженное снижение индекса по социальному блоку (до 0,31).

В этой подгруппе наблюдается сильный разброс регионов по выделенным группам в блоке хозяйственной деятельности.

Один регион (Амурская область) входит в группу I хозяйственного блока, являясь, как указывалось ранее, единственным регионом в этой группе по хозяйственной деятельности. Самый высокий уровень самодостаточности бюджета в Амурской области отмечался в 2016 г. (0,85). В дальнейшем этот уровень был ниже, но в зоне, приближенной к высоким значениям (0,6–0,72).

Четыре региона (Приморский край, Челябинская и Вологодская области, Республика Дагестан) относятся к группе I-м, т.е. к благополучным регионам по блоку хозяйственной деятельности с неустойчивым трендом. Эти субъекты демонстрируют и высокие значения по бюджетному показателю (выше 0,8) все годы, кроме 2020 г., когда эти значения существенно снизились (Вологодская область – 0,69, в двух других регионах – до 0,63–0,64). Исключение составляет Республика Дагестан, где отмечается низкий показатель бюджетной самодостаточности (0,26–0,36).

Брянская и Ульяновская области, а также Республика Карелия входят по хозяйственному блоку в группу II со стабильными средними значениями. Бюджетный показатель также имеет только средние значе-

ния, наибольшие в Ульяновской области (0,75), наименьшие в Брянской области (0,54).

Тульская область и Республика Удмуртия входят в группу с выраженной неустойчивостью по блоку хозяйственной деятельности и в группу с высокими значениями по бюджетному показателю (около и выше 0,8).

Следует отметить, что в этой подгруппе ни один регион не входит в неблагоприятные группы II-м и III по хозяйственному блоку, т.е. в группы регионов, мигрирующих между средними и низкими значениями, и группы регионов с низкими значениями индекса блока хозяйственной деятельности.

Бюджетный показатель у регионов выделенных подгрупп имеет средние и даже высокие значения, за исключением Республики Дагестан и Республики Карелии.

Эти две подгруппы, лишь единожды или дважды за рассматриваемый период оказывающиеся в рейтинге по социальному блоку в группе регионов со средними, но неустойчивым трендом, ближе по характеристике таких индексов, как хозяйственная деятельность и бюджетный показатель к вышестоящим двум группам I-м и II. Определение итогового индекса должно более корректно отражать их рейтинговое место в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации¹⁵.

К менее благополучным регионам следует отнести подгруппу субъектов Федерации, в рассматриваемый период более часто (три года из пяти) входящих в **группу с низкими значениями индекса социального блока** (12 регионов). Здесь в основном более низкие, чем в предыдущих подгруппах, результаты по блоку хозяйственной деятельности и особенно по бюджетному показателю.

Только 3 субъекта из 11 (Оренбургская, Рязанская и Саратовская области) входят в группу I-м в хозяйственном блоке (в двух предыдущих подгруппах 10 из 15 регионов). Волгоградская, Ярославская области и Чувашская Республика имеют по хозяйственному блоку только средние, но стабильные значения (группа II). Кабардино-Балкарская Республика и Республика Северная Осетия-Алания, а также Тверская область и по этому блоку входят в группу II-м (группа со средними, но неустойчивыми значениями), а Республика Марий Эл и Ставропольский край в группу с выраженной неустойчивостью (группа III-м).

Высокие значения бюджетного показателя (выше 0,8) демонстрируют лишь Тверская, Оренбургская и Ярославская области. Близкие к высоким значениям показатели — у Волгоградской (0,75) и Рязанской областей, а также у Саратовской области (0,7), но у последней отмечается более резкое снижение в 2020 г. (0,52). Остальные регионы имеют

¹⁵ В дальнейшем регионы этой подгруппы большей частью в итоговом рейтинге займут более высокие места и окажутся в группах I-м и II (Республика Адыгея и Ульяновская область). Исключение составят Тамбовская область, Республики Карелия и Дагестан, которые и в итоговом рейтинге останутся в группе II-м.

или средние значения бюджетного показателя (Республика Марий Эл и Чувашская Республика, Ставропольский край), или низкие значения (Кабардино-Балкарская Республика (от 0,42 до 0,49) и Республика Северная Осетия – Алания (от 0,44 до 0,50)).

Более разнообразная картина вырисовывается в подгруппе, где еще чаще субъекты Федерации попадают в группу с низким рейтингом по социальному блоку (4 из 5 лет). В этой подгруппе 14 регионов: Орловская, Кировская, Омская области, Республика Крым, Бурятия и Чеченская Республика по блоку хозяйственной деятельности относятся к группе благополучных регионов с неустойчивым трендом (группе I-м).

Владимирская, Смоленская и Пензенская области относятся к группе со средними значениями индекса. Новгородская и Астраханская области к группе II-м, а Республики Коми и Мордовия, Томская область – к группе с выраженной неустойчивостью индекса хозяйственной деятельности (группа III-м). Можно сказать, что в этой подгруппе в основном представлены регионы с неустойчивым трендом развития по хозяйственному блоку.

Относительно бюджетного показателя здесь также не наблюдается особой однородности, но ее особенностью является то, что только 4 региона – Смоленская, Астраханская, Томская области и Республика Коми – имеют значения чуть выше или около 0,8 (высокое значение). При этом в этих регионах в 2020 г. наблюдается резкое снижение значения показателя до 0,6.

Основная часть регионов подгруппы имеет среднее значение бюджетного показателя, причем в Пензенской области еще отмечается его постепенное снижение от 0,7 до 0,57.

Республики Крым (от 0,27 до 0,36), Бурятия (от 0,4 до 0,5), Чеченская Республика (от 0,16 до 0,22) имеют низкие значения показатели бюджетной самодостаточности.

В группе II-м можно выделить **две подгруппы**.

К подгруппе со *слабовыраженным неустойчивым трендом* относятся регионы, которые за рассматриваемый пятилетний период один или два раза попадают в нижестоящую группу. Регионы этой подгруппы, за редким исключением, *близки по характеристике* таких индексов, как хозяйственная деятельность и бюджетный показатель, к вышестоящим группам I-м и II.

Подгруппа регионов с трендом на снижение. В нее входят субъекты Федерации, чаще оказывающиеся в нижестоящей группе, *отличающиеся неустойчивостью показателей хозяйственной деятельности*. Особенностью этих субъектов (за редким исключением) являются *более низкие значения бюджетной самодостаточности*, в основном средние значения (от 0,5 до 0,8)

В группе III с низкими результатами рейтинга по социальному блоку также наблюдается разброс регионов по блоку хозяйственной

деятельности, причем самое большое число субъектов входит в группу с выраженной неустойчивостью развития (группа III-м). В нее по блоку хозяйственной деятельности входят 6 регионов. При этом 3 из них показывают высокие результаты исключительно в 2020 г. (Забайкальский край, Республики Тыва и Ингушетия), Карачаево-Черкесская Республика еще и в 2018 г., Иркутская область – еще в 2016 г. Кемеровская область входила в группу с высоким рейтингом по хозяйственному блоку только в 2019 г. Это может быть связано с тем, что падение хозяйственной активности в этих субъектах было не столь значительным, как в регионах, имевших в предшествующие годы более высокие показатели.

Алтайский край и Республика Алтай входят в группу I-м с тенденцией к снижению (оба региона выше 0,5 только в 2018 г.), так же и Республика Калмыкия (выше 0,5 только в 2018 и в 2020 г.).

5 регионов группы с низким рейтингом по социальному блоку относятся к группе II-м (неустойчивые средние значения) по блоку хозяйственной деятельности: Курганская область (ниже 0,4 только в 2016 г.), Костромская область и Еврейская АО (обе ниже 0,4 только в 2017 г.), Республика Хакасия и Ивановская область (оба региона ниже 0,4 в 2016 и в 2017 г.).

Только один регион (Псковская область) этой группы входит по блоку хозяйственной деятельности в стабильную группу со средними значениями (0,41–0,44).

В плане бюджетной самодостаточности регионы группы имеют в основном невысокие значения в их среднем диапазоне и низкие значения показателя. Исключением являются Иркутская область, которая имеет высокие значения и близкие к ним (0,7–0,93), а также Кемеровская область, у которой отмечаются высокие значения показателя (выше 0,8), но резкое его снижение в 2020 г. (0,57).

Средние значения по бюджетному показателю (от 0,5 до 0,7) имеют Республика Хакасия, Еврейская АО, Алтайский и Забайкальские края, Костромская, Ивановская, Псковская области.

Пять регионов имеют низкие значения по бюджетному показателю: Республика Калмыкия (от 0,36 до 0,5), Карачаево-Черкесская Республика (от 0,26 до 0,39), Республики Алтай (0,3), Тыва (от 0,17 до 0,28), Ингушетия (менее 0,19).

В целом это самые слабые результаты по бюджетному показателю в рассматриваемых группах.

Эти данные позволяют *связывать невысокие результаты* в группе по обеспечению достойного уровня социального благополучия *с недостаточной эффективностью региональной экономики*. Основную роль в обеспечении социальных услуг играют федеральные трансферты, которые, по-видимому, в большой степени поддерживают и саму хозяйственную динамику. Исключением являются Кемеровская и Иркутская области.

**Динамика значений индексов по социальному
и хозяйственному блоку по годам**

В целом самая неблагоприятная ситуация по социальному блоку складывается в 2017 и 2018 гг., когда большая часть регионов входит в группу с низким значением индекса социального блока (48 субъектов и 51 субъект соответственно). Самое меньшее количество таких регионов в 2016 г. (20 регионов). В 2019 и 2020 гг. ситуация существенно выправляется, но не достигает уровня 2016 г.

Если брать число регионов с высоким индексом по социальному блоку по годам (см. табл. 12), то самое большое количество субъектов Российской Федерации в этой группе приходилось на 2016 и 2019 гг. (по 18 регионов), а минимальное на 2017 и 2018 гг. (12 и 11 регионов соответственно).

В 2020 г. в группу со средними значениями показателя, помимо субъектов со стабильно средними значениями, входили еще 4 субъекта из группы I-м и 18 регионов из группы II-м (регионы, мигрирующие между группой со средним значением индекса и группой с низким значением индекса). В целом число регионов со средним значением индекса социального блока в 2020 г. – 32 субъекта Федерации (37,7% всех регионов). Если брать число регионов со средним индексом по социальному блоку по годам, то самое большое количество регионов в этой группе приходилось на 2016 г. (47 регионов – больше половины всех субъектов Российской Федерации), а самое малое количество в 2017 и 2018 гг. (25 регионов и 23 региона соответственно). Затем количество регионов выросло, но так и не достигло значений 2016 г.: в 2019 – 34 региона, в 2020 г. – 32 региона (см. табл. 12).

Т а б л и ц а 12

**Распределение групп с высоким, средним и низким значением индекса
социального блока по годам**

Группа субъектов РФ	2016	2017	2018	2019	2020
С высоким значением индекса	18	12	11	18	16
Со средним значением индекса	47	25	23	34	32
С низким значением индекса	20	48	51	33	37

Источник: составлено авторами.

Максимальное количество регионов с высоким индексом по хозяйственному блоку (см. табл. 13) приходилось на 2019 г. (27 субъектов), минимальное количество – на 2017 г. (9 субъектов).

Наиболее неблагоприятная ситуация складывалась в 2017 г., когда повысилось число регионов в группе с низким значением индекса блока хозяйственной деятельности. В группу вошел 21 субъект, в то время как в другие годы их число равномерно составляло лишь 6 регионов.

Т а б л и ц а 13

**Распределение групп регионов с высоким, средним и низким значением
индекса хозяйственного блока по годам**

Группы регионов	2016	2017	2018	2019	2020
Регионы с высоким значением индекса	17	9	18	27	23
Регионы со средним значением индекса	62	55	61	52	56
Регионы с низким значением индекса	6	21	6	6	6

Источник: составлено авторами.

Как видим, кризисный 2020 г., связанный со снижением мировой экономической активности в условиях пандемии и продолжительного локдауна, сказался на значениях индексов социального и хозяйственного блоков *не так сильно, как ожидалось*. Важнейшую роль в этом сыграли значительные вливания из федерального бюджета для поддержки бизнеса и населения.

Ряд особенностей бюджетного показателя

По бюджетному показателю 45 регионов имеют достаточно высокие значения (выше 0,8), но только 8 из них – стабильно высокий: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская, Мурманская, Ленинградская области и Красноярский край. Следует отметить, что эти значения в год пандемии и длительного локдауна имели значительное снижение (см. рис. 3). Это связано с *существенными вливаниями в экономику и социальную сферу средств из федерального бюджета* для преодоления негативных последствий локдауна, что и позволило продемонстрировать не столь выраженные изменения в показателях социального и хозяйственного блока нашего исследования, которые можно было ожидать при локдауне¹⁶.

В группе с низким значением бюджетного показателя – ниже 0,5 (выражено дотационные регионы) стабильно за весь период находились 11 регионов, а еще 11 регионов периодически оказываются в группе с низким значением бюджетного показателя.

Неизменно в группу входят Камчатский край, Калининградская область, Республики Дагестан, Тыва, Ингушетия, Крым, Алтай, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская, а также г. Севастополь.

¹⁶ По экспертной оценке Счетной палаты России, представленной в аналитической записке о ходе исполнения государственных бюджетов в 2020 г., совокупные расходы федерального бюджета на борьбу с прямыми и косвенными последствиями пандемии COVID-19 в 2020 г. составили 2,856 трлн руб., или 12,5% общих расходов бюджета (URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/02/2021/6034d7659a7947b5e4403bdd> <https://ach.gov.ru/audit/13481> Исполнение бюджета–2020).

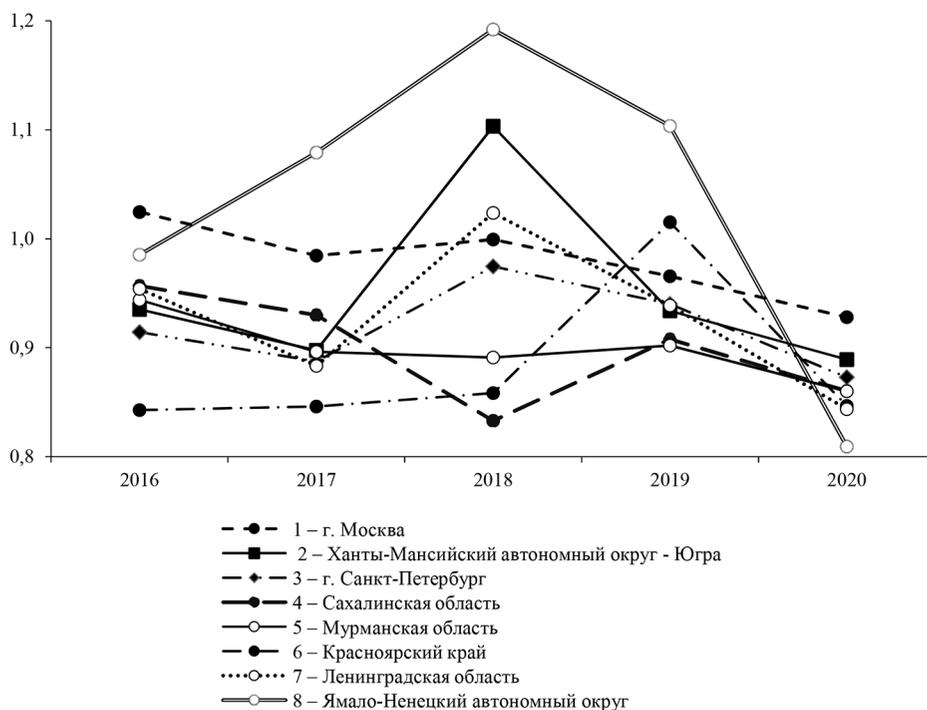

Рис. 3. Динамика бюджетного показателя регионов I группы по годам

Источник: составлено авторами.

Как видим, 50% регионов из числа неблагополучных по показателю бюджетного самообеспечения остаются таковыми продолжительное время. Ожидаемого прорыва в этих регионах не наблюдается¹⁷.

Напрашивается вывод о том, что регионам с низким уровнем бюджетного самообеспечения *необходимо активизировать самостоятельную работу по стратегированию экономического развития*.

Анализ результатов исследования, сопоставление данных по отдельным блокам и бюджетному показателю приводит к выводу о том, что учет всех принятых нами показателей позволит сделать более обоснованный и корректный обобщенный рейтинг регионов по социально-экономическому развитию.

¹⁷ Все 6 Северо-Кавказских республик входят в группу выражено дотационных регионов, причем 5 из них — неизменно, несмотря на предпринимаемые меры. В 2014 г. было создано Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа. В его задачи входили выработка и реализация государственной политики в сфере социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, а также координация деятельности по реализации государственных и федеральных целевых программ на территории СКФО. В 2017 г. постановлениями правительства Минкавказу России были переданы полномочия по осуществлению от имени Российской Федерации прав акционера институтов развития СКФО — АО «Курорты Северного Кавказа» и АО «Корпорация развития Северного Кавказа». Но по отчетам Счетной палаты Российской Федерации, направляемые ресурсы как для деятельности этих корпораций, так и выполнения целевых программ расходуются крайне неэффективно. В начале 2020 г. Министерство было упразднено, а его функции переданы Минэкономразвития.

Рейтинг регионов Российской Федерации по итоговому индексу

Группа I – регионы с высоким рейтингом (значение индекса выше 0,5) в течение всего рассматриваемого периода (с 2016 по 2020 гг. включительно). К числу самых динамично и стабильно развивающихся регионов относятся 15 субъектов Российской Федерации (17,6%) (см. табл.14, рис. 4).

Т а б л и ц а 14

Группа I итогового индекса по годам*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Ямало-Ненецкий АО	0,713688	0,694551	0,643748	0,667927	0,686614
2	г. Москва	0,697717	0,661857	0,645543	0,687590	0,683253
3	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,603953	0,586446	0,596590	0,616148	0,650681
4	Сахалинская область	0,611765	0,615611	0,543085	0,598191	0,631377
5	Магаданская область	0,526848	0,519860	0,512504	0,543799	0,622786
6	Ленинградская область	0,603655	0,594477	0,588278	0,589620	0,617623
7	Московская область	0,629983	0,647216	0,588748	0,605245	0,609388
8	г. Санкт-Петербург	0,635012	0,615286	0,579634	0,595783	0,582650
9	Краснодарский край	0,602727	0,588555	0,545808	0,562865	0,579651
10	Мурманская область	0,552160	0,536702	0,510588	0,527441	0,565192
11	Республика Татарстан	0,607316	0,602874	0,523031	0,574676	0,561575
12	Тюменская область без АО	0,633185	0,596052	0,612116	0,593702	0,547271
13	Ненецкий АО	0,559066	0,612403	0,599131	0,585112	0,545374
14	Республика Саха (Якутия)	0,549116	0,528025	0,558971	0,526426	0,534902
15	Свердловская область	0,537041	0,564011	0,507505	0,541850	0,524310

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

В группе представлены столичные, крупные нефте- и газодобывающие регионы, ряд промышленных регионов и регионы с развитым агропромышленным сектором.

Группа I-м – регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группой I (с высоким значением индекса) и группой II (со средним значением индекса менее 0,5, но выше 0,4). Это самая большая группа обобщенного рейтинга. В группе – 32 субъекта (37,7% регионов России). Из них в 2020 г. в высшую группу входили 12 субъектов. Наибольшее число успешных регионов группы отмечается в 2016 г. – 27 регионов. Наименьшее – в 2018 г. – всего 1 регион (см. табл. 15).

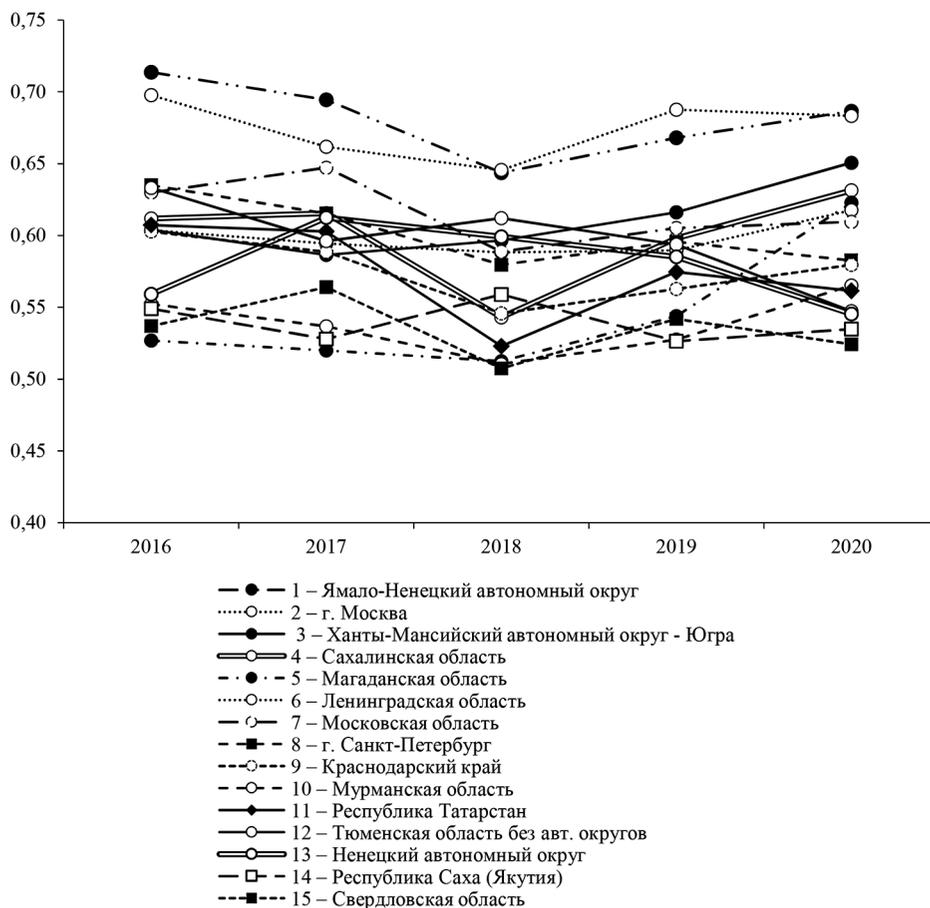

Рис. 4. Динамика итогового индекса регионов I группы по годам

Источник: составлено авторами.

При этом 8 регионов входят в группу с более низким рейтингом лишь единожды за 5 лет. Это – Белгородская, Липецкая, Нижегородская, Калужская, Воронежская, Самарская, Вологодская области и Красноярский край.

7 субъектов Федерации входили в группу с более низким рейтингом всего 2 года из 5 лет: Ростовская, Новосибирская, Амурская области, Хабаровский и Пермский края, Республики Коми и Башкортостан.

С учетом выводов при анализе группы с неустойчивым трендом по социальному блоку все эти 15 регионов можно отнести так же, как и первую группу, к числу благополучных регионов, но с несколько неустойчивым трендом.

5 регионов входили в группу с более низким рейтингом уже 3 года из 5 лет: Чукотский АО, Приморский край, Оренбургская, Тульская и Рязанская области. Самое большое число регионов группы (12) входит в группу с более низким рейтингом четыре года из пяти:

Камчатский край, Курская, Ярославская, Тверская, Иркутская, Челябинская, Астраханская, Томская, Саратовская, Кемеровская области, Архангельская область без автономного округа, Удмуртская Республика. Эти 17 субъектов Российской Федерации можно отнести к благополучным с тенденцией на снижение.

Т а б л и ц а 15

Регионы, мигрирующие между группами I и II*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6	7
1	Чукотский АО	0,473211	0,427005	0,438941	0,515011	0,613819
2	Белгородская область	0,546086	0,553301	0,487935	0,556668	0,541658
3	Красноярский край	0,528410	0,518528	0,485748	0,532098	0,539320
4	Липецкая область	0,548414	0,559645	0,495746	0,546124	0,537283
5	Ростовская область	0,541080	0,514407	0,460180	0,498887	0,535207
6	Хабаровский край	0,528660	0,504917	0,461749	0,471633	0,526205
7	Нижегородская область	0,524935	0,515217	0,470273	0,521161	0,522278
8	Калужская область	0,508865	0,506160	0,473730	0,518233	0,516122
9	Республика Коми	0,520224	0,526195	0,478591	0,478315	0,513794
10	Воронежская область	0,560065	0,549921	0,498431	0,550886	0,513699
11	Камчатский край	0,440601	0,423476	0,434921	0,471127	0,506224
12	Самарская область	0,530505	0,537979	0,497938	0,542233	0,505318
13	Новосибирская область	0,539464	0,541994	0,493394	0,520078	0,499196
14	Амурская область	0,526538	0,554462	0,459151	0,500807	0,496114
15	Пермский край	0,548967	0,529605	0,479526	0,530150	0,495760
16	Курская область	0,510174	0,490288	0,441134	0,494295	0,494483
17	Ярославская область	0,505593	0,499386	0,436903	0,491165	0,487759
18	Тульская область	0,524514	0,484401	0,450829	0,545436	0,484472
19	Тверская область	0,507062	0,482774	0,452725	0,486313	0,483790
20	Вологодская область	0,551970	0,531549	0,505244	0,542649	0,478958
21	Приморский край	0,513411	0,500400	0,477607	0,493797	0,475646
22	Оренбургская область	0,520081	0,486637	0,433615	0,501351	0,473018
23	Республика Башкортостан	0,569205	0,537160	0,495092	0,516153	0,471534

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

О к о н ч а н и е т а б л . 15

1	2	3	4	5	6	7
24	Иркутская область	0,512225	0,466240	0,449860	0,442066	0,469903
25	Рязанская область	0,521241	0,507684	0,421110	0,495851	0,465697
26	Челябинская область	0,487350	0,501836	0,484769	0,497450	0,462186
27	Архангельская область без АО	0,532148	0,496776	0,445942	0,471634	0,458535
28	Удмуртская Республика	0,512201	0,496553	0,445962	0,483840	0,457775
29	Астраханская область	0,477718	0,510472	0,412170	0,444592	0,456126
30	Томская область	0,533116	0,441193	0,445924	0,448570	0,439332
31	Саратовская область	0,505028	0,478644	0,427459	0,483601	0,436404
32	Кемеровская область	0,443553	0,526075	0,462862	0,471643	0,413526

Источник: составлено авторами.

Группа II – регионы со средним значением индекса в течение всего рассматриваемого периода (значение индекса ниже 0,5, но выше 0,4). 12 субъектов стабильно имеют среднее значение (см. табл. 16, рис. 5).

Т а б л и ц а 16

Значение индексов для II группы по годам*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Владимирская область	0,483287	0,477711	0,422334	0,491888	0,469511
2	Волгоградская область	0,484932	0,468401	0,419565	0,459540	0,468386
3	Смоленская область	0,493972	0,469793	0,439762	0,442276	0,466854
4	Ульяновская область	0,496167	0,480668	0,438154	0,468745	0,462356
5	Омская область	0,476403	0,471999	0,432873	0,486173	0,460827
6	Ставропольский край	0,474781	0,449052	0,424768	0,493789	0,451786
7	Орловская область	0,433455	0,406442	0,420770	0,433625	0,439751
8	Республика Адыгея	0,469151	0,441853	0,460960	0,486512	0,433191
9	Алтайский край	0,437298	0,425140	0,417293	0,425729	0,430681
10	Кировская область	0,480626	0,455831	0,410418	0,456810	0,429236
11	Пензенская область	0,480051	0,454018	0,418934	0,435918	0,424988
12	Республика Хакасия	0,414284	0,435517	0,434542	0,431975	0,412214

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

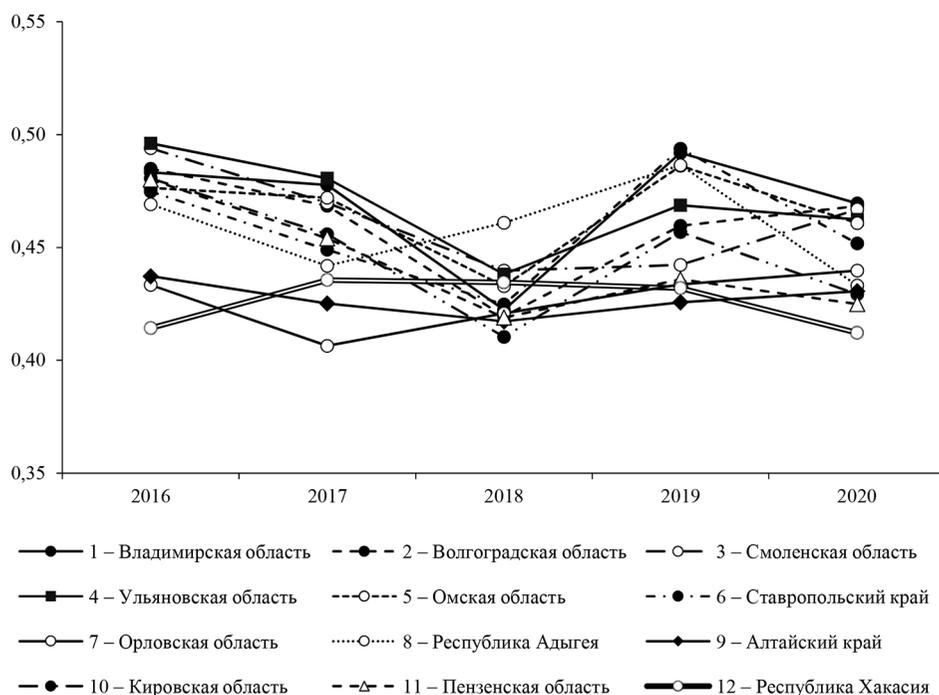

Рис. 5. Динамика итогового индекса регионов II группы по годам

Источник: составлено авторами.

Группа II-м – регионы, мигрирующие в рассматриваемый период между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса (менее 0,4) – 16 регионов. При этом в 2020 г. в группу со средним значением индекса вошло 12 субъектов Российской Федерации. Наибольшее число более успешных регионов отмечается в 2016 г. – 14 регионов. Наименьшее – в 2018 г. – 3 региона (см. табл. 17).

Один раз в группу с низкими значениями индекса попадают 6 регионов: Тамбовская, Костромская области, Чувашская Республика, а также Республики Марий Эл, Карелия, Мордовия. Два раза в группу с низкими значениями индекса попадают 5 регионов: Брянская, Калининградская, Ивановская, Псковская области и Забайкальский край. Эти 11 регионов можно отнести к группе со средними значениями, но неустойчивым трендом.

Три и четыре раза в группу с низкими значениями индекса попадают также 5 регионов, которые можно отнести к субъектам Федерации со средними значениями с выраженным трендом на понижение (Республики Калмыкия, Бурятия, Дагестан, Северная Осетия-Алания и Кабардино-Балкарская Республика).

Т а б л и ц а 17

Регионы, мигрирующие между группами II и III*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Республика Калмыкия	0,367674	0,344955	0,413482	0,370920	0,446883
2	Тамбовская область	0,484961	0,459964	0,378884	0,460336	0,446301
3	Брянская область	0,432895	0,378174	0,395302	0,434682	0,433382
4	Республика Марий Эл	0,425910	0,432107	0,376769	0,436016	0,430993
5	Забайкальский край	0,445743	0,410908	0,369300	0,380004	0,428887
6	Калининградская область	0,460986	0,371986	0,380282	0,403357	0,426916
7	Ивановская область	0,390593	0,421085	0,372625	0,420089	0,424647
8	Костромская область	0,438648	0,421112	0,390188	0,441257	0,414376
9	Псковская область	0,419921	0,389279	0,386961	0,418392	0,412573
10	Республика Карелия	0,450232	0,389282	0,409251	0,441959	0,409482
11	Чувашская Республика	0,462087	0,440884	0,391814	0,463014	0,406093
12	Республика Мордовия	0,435671	0,409514	0,356961	0,447507	0,404553
13	Республика Бурятия	0,434555	0,388927	0,397987	0,423898	0,390964
14	Кабардино-Балкарская Республика	0,420857	0,351650	0,391741	0,367662	0,357916
15	Республика Дагестан	0,430041	0,350579	0,416209	0,374387	0,351376
16	Республика Северная Осетия – Алания	0,416751	0,367901	0,381350	0,364229	0,330186

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Группа III – регионы с устойчиво низким значением индекса (ниже 0,4 весь рассматриваемый период). Стабильно низкое место в итоговом рейтинге занимают всего 8 (9,4%) субъектов Российской Федерации (см. табл. 18). Из них – три региона Северо-Кавказского ФО (Карачаево-Черкесская и Чеченская Республика, Республика Ингушетия), один регион Дальневосточного ФО (Еврейская автономная область), два региона Сибирского ФО (Республики Алтай и Тыва), один регион Уральского ФО (Курганская область).

Самое большое снижение значения индекса у большинства регионов этой группы произошло в 2017 г. (см. рис. 6).

Группа III-м – регионы, мигрирующие между группами с высоким, средним и низким рейтингом (I, II и III). Таких регионов два: Новгородская область в 2016 г. – в первой группе, в 2018 г. – в группе с низким значением индекса; г. Севастополь в 2016 г. – также в высшей группе рейтинга, в 2020 г. – в числе регионов с низким значением итогового индекса (см. табл. 19).

Т а б л и ц а 1 8

Значение индексов для III группы по годам*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Курганская область	0,393249	0,367298	0,338409	0,383835	0,385019
2	Еврейская автономная область	0,379704	0,355474	0,370171	0,344571	0,381880
3	Республика Крым	0,362716	0,387138	0,373735	0,373028	0,365513
4	Республика Алтай	0,346025	0,292327	0,351472	0,334150	0,353334
5	Карачаево-Черкесская Республика	0,349113	0,304713	0,353028	0,313081	0,351837
6	Чеченская Республика	0,363537	0,265960	0,353321	0,372414	0,322075
7	Республика Тыва	0,276211	0,188368	0,273011	0,292125	0,311630
8	Республика Ингушетия	0,330207	0,233043	0,309830	0,290864	0,263290

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

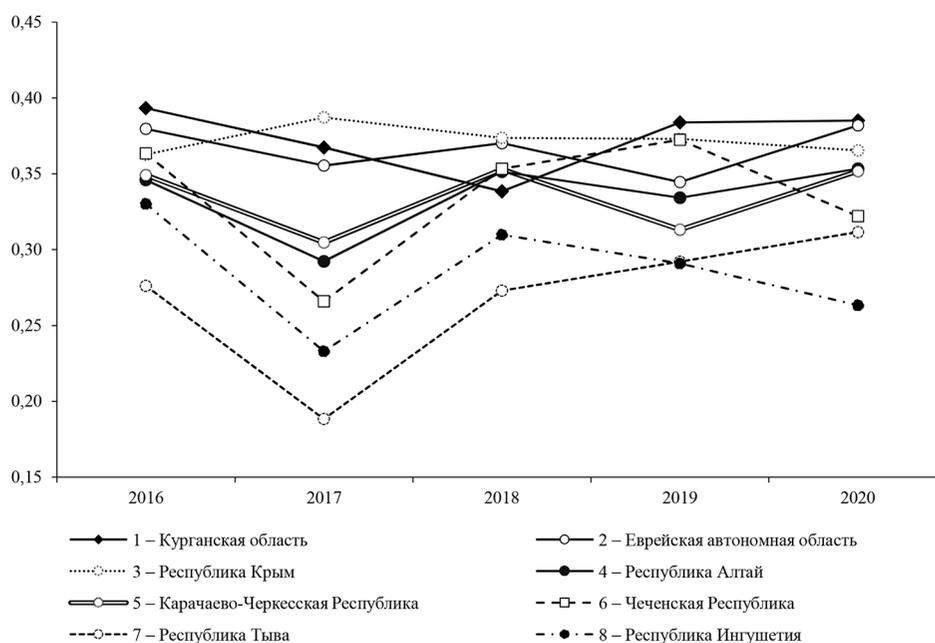

Рис. 6. Динамика итогового индекса регионов III группы по годам

Источник: составлено авторами.

Т а б л и ц а 19

Регионы, мигрирующие между тремя группами*

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	Новгородская область	0,524613	0,467611	0,387801	0,409427	0,432179
2	г. Севастополь	0,501779	0,410706	0,411865	0,456225	0,372879

Источник: составлено авторами.

* Примечание. Упорядочены по убыванию значения индекса в 2020 г.

Распределение регионов с высоким, средним и низким значениями итогового индекса по годам представлено в *таблице 20*.

Т а б л и ц а 20

Распределение групп с высоким, средним и низким значением итогового индекса по годам

Группы регионов	2016	2017	2018	2019	2020
С высоким значением индекса	44	35	16	30	27
Со средним значением индекса	31	33	47	42	45
С низким значением индекса	10	17	22	13	13

Источник: составлено авторами.

Наиболее благополучным следует считать 2016 г., когда большинство (44, или 52%) субъектов Российской Федерации имели высокие значения итогового индекса рейтинга, а наименьшее число регионов (10 регионов, или 12%) – низкие значения.

Несколько хуже были результаты в 2017 г. – 35 регионов (41%) в группе с высокими значениями итогового индекса, но уже 17 регионов (20%) в группе с низкими значениями индекса. Отметим, что в этом году отмечалось и количественное снижение значения итогового индекса у большинства регионов, стабильно относящихся к группе с низкими значениями итогового индекса (*см. рис. 4*).

Самый сложный и неблагоприятный год в целом – 2018 г., когда только 16 субъектов Федерации (менее пятой части всех регионов) имели высокие значения обобщенного индекса, и отмечалось самое большое число субъектов (22, или четверть регионов – 26%) с низкими значениями. В 2019 и 2020 гг. ситуация несколько выправилась, но результаты 2017 г. и тем более 2016 г. достигнуть еще не удалось.

2020 г. не привел к выраженному слому ключевых трендов.

На фоне общего снижения хозяйственной активности и роста потребности в социальной поддержке населения расположение регионов в выделенных нами группах изменилось несущественно. В то же время общее снижение итогового индекса по сравнению с предшествующим го-

дом наблюдалось для 52 регионов (для 12 регионов снижение по относительным показателям было незначительным). Наиболее существенное падение имело место для г. Севастополя (с 0,45 в 2019 г. до 0,37 в 2020 г.) и Чеченской Республики (с 0,37 до 0,32). Данное снижение рейтинга затронуло субъекты всех выделенных групп.

Из числа субъектов группы I снижение итогового рейтинга имело место для Тюменской области и Ненецкого АО (на 0,04 пункта), Свердловской области (на 0,02 пункта), Республики Татарстан и г. Санкт-Петербурга (на 0,013 пункта). Для г. Москвы падение было не столь значительным (с 0,68759 до 0,68325). Из числа регионов, отнесенных к группе III, снижение итогового рейтинга в 2020 г. по сравнению с 2019 г., кроме Чеченской Республики, имело место также для Республики Ингушетии, которая потеряла 0,03 пункта.

В то же время для 33 субъектов Российской Федерации показатели итогового рейтинга возросли, в т.ч. для 6 (Республики Калмыкии, Чукотского АО, Магаданской области, Забайкальского края, Карачаево-Черкесской Республики) весьма существенно – на 0,05–0,09 пунктов (более 10%).

Рост итогового рейтинга наблюдался для некоторых субъектов группы I. Это ЯНАО, ХМАО, Ленинградская и Сахалинская и Мурманская области, где падение хозяйственной активности было не столь значительным, как в большинстве, а поддержка социального уровня обеспечивалась как имеющимися собственными резервами, так и федеральными трансфертами. Снижение итогового рейтинга для Московской области и Республики Саха (Якутии) было крайне незначительным (менее 0,01 пункта).

Итоговый рейтинг всех субъектов Российской Федерации представлен в *таблице 21*.

Т а б л и ц а 21

*Итоговый индекс**

пп.	Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020
1	2	3	4	5	6	7
1	Ямало-Ненецкий АО	0,713688	0,694551	0,643748	0,667927	0,686614
2	г. Москва	0,697717	0,661857	0,645543	0,687590	0,683253
3	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,603953	0,586446	0,596590	0,616148	0,650681
4	Сахалинская область	0,611765	0,615611	0,543085	0,598191	0,631377
5	Магаданская область	0,526848	0,519860	0,512504	0,543799	0,622786
6	Ленинградская область	0,603655	0,594477	0,588278	0,589620	0,617623

* Примечание. Регионы упорядочены по уменьшению значения итогового индекса в 2020 г.

Продолжение табл. 21

1	2	3	4	5	6	7
7	Чукотский АО	0,473211	0,427005	0,438941	0,515011	0,613819
8	Московская область	0,629983	0,647216	0,588748	0,605245	0,609388
9	г. Санкт-Петербург	0,635012	0,615286	0,579634	0,595783	0,582650
10	Краснодарский край	0,602727	0,588555	0,545808	0,562865	0,579651
11	Мурманская область	0,552160	0,536702	0,510588	0,527441	0,565192
12	Республика Татарстан	0,607316	0,602874	0,523031	0,574676	0,561575
13	Тюменская область без АО	0,633185	0,596052	0,612116	0,593702	0,547271
14	Ненецкий автономный округ	0,559066	0,612403	0,599131	0,585112	0,545374
15	Белгородская область	0,546086	0,553301	0,487935	0,556668	0,541658
16	Красноярский край	0,528410	0,518528	0,485748	0,532098	0,539320
17	Липецкая область	0,548414	0,559645	0,495746	0,546124	0,537283
18	Ростовская область	0,541080	0,514407	0,460180	0,498887	0,535207
19	Республика Саха (Якутия)	0,549116	0,528025	0,558971	0,526426	0,534902
20	Хабаровский край	0,528660	0,504917	0,461749	0,471633	0,526205
21	Свердловская область	0,537041	0,564011	0,507505	0,541850	0,524310
22	Нижегородская область	0,524935	0,515217	0,470273	0,521161	0,522278
23	Калужская область	0,508865	0,506160	0,473730	0,518233	0,516122
24	Республика Коми	0,520224	0,526195	0,478591	0,478315	0,513794
25	Воронежская область	0,560065	0,549921	0,498431	0,550886	0,513699
26	Камчатский край	0,440601	0,423476	0,434921	0,471127	0,506224
27	Самарская область	0,530505	0,537979	0,497938	0,542233	0,505318
28	Новосибирская область	0,539464	0,541994	0,493394	0,520078	0,499196
29	Амурская область	0,526538	0,554462	0,459151	0,500807	0,496114
30	Пермский край	0,548967	0,529605	0,479526	0,530150	0,495760
31	Курская область	0,510174	0,490288	0,441134	0,494295	0,494483
32	Ярославская область	0,505593	0,499386	0,436903	0,491165	0,487759
33	Тульская область	0,524514	0,484401	0,450829	0,545436	0,484472
34	Тверская область	0,507062	0,482774	0,452725	0,486313	0,483790
35	Вологодская область	0,551970	0,531549	0,505244	0,542649	0,478958
36	Приморский край	0,513411	0,500400	0,477607	0,493797	0,475646

Продолжение табл. 21

1	2	3	4	5	6	7
37	Оренбургская область	0,520081	0,486637	0,433615	0,501351	0,473018
38	Республика Башкортостан	0,569205	0,537160	0,495092	0,516153	0,471534
39	Иркутская область	0,512225	0,466240	0,449860	0,442066	0,469903
40	Владимирская область	0,483287	0,477711	0,422334	0,491888	0,469511
41	Волгоградская область	0,484932	0,468401	0,419565	0,459540	0,468386
42	Смоленская область	0,493972	0,469793	0,439762	0,442276	0,466854
43	Рязанская область	0,521241	0,507684	0,421110	0,495851	0,465697
44	Ульяновская область	0,496167	0,480668	0,438154	0,468745	0,462356
45	Челябинская область	0,487350	0,501836	0,484769	0,497450	0,462186
46	Омская область	0,476403	0,471999	0,432873	0,486173	0,460827
47	Архангельская область без АО	0,532148	0,496776	0,445942	0,471634	0,458535
48	Удмуртская Республика	0,512201	0,496553	0,445962	0,483840	0,457775
49	Астраханская область	0,477718	0,510472	0,412170	0,444592	0,456126
50	Ставропольский край	0,474781	0,449052	0,424768	0,493789	0,451786
51	Республика Калмыкия	0,367674	0,344955	0,413482	0,370920	0,446883
52	Тамбовская область	0,484961	0,459964	0,378884	0,460336	0,446301
53	Орловская область	0,433455	0,406442	0,420770	0,433625	0,439751
54	Томская область	0,533116	0,441193	0,445924	0,448570	0,439332
55	Саратовская область	0,505028	0,478644	0,427459	0,483601	0,436404
56	Брянская область	0,432895	0,378174	0,395302	0,434682	0,433382
57	Республика Адыгея	0,469151	0,441853	0,460960	0,486512	0,433191
58	Новгородская область	0,524613	0,467611	0,387801	0,409427	0,432179
59	Республика Марий Эл	0,425910	0,432107	0,376769	0,436016	0,430993
60	Алтайский край	0,437298	0,425140	0,417293	0,425729	0,430681
61	Кировская область	0,480626	0,455831	0,410418	0,456810	0,429236
62	Забайкальский край	0,445743	0,410908	0,369300	0,380004	0,428887
63	Калининградская область	0,460986	0,371986	0,380282	0,403357	0,426916
64	Пензенская область	0,480051	0,454018	0,418934	0,435918	0,424988
65	Ивановская область	0,390593	0,421085	0,372625	0,420089	0,424647

О к о н ч а н и е т а б л . 2 1

1	2	3	4	5	6	7
66	Костромская область	0,438648	0,421112	0,390188	0,441257	0,414376
67	Кемеровская область	0,443553	0,526075	0,462862	0,471643	0,413526
68	Псковская область	0,419921	0,389279	0,386961	0,418392	0,412573
69	Республика Хакасия	0,414284	0,435517	0,434542	0,431975	0,412214
70	Республика Карелия	0,450232	0,389282	0,409251	0,441959	0,409482
71	Чувашская Республика	0,462087	0,440884	0,391814	0,463014	0,406093
72	Республика Мордовия	0,435671	0,409514	0,356961	0,447507	0,404553
73	Республика Бурятия	0,434555	0,388927	0,397987	0,423898	0,390964
74	Курганская область	0,393249	0,367298	0,338409	0,383835	0,385019
75	Еврейская автономная область	0,379704	0,355474	0,370171	0,344571	0,381880
76	г. Севастополь	0,501779	0,410706	0,411865	0,456225	0,372879
77	Республика Крым	0,362716	0,387138	0,373735	0,373028	0,365513
78	Кабардино-Балкарская Республика	0,420857	0,351650	0,391741	0,367662	0,357916
79	Республика Алтай	0,346025	0,292327	0,351472	0,334150	0,353334
80	Карачаево-Черкесская Республика	0,349113	0,304713	0,353028	0,313081	0,351837
81	Республика Дагестан	0,430041	0,350579	0,416209	0,374387	0,351376
82	Республика Северная Осетия – Алания	0,416751	0,367901	0,381350	0,364229	0,330186
83	Чеченская Республика	0,363537	0,265960	0,353321	0,372414	0,322075
84	Республика Тыва	0,276211	0,188368	0,273011	0,292125	0,311630
85	Республика Ингушетия	0,330207	0,233043	0,309830	0,290864	0,263290

Источник: составлено авторами.

Основные выводы по результатам исследования

Кратко охарактеризуем некоторые результаты проведенного исследования.

1. Данное исследование, как и исследование, проводившееся в период 2012–2019 гг., показало, что субъекты Российской Федерации делятся на несколько групп, различающихся не только по экономическому потенциалу, но и по трендам социально-экономического развития.

2. Во всех группах, кроме второй, зафиксировано отсутствие жесткой корреляции между уровнем социального благополучия и уровнем хозяйственной активности в регионах.

3. Существенную роль в поддержке социального благополучия в большинстве субъектов Федерации играют трансферты из федерального бюджета. Именно они в значительной мере компенсируют недостаточность хозяйственной активности («недостаточность» с точки зрения финансирования расходов).

Таким образом, нам удалось выделить:

- регионы, в которых обеспечение определенного уровня социального благополучия может быть достигнуто за счет развития собственной экономики, поддержки бизнеса и всех форм хозяйственной активности;
- регионы, для которых в краткосрочном периоде этого фактора недостаточно.

Т а б л и ц а 22

Группировка регионов по уровню устойчивости

<i>Устойчивые</i>	
15 регионов динамично и стабильно развиваются с 2016 по 2020 гг.	Мощные с экономической точки зрения регионы, обладающие в целом достаточным собственным бюджетным потенциалом для обеспечения относительно высокого уровня социального благополучия
12 субъектов Российской Федерации стабильно имеют среднее значение индекса	Регионы со средними характеристиками уровня социального благополучия, имеющие проблемы с хозяйственной активностью и в значительной мере зависящие от федеральных трансфертов
8 регионов имеют устойчиво низкое значение индекса	Регионы, экономика которых не может обеспечить необходимый уровень социального благополучия. Его обеспечивают федеральные трансферты
<i>Неустойчивые (пограничные)</i>	
32 региона, мигрирующие между I и II группами	Относительно незначительное изменение отдельных показателей вызывает в различные годы маятниковое перемещение регионов между более высокой и более низкой группами
16 регионов, мигрирующие между II и III группами	Новгородская область, г. Севастополь
2 региона, мигрирующие между I, II и III группами	

Источник: составлено авторами.

Подобные межрегиональные различия факторов развития региональных экономик требуют выстраивания отношений федерального центра и субъектов Российской Федерации в рамках *разумно ассиме-*

тричной модели. Этой модели должна соответствовать и *асимметричная модель межбюджетных отношений*.

Только в рамках такой стратегии удастся двинуться в направлении региональной политики, повышающей хозяйственный потенциал региональных экономик.

Список литературы

1. Валентей С., Бахтизин А., Кольчугина А. Региональные ограничители модернизации российской экономики. *Федерализм*. 2012. № 4. С. 165–179.
2. Статистические сборники Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016–2020 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
3. Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (в разрезе субъектов Российской Федерации). На 1 января 2017–2021 гг. // Федеральное казначейство. URL: <https://www.roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/1019/> (дата обращения: 19.06.2021).

References

1. Valentei S., Bakhtizin A., Kol'chugina A. Regional'nye ogranichiteli modernizatsii rossiiskoi ekonomiki [Regional Constraints to the Modernization of the Russian Economy], *Federalizm* [Federalizm], 2012, No. 4, pp. 165–179. (In Russ.).
2. Statisticheskie sborniki Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016–2020 gg. [Statistical Compilations Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2016–2020], *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
3. Informatsiia ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta sub"ekta Rossiiskoi Federatsii i biudzheta territorial'nogo gosudarstvennogo vnebiudzhethnogo fonda (v razreze sub"ektov Rossiiskoi Federatsii). Na 1 ianvaria 2017–2021 gg. [Information on the Execution of the Consolidated Budget of the Constituent Entity of the Russian Federation and the Budget of the Territorial State Extra-Budgetary Fund (In the Context of Constituent Entities of the Russian Federation). As of January 1, 2017–2021], *Federal'noe kaznacheistvo* [Federal Treasury]. (In Russ.). Available at: <https://www.roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/1019/> (accessed 19 June 2021).

DEVELOPMENT TRENDS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PANDEMIC PERIOD

There is a growing number of publications in the scientific literature on the impact of the COVID-19 pandemic on the situation in national economies. The number of studies in which this problem is considered at the regional level is much smaller. At the same time, due to differences in the levels of development of regional economies, the impact of the pandemic on regional economies is different and differs from that recorded at the macro level. The research results presented in the article continue the publication of annual analysts on the

development trends of the economies of the constituent entities of the Russian Federation, which began in 2012, however, it is based on a new methodology. The indicators used in the analysis are no longer related to the gross regional product. The authors made an attempt to determine: the existence of a relationship between the “quality of the social environment” of the regions and the economic activity carried out on its territory; to specify the sources of financing for the development of the social environment of the constituent entities of the Russian Federation. The author have identified the groups of regions where the provision of a certain level of social well-being can be achieved through the development of their own economy, as well as the constituent entities of the Russian Federation, where this is not possible in the short term. All groups of regions, except for the second, shows the absence of a strong correlation between the levels of social well-being and economic activity. It is indicated that transfers from the federal budget play a significant role in supporting social well-being in most constituent entities of the Russian Federation. They largely compensate for the lack of economic activity to finance costs. The question is raised about the need to move to a reasonably asymmetric model of building relations between the federal center and the constituent entities of the Russian Federation and a reasonably asymmetric model of interbudgetary relations adequate to it.

Keywords: region, budgetary federalism, federal relations, regional economy, development trends, pandemic.

JEL: H11, O20, R10, R1, R22

Дата поступления – 20.11.2021 г.

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала, руководитель Научно-исследовательского объединения;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: Valentey.SD@tea.ru

БАХТИЗИН Альберт Раффович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт РАН / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

БОРИСОВА Светлана Валерьевна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории динамических моделей экономики и оптимизации;

Центральный экономико-математический институт РАН / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: sv-borissova@yandex.ru

КОЛЬЧУГИНА Анастасия Владимировна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики РАН / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, 32, г. Москва, 117218.

e-mail: Lykoval@inecon.ru

VALENTEY Sergey D.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Research Association;
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics» / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.

e-mail: Valentey.SD@rea.ru

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

BORISOVA Svetlana V.

Cand. Sc. (Physico-Mathematical), Senior Researcher of the Laboratory of Dynamic Models of Economics and Optimization;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: sv-borissova@yandex.ru

KOL'CHUGINA Anastasiya V.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Center for Federal Relations and Regional Development;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:

Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 127–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-127-170>

Ю.А. КАРПОВ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЕС И КНР

Результативное функционирование транспортного комплекса связано с развитием транспортной инфраструктуры, включающей инфраструктуру морского, речного, автодорожного, авиационного, железнодорожного транспорта. В статье проводится сравнительный анализ организационно-экономических основ функционирования транспортного комплекса в странах ЕС и КНР. На их примере показано, что прогрессивное функционирование транспортного комплекса в современных условиях обеспечивается связанностью территорий, адаптивной к макроэкономическим и глобальным вызовам транспортной политикой национальных ведомств.

Ключевые слова: транспортный комплекс, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, морской транспорт, ЕС, Китай, регион.

JEL: O18

Факторами динамичного развития национального транспортного комплекса в настоящее время выступают, с одной стороны, общий и цифровой уровень развития инфраструктурных компонентов, их темп обновления, с другой – укрепление и диверсификация направлений и инструментов управления механизмом транспортного комплекса. Третья группа факторов основывается на целях актуальной транспортной политики стран, а также уровне вовлеченности национального транспортного комплекса в глобальное транспортное хозяйство.

Функционирование транспортного комплекса как государствообразующей отрасли оказывает непосредственное влияние на развитие различных отраслей и научно-технического потенциала страны, а также на состояние макро-, мезо- и микроэкономических показателей: производительность труда, рентабельность отраслей, обновление основных фондов, доходы населения и т.д. По показателям развития транспортного комплекса можно судить об уровне социально-экономического развития страны, о направлениях движения трудовых ресурсов, перемеще-

нии грузов по территории, концентрации инвестиций в транспортно-логистическом хозяйстве и их распределении по регионам.

Со второй половины XX в. во многих странах транспортная политика является *флагманом национальной отраслевой политики*. В частности, посредством в первую очередь конвергенции усилий транспортных ведомств стран Европейского союза и реализации единой транспортной политики были обеспечены внутриотраслевые и межотраслевые связи производителей государств-участников, внедрен формат безвизового перемещения, созданы качественно новые условия для обеспечения жизнедеятельности населения.

Транспортный комплекс ЕС

В странах ЕС развитие транспортного комплекса являлось важнейшим направлением экономических реформ. Это развитие в Евросоюзе рассматривалось как необходимая предпосылка для углубления экономической интеграции. Была формализована и осуществлена *единая транспортная политика*, основы которой были закреплены в Римском договоре об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. Договор устанавливал, что транспортная политика – *одно из общих направлений политики ЕС*. На протяжении шестидесяти лет именно транспортный комплекс представляет собой объединительную основу функционирования единого рынка стран ЕС, способствуя интенсификации и производственных, и миграционных процессов.

Благодаря эффективному функционированию структурных подразделений и секторов транспортного комплекса, результативной работе хозяйствующих субъектов смежных производств и сервисов происходит ускорение транспортных потоков, рост конкурентоспособности европейских компаний. Важность транспортного комплекса стран ЕС обуславливается тем, что данная отрасль экономики способствует формированию около 9% ВВП стран ЕС. По имеющимся данным, в транспортном комплексе ЕС осуществляют трудовую деятельность свыше 11 млн чел., задействовано более 1 млн компаний стран ЕС. Более половины из них осуществляют деятельность на наземном транспорте. В условиях пандемии COVID-19 и вводимых в связи с пандемией ограничений страны ЕС столкнулись со снижением количества пассажирских и грузовых перевозок. Однако постепенно показатели объемов перевозок в странах ЕС восстанавливаются на докризисный уровень.

Организационно-экономические основы функционирования транспортного комплекса стран ЕС определяются в рамках общей транспортной политики. Необходимость ее проведения на территории стран ЕС стала осознаваться с 50-х гг. XX в. в целях создания единого рынка товаров и услуг.

В настоящее время в странах Евросоюза транспортная политика определяет, что транспортный комплекс должен функционировать

с учетом необходимости обеспечения безопасности общества и снижения уровня загрязнения окружающей среды¹.

Значимым документом, определяющим организационные основы функционирования транспортного комплекса стран ЕС, является Регламент (ЕС) № 1315/2013 Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2013 г. [1], в котором *определяются основные направления* развития и функционирования транспортного комплекса на долгосрочную перспективу. В рамках данного документа также определяются этапы развития транспортного комплекса и показатели, которые должны быть достигнуты к определенному времени.

Также значимым документом, определяющим организационно-экономические основы функционирования транспортного комплекса стран ЕС, является утвержденная Еврокомиссией Белая книга ЕС до 2050 г. [2], подготовленная в период становления транспортного пространства ЕС. Данный документ направлен на гармонизацию правовых основ функционирования транспортного комплекса в странах ЕС. Белая книга ЕС до 2050 г. определяет *приоритетные направления* развития транспортной инфраструктуры, транспортного рынка в странах ЕС. Документ также предусматривает значимость повышения эффективности транспортного комплекса стран ЕС в целях формирования единого транспортного пространства этих стран, конкурентоспособной транспортной системы. Документ «Белая книга ЕС до 2050 г.» значительное внимание уделяет вопросам безопасности на транспорте, охраны окружающей среды. Предполагается снижение вредных выбросов в атмосферу, достижение полной интегрированности национальных сегментов².

Развитие транспортного комплекса в странах ЕС осуществляется в целях повышения оперативности экономики, устранения проблем транспортной перегруженности территорий отдельных регионов. Организация транспортного комплекса стран ЕС основывается в текущем десятилетии на следующих четырех принципах.

1. Обеспечение беспрепятственного доступа на транспортный рынок стран ЕС тех хозяйствующих субъектов, которые полностью отвечают законодательно установленным требованиям ЕС.

2. Отказ от квот.

3. Установление единых лицензий на территории всех стран ЕС.

4. Установление единых технических требований к отдельным видам транспорта и контролю в данной сфере.

Важнейшая роль в сфере обеспечения пассажирооборота и грузоперевозок стран ЕС отводится автотранспорту. По данным Евростата, наблюдается поступательный рост плотности автомагистралей в странах

¹ В данной связи организационные основы функционирования транспортного комплекса стран ЕС имеют определенные отличия от таких основ в КНР, где развитие транспортного комплекса предполагает приоритет роста экономики без значительного внимания к вопросам экологии.

² Generating Growth. Transport is the Lifeblood of the EU Economy // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/connect-to-compete-growth_2016_en.pdf

ЕС. Перевозки автомобильным транспортом составляют 1,6% от ВВП и почти 2% от общего количества рабочих мест в ЕС. Наблюдается динамика роста грузовых автомобильных перевозок на 3,4% в год. В начале третьего десятилетия XXI в. около 40% товаров перевозится в странах ЕС автомобильным транспортом.

Железнодорожный транспорт остается значимым и экономичным видом комплекса. Особенностью функционирования железнодорожного транспорта в Евросоюзе является *разграничение деятельности по оказанию транспортных услуг и управлению транспортной инфраструктурой*. Значительное внимание в странах ЕС уделяется развитию сети скоростных железных дорог. Так, за период с 1985 по 2019 гг. в странах ЕС протяженность высокоскоростной железнодорожной сети была увеличена более чем в 12 раз.

Что касается авиатранспорта стран ЕС, то в рамках единой транспортной политики предусматривается проведение мероприятий по устранению существующих ограничений для авиакомпаний, которые совершают перелеты в рамках ЕС, устранению существующих ограничений на маршруты. Как свидетельствуют данные Евростата, практически во всех странах ЕС за период 1985–2020 гг. наблюдается улучшение ситуации с воздушными перевозками. В свою очередь развитие морского транспорта осуществляется в рамках стремления к обеспечению свободного доступа хозяйствующих субъектов, осуществляющих морские перевозки, на рынок морских перевозок.

Таким образом, развитие транспортного комплекса в странах ЕС осуществляется в целях развития единого транспортного рынка на территории стран-членов. Большое значение на современном этапе развития транспортного комплекса в ЕС отводится созданию и внедрению в его деятельность современных информационных систем. В целях более эффективного использования транспортной инфраструктуры применяются различные системы интеллектуального управления движением транспорта.

Транспортный комплекс КНР

Транспортный комплекс КНР получил значительное развитие в период глобального экономического кризиса 2008 г. Руководством страны была определена решающая роль развития транспортной инфраструктуры как *одного из важнейших инструментов преодоления экономического спада*. С этого периода в стране начал реализовываться антикризисный план, предусматривающий выделение значительных объемов инвестиций для развития транспортного комплекса (на эти цели планировалось выделить более 4 трлн юаней).

В 2012–2021 гг. для расширения внутреннего спроса, роста смежного производства и увеличения количества новых рабочих мест в КНР происходит реализация масштабных инвестиционных проектов в сфере строительства объектов железнодорожной, автомобильной, портовой

инфраструктуры. Транспортная отрасль стала для страны генератором технологических инноваций. Значительное развитие получили высокосортные магистрали, начала создаваться техника в этой области. КНР приобрел право собственности на ряд ключевых технологий, которые используются при создании скоростных поездов [3, с. 238]. Значительное внимание на сегодняшний день в КНР уделяется созданию беспилотных поездов.

КНР обладает мощным транспортным комплексом, включающим в себя все виды транспорта. Наиболее приоритетным в настоящее время является развитие автомобильного, железнодорожного, водного транспорта. На долю первых двух видов приходится наиболее высокий спрос населения. На *рисунке 1* представлена динамика структуры грузооборота в КНР по видам транспорта за период 2015–2020 гг.

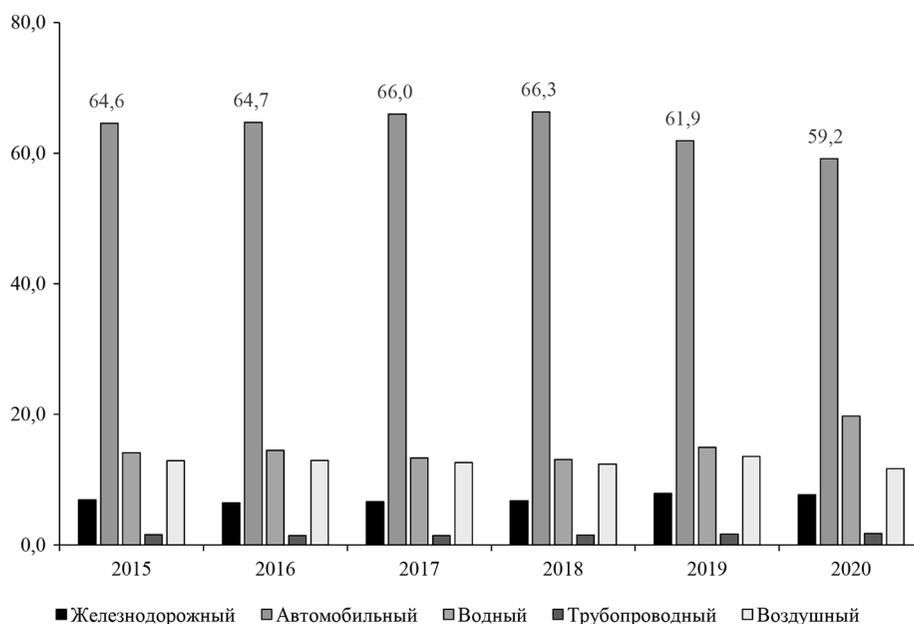

Рис. 1. Структура грузооборота по видам транспорта, %

Источник: составлено автором по данным [4].

Как показано на *рисунке 1*, наибольшая доля грузооборота в 2020 г. приходится на автомобильный транспорт (59,2%). На втором месте по данному показателю – водный транспорт (19,7%).

На *рисунке 2* представлена структура пассажирооборота по видам транспорта.

Наибольшее количество пассажиров в КНР в 2020 г. перевозится автомобильным транспортом (71%). На втором месте находится железнодорожный транспорт (23%).

Значимое место в транспортном комплексе КНР занимает такой вид транспорта, как морской. Он направлен на обслуживание интересов

КНР, связанных с увеличением масштабов внешней торговли³. В целях развития морского транспорта в КНР осуществлялись *модернизация и строительство* портов, перевалочных мощностей морского транспорта. На сегодняшний день морские порты КНР занимают *лидирующие позиции в мировых рейтингах по показателям грузооборота*.

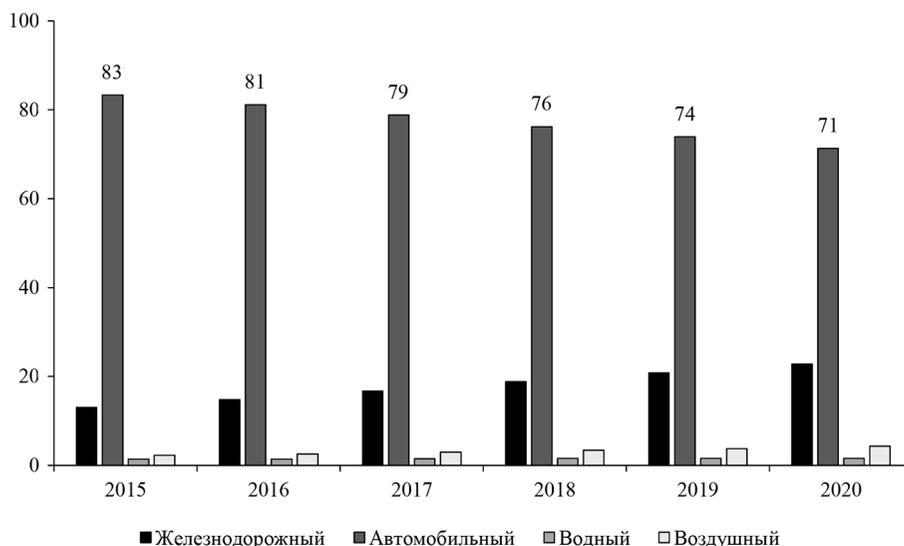

Рис. 2. Структура пассажирооборота по видам транспорта, %

Источник: составлено автором [4].

В результате привлечения инвестиций и реализации проектов по созданию и реконструкции портов к 2020 г. в число крупнейших портов мира вошли 7 портов КНР. Объем грузооборота морского транспорта в КНР к 2020 г. превысил 5 трлн т-км. Всего в КНР действует более 1,8 тыс. портов, а морской торговый флот КНР включает более 2 тыс. судов, общим дедвейтом превышающих 160 млн т. Морским транспортом КНР перевозится около 99% импортируемого зерна и железной руды, 92% угля [3, с. 256].

Значительное внимание в КНР уделяется развитию железнодорожного транспорта. Развитие высокоскоростных магистралей *способствовало экономическому росту страны*. В результате реализации ряда инвестиционных проектов на сегодняшний день в КНР функционирует самая протяженная железнодорожная сеть в мире, которая охватывает все города КНР с населением более 500 тыс. чел. На сегодняшний день железнодорожный транспорт в КНР перевозит большие объемы пассажиров, чем автомобильный транспорт, свыше 1,7 млрд чел. [5, с. 156].

Значимые инфраструктурные проекты в сфере авиатранспорта направлены на развитие сети аэропортов. За 2005–2020 гг. на реконструкцию и строительство объектов инфраструктуры воздушного транспор-

³ Сазонов С.Л. Морской транспорт КНР // Морские вести России. URL: <http://www.morvesti.ru/analitika/1692/74499/>.

та государством было направлено около 1,2 млрд юаней инвестиций. Данные бюджетные инвестиции позволили построить 47 региональных аэропортов, модернизировать 126 аэропортов. В результате планомерной деятельности по развитию сети аэропортов к настоящему времени в КНР функционируют 220 аэропортов, а рынок воздушных перевозок в стране является *вторым по объему перевозок после США*. Пассажиропоток воздушного транспорта в КНР составляет более 611 млн чел.

За относительно небольшой промежуток времени в КНР удалось обеспечить значительную модернизацию транспортного комплекса. Существенно увеличались объемы перевезенных грузов и пассажиров. В наибольшей степени получили развитие железнодорожный и морской транспорт. Современные организационно-экономические основы функционирования транспортного комплекса КНР связаны с изменением масштабов экономики, внешней торговли и вызванным этими изменениями ростом грузооборота. Наблюдается определенная взаимосвязь между экономическим развитием страны, развитием отдельных отраслей экономики и развитием транспортного комплекса КНР.

* * *

Технологический уровень и управленческо-организационная составляющая транспортного комплекса национальных хозяйств, его взаимосвязь и взаимовлияние с отраслями возрастает в XXI в.

Страны ЕС и КНР имеют определенные различия организационно-экономических основ функционирования транспортного комплекса. В ЕС формирование транспортного комплекса основывается на принципах свободного рынка и обеспечения выгодных условий для привлечения различных хозяйствующих субъектов в транспортную систему. В КНР транспортный комплекс в значительной степени находится под влиянием государства, которое выступает основным инвестором. В ЕС развитие транспортного комплекса осуществляется в целях всеобъемлющей интеграции стран, обеспечения производственной, торговой связанности территорий, создания по сути единой транспортной системы. Правительство КНР в транспортной политике начала XXI в. преследовало цель стимулирования развития национального производства, создания новых рабочих мест, роста грузооборота, расширения внутринационального производственного и потребительского спроса.

Список литературы

1. Regulation (EU) No 1315/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on Union guidelines for the development of the trans-European transport network and repealing Decision No 661/2010/EU // Portal of the Publications Office of the EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013R1315>

2. WHITE PAPER Roadmap to a Single European Transport Area – Towards a competitive and resource efficient transport system // Portal of the Publications Office of the EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52011DC0144>

3. Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики / отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2018. 344 с.

4. National Data // National Bureau of Statistics of China. 2020. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.

5. Бардаль А.Б. К вопросу о транспортном комплексе КНР // Пространственная экономика. 2020. № 1. С. 156–170.

References

1. Regulation (EU) No 1315/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on Union guidelines for the development of the trans-European transport network and repealing Decision No 661/2010/EU, *Portal of the Publications Office of the EU*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013R1315>

2. WHITE PAPER Roadmap to a Single European Transport Area – Towards a competitive and resource efficient transport system, *Portal of the Publications Office of the EU*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52011DC0144>

3. Sazonov S.L. Transport KNR: mesto i rol' v razvitii natsional'noi ekonomiki [Transport of the PRC: Place and Role in the Development of the National Economy], edited by A.V. Ostrovskii. Moscow, IDV RAN, 2018, 344 p. (In Russ.).

4. National Dat, *National Bureau of Statistics of China*. 2020. Available at: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.

5. Bardal' A.B. K voprosu o transportnom komplekse KNR [On the Issue of the Transport Complex of the PRC], *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economics], 2020, No. 1, pp. 156–170. (In Russ.).

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC BASIS OF FUNCTIONING OF TRANSPORTATION COMPLEXES OF THE EU AND PRC

The effective functioning of the transport complex is associated with the development of transport infrastructure, including sea, river, road, aviation, railway transport, which meets the needs of the country's economy in the delivery of goods and passengers. The article provides a comparative analysis of the organizational and economic foundations of the functioning of the transport complex in the EU and China. On the example of the EU countries and the PRC, it has been proved that the effective functioning of the transport complex in developed countries ensures the connectivity of territories and contributes to the growth of socio-economic development.

Key words: transport complex, railway transport, automobile transport, sea transport, EU, China, region.

JEL: O18

Дата поступления – 05.12.2021 г.

КАРПОВ Юрий Александрович

аспирант кафедры Национальной и региональной экономики;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.
e-mail: Karpov.Yu1@edu.rea.ru

KARPOV Yuriy A.

Postgraduate of Department of National and Regional Economy;
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Plekhanov
Russian University of Economics» / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.
e-mail: Karpov.Yu1@edu.rea.ru

Для цитирования:

Карпов Ю.А. Организационно-экономические основы функционирования транспортных комплексов ЕС и КНР // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 171–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-171-179>

**СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ФЕДЕРАЛИЗМ»
ЗА 2021 Г.**

	№	Стр.
РЕГИОНЫ И ЦЕНТР		
ВАЛЕНТЕЙ С.Д.		
Развитие отечественного федерализма не по спирали (к читателям).....	1	5
ЛЕКСИН В.Н., ПОРФИРЬЕВ Б.Н.		
Государственная арктическая политика России	1	15
БУХВАЛЬД Е.М.		
Конституционные изменения и новый этап развития российского федерализма	1	44
ОРЕХОВСКИЙ П.А.		
Электоральная демократия 2020 в свете теории общественного выбора: уроки институционального дизайна для России.....	1	62
КУЗНЕЦОВА О.В., БАБКИН Р.А.		
Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 г.	3	5
СТЕПАНОВ Н.С., СОКОЛОВСКАЯ Е.А.		
Место Дальнего Востока в перспективной модели развития Российской Федерации.....	3	29
СОРОКИНА Н.Ю.		
Уровни и иерархия целей современной региональной социально-экономической политики России	3	50
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ		
КАРАВАЕВА И.В.		
Теория экономической безопасности: этапы развития и переход к новой реальности	2	5
ЕМЕЛЬЯНОВА Э.С., ВАСИЛЬЕВ Л.А.		
Апробация подходов к оценке ESG-рисков российских компаний на региональном уровне	2	25
СУХАРЕВ О.С.		
Оценка институтов регионального развития и эффективности исполнительной власти субъектов Российской Федерации	2	43
КОРОТИНА Н.Ю.		
Формирование теоретической модели экономического федерализма на основе двойственной сущности государства.....	4	75
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ		
ОДИНЦОВА А.В.		
Проблемы развития агломераций в России	2	65
ЕМЕЛЬЯНОВА Э.С., ВАСИЛЬЕВ Л.А.		
Стресс-тестирование влияния ESG-факторов на компании металлургической отрасли	3	63
СИБИРСКАЯ Е.В., ОВЕШНИКОВА Л.В., ШАКИРОВА Д.Ф.		
Стратегическое планирование развития обрабатывающих производств Российской Федерации	3	75
ЛАЙКАМ К.Э., БИКБАЕВА А.Р., ПАВЛОВА Е.К.		
Влияние пандемии коронавируса на рынок труда	4	5

ГАГАРИНА Г.Ю., БОЛОТОВ Р.О.

Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации
и его декомпозиция с применением индекса Тейла..... 4 20

БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ**ЛЫКОВА Л.Н.**

Система межбюджетных отношений: есть ли стимулы
к экономическому развитию? 1 80

МОРОЗОВ О.В., БИРЮКОВ А.Г.

Вопросы к отечественной практике межбюджетного регулирования
в ситуации пандемии 2020 г. 2 84

ЛЫКОВА Л.Н.

Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации
в I полугодии 2021 г.: преодолен ли кризис? 3 105

БУКИНА И.С.

Долговая нагрузка субъектов Российской Федерации 3 121

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**КУЗНЕЦОВА О.В., БАБКИН Р.А.**

Типология муниципальных образований для мониторинга
их социально-экономического развития 4 35

ВОРОШИЛОВ Н.В.

Развитие городских агломераций на территории Европейского
севера России 4 54

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**ЧУФРИН Г.И.**

Зарождение, становление и перспективы развития евразийской
интеграции 2 115

ЧУФРИН Г.И.

Постсоветские государства Евразии в международных
экономических отношениях 4 89

ДИАПАЗОНЫ БЕЗОПАСНОСТИ**БАХТИЗИНА Н.В., БАХТИЗИН А.Р.**

Инвестиции в энергопереход и инструменты финансирования 1 100

КАРАВАЕВА И.В., КОЛОМИЕЦ А.Г., КАЗАНЦЕВ С.В.

Сможет ли федеральный бюджет 2021–2023 гг. реализовать
стратегические цели и обеспечить экономическую безопасность
Российской Федерации? 1 115

БАБКИН Р.А.

Интегральная оценка уровня маргинализации региональных
социумов России 1 132

БАДИНА С.В., БАБКИН Р.А., БЕРЕЗНЯЦКИЙ А.Н.

Перспективы применения данных сотовых операторов
в исследованиях природного и техногенного риска 4 111

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА М.В.**

На пороге новой регионализации 1 165

МИНАТ В.Н.		
Урбоориентированное развитие национальной инновационной системы в пространстве метрополитенских ареалов США	1	187
ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА М.В., КИРЮХИН К.С.		
Демократия в Америке?	3	142
МИНАТ В.Н.		
Регионализация развития человеческого капитала и региональная инновационная политика США.....	3	169
ЛУКОНИН С.А., АНОСОВ Б.А.		
Китай: декарбонизация экономики и следование принципам ESG	3	192
АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ		
ЛЫКОВА Л.Н.		
Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2020 г.: возможности выполнения обязательств в условиях кризиса ...	1	207
БУКИНА И.С., ЛЫКОВА Л.Н.		
Год в условиях пандемии: состояние российской бюджетной системы..	2	149
ВИЛЕНСКИЙ А.В.		
Геостратегические приграничные территории России: малое и среднее предпринимательство.....	2	169
СЕЛИВАНОВ В.В.		
Возможности перспективного развития крымской туристской дестинации	2	187
ВАЛЕНТЕЙ С.Д., БАХТИЗИН А.Р., БОРИСОВА С.В., КОЛЬЧУГИНА А.В., ЛЫКОВА Л.Н.		
Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии	4	127
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ		
КАРПОВ Ю.А.		
Организационно-экономические основы функционирования транспортных комплексов ЕС и КНР	4	171

**THE CONTENTS OF «FEDERALISM» JOURNAL
FOR 2021**

	No.	P.
REGIONS AND CENTRE		
VALENTEY S.D.		
Non-Spiral Development of Domestic Federalism (to readers)	1	5
LEKSIN V.N., PORFIRIEV B.N.		
State Arctic Policy of Russia.....	1	15
BUKHVALD E.M.		
Constitutional Changes and a New Stage of Russian Federalism Development.....	1	44
OREKHOVSKY P.A.		
Electoral Democracy – 2020 in the Light of Public Choice Theory: Lessons in Institutional Design for Russia	1	62
KUZNETSOVA O.V., BABKIN R.A.		
The Sectoral Structure of the Economy of Russian Regions as a Factor of their Development in 2020.....	3	5
STEPANOV N.S. SOKOLOVSKAYA E.A.		
Far East Location in the Prospective Development Model of the Russian Federation.....	3	29
SOROKINA N.Yu.		
Levels and Hierarchy of Goals of the Modern Regional Socio-Economic Policy of Russia	3	50
QUESTIONS OF THEORY		
KARAVAEVA I.V.		
Economic Security Theory: Stages of Development and Transition to a New Reality.....	2	5
EMELYANOVA E.S., VASILIEV L.A.		
Approbation of Approaches to Assessment of ESG Risks of Russian Companies at the Regional Level	2	25
SUKHAREV O.S.		
Assessment of Regional Development Institutions and Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation.....	2	43
KOROTINA N.Y.		
Formation of the Economic Federalism Theoretical Model Based on the Dual State Nature	4	75
SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS		
ODINTSOVA A.V.		
Challenges of Agglomerations Development in Russia.....	2	65
EMELYANOVA E.S., VASILIEV L.A.		
Stress Testing the Impact of Esg-Factors on Companies in the Metals Industry.....	3	63
SIBIRSKAYA E.V., OVESHNIKOVA L.V., SHAKIROVA D.F.		
Strategic Planning of the Development of Manufacturing Industries in the Russian Federation	3	75
LAIKAM K.E., BIKBAEVA A.R., PAVLOVA E.K.		
Impact of the Coronavirus Pandemic on Labor Market	4	5

GAGARINA G.U., BOLOTOV R.O.		
Valuatio of Inequality in the Russian Federation and its Decomposition Using the Theil Index	4	20
FISCAL FEDERALISM		
LYKOVA L.N.		
The System of Intergovernmental Relations: are there any Incentives for Economic Development.....	1	80
MOROZOV O.V., BIRYUKOV A.G.		
Questions to the Domestic Practice of Inter-Budgetary Regulation in the Pandemic Situation of 2020.....	2	84
LYKOVA L.N.		
Consolidated Budgets of the Subjects of the Russian Federation in the First Half of 2021: is the Crisis Ended?	3	105
BUKINA I.S.		
Debt Burden of the Subjects of the Russian Federation.....	3	121
ECONOMY AND GEOGRAPHY ISSUES		
KUZNETSOVA O.V., BABKIN R.A.		
Typology of Municipalities to Monitor Their Socio-Economic Development	4	35
VOROSHILOV N.V.		
Development of Urban Agglomerations in the European North of Russia.....	4	54
SUPRANATIONAL PROBLEMS		
CHUFRIN G.I.		
The Origin, Formation and Development Prospects of the Eurasian Integration	2	115
CHUFRIN G.I.		
Post-Soviet States of Eurasia in International Economic Relations.....	4	89
RANGES OF SECURITY		
BAHTIZINA N.V., BAKHTIZIN A.R.		
Energy Transition Investments and Financing Instruments.....	1	100
KARAVAEVA I.V., KOLOMIETS A.G., KAZANTSEV S.V.		
Will the Federal Budget for 2021–2023 Fiscal Years be Able to Ensure the Achievement of Strategic Goal and to Assure the Economic Security of the Russian Federation?.....	1	115
BABKIN R.A.		
Integral Assessment of the Level of Marginalization of Regional Societies in Russia.....	1	132
BADINA S.V., BABKIN R.A., BEREZNYATSKY A.N.		
Prospects for the Use of Mobile Operator Data in Studies of Natural and Man-Made Risk	4	111
FOREIGN EXPERIENCE		
GLIGICH-ZOLOTAREVA M.V.		
On the Threshold of a New Regionalization	1	165
MINAT V.N.		
Urbooriented Development of the National Innovative System in the US Metro Areas.....	1	187

GLIGICH-ZOLOTAREVA M.V., KIRJUHIN K.S.	
Democracy in America?	3 142
MINAT V.N.	
Regionalization of Human Capital Development and Us Regional Innovation Policy	3 169
LUKONIN S.A., ANOSOV B.A.	
China: Decarbonising the Economy and Adhering to the ESG Principles	3 192
ANALITICAL NOTES	
LYKOVA L.N.	
Consolidated Budgets of the Subjects of the Russian Federation in 2020: Opportunities for Fulfilling Obligations in the Context of the Crisis.	1 207
BUKINA I.S., LYKOVA L.N.	
A Year of a Pandemic: the State of the Russian Budget System	2 149
VILENSKIY A.V.	
Geostrategic Border Territories of Russia: Small and Medium Business.....	2 169
SELIVANOV V.V.	
Research of Opportunities for the Prospective Development of the Crimean Tourist Destination	2 187
VALENTEY S.D., BAKHTIZIN A.R., BORISOVA S.V., KOL'CHUGINA A.V., LYKOVA L.N.	
Development Trends of Subjects of the Russian Federation During the Pandemic Period	4 127
YOUNG SCIENTISTS	
KARPOV Y.A.	
Organizational and Economic Basis of Functioning of Transportation Complexes of the EU And PRC.....	4 171

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять – от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов – от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»).

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов – название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6–8 строк (100–250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5–7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу – затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал – 1,0. Отступ – 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы – по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний – 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле – 2,0; нижнее поле – 2,5; левое поле – 2,0; правое поле – 1,5.

Принятые сокращения: год – г. годы – гг.; в том числе – в т.ч.; то есть – т.е.; так как – т.к.; тому подобное – т.п.; тысячи – тыс.; миллионы – млн; миллиарды – млрд; рубли – руб.; доллары – долл.; век – в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремитесь к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdr и не экспортируйте файлы *.cdr в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авто-
ров публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8-499-237-84-87**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 23.12.2021.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.
Уч.-изд. л. 14,27.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
2021

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by «Ural-Press» catalogue.
Index 72005

In case materials from “Federalism” are
reproduced, the reference to the source
is mandatory. Materials not accepted for
publication are not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the
authors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: **8-499-237-84-87**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 23.12.2021.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 11.75. Conv. sheets 16.45.
Publ. sheets 14.27.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.

© Russian University of Economics,
2021